

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

**ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ**

№ 11-12

0

3

9

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ОГИЗ — Государственное социально-экономическое издательство

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1931 год

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

**ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ**

Год издания 3-й

Отв. редактор В. П. Милютин

**Редколлегия: Б. Борилин, Р. Вайсберг, Е. Грановский, Г. Козлов,
М. Кривицкий, В. Милютин, М. Рубинштейн, Ю. Флаксерман.**

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА:

1. Теоретическая разработка проблем социалистической реконструкции народного хозяйства СССР.

2. Теоретическое освещение проблем современной фазы империализма и проблемы взаимоотношений СССР с капиталистическими странами.

3. Теоретическое разоблачение уклонов от ленинизма и генеральной линии партии.

4. Борьба против буржуазной идеологии в области экономики в СССР и капиталистических странах.

5. Теоретическая разработка наименее разработанных сторон марксовской политэкономии.

6. Практическая помощь преподавателям вузов и комвузов путем освещения проблем методологии и методики преподавания экономических дисциплин.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН НА ЭКОНОМИСТОВ, ВУЗОВЦЕВ, ПАРТАКТИВ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На год—12 р., на 6 мес.—6 р. Отдельный номер—1 р. 25 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Периодсекторе Книгоцентра (Москва, центр, Ильинка, 3), во всех отделениях и магазинах Книгоцентра, на почте и всеми письмоносцами.

ГОД
ИЗДАНИЯ
ВТОРОЙ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

О
Р
Г
А
Н

И
Н
С
Т
И
Т
У
Т
А

Э
К
О
Н
О
М
И
К
И

К
О
М
М
У
Н
И
С
Т
И
Ч
Е
С
К
О
Й

А
К
А
Д
Е
М
И
И

О Р Г А Н
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

№ 11-12

1 9 3 0

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

И К А

☆

Н. БЕРЕЗИН

БЛОК ОПОРТУНИСТОВ

Развертывание социалистического наступления по всему фронту, характеризующееся борьбой за выполнение пятилетнего плана в четыре года, мощным процессом коллективизации в деревне и на этой основе ликвидацией кулачества как класса, означает не только укрепление хозяйственной мощи Советского Союза не только то, что мы успешно догоняем передовые в экономическом отношении капиталистические страны, успехи социалистического наступления означают громадные качественные сдвиги во всей экономике Советского Союза. «Мы вступили в период социализма»—такова основная характеристика текущего этапа нашей революции. Этот факт особо тревожит наших врагов и наряду со все усложняющимся кризисом в самом капиталистическом хозяйстве является важнейшим моментом, чрезвычайно обостряющим угрозу интервенции. Недавно закончившийся процесс ЦК Промпартии является наглядным свидетельством колоссально возросшей активности нашего классового врага не только на территории Советского Союза. Сорвать социалистическое наступление и в первую очередь в его ведущем звене, на участке борьбы за быстрые темпы индустриализации страны, и тем самым подготовить условия для интервенции,—такова задача, которую сейчас пытались решить наши враги, разуверившись в возможности мирного перерождения советской власти, мирной реставрации капитализма. Ставка на хозяйственный кризис в целях подготовки интервенции, попытки организовать его (ведь в природе нашего хозяйства нет оснований для кризисов, поэтому его можно только искусственно создать)—этим характеризовалась в основном «хозяйственная» работа Промышленной партии. Ставка на кризис не новое явление. Мы помним, как усиленно предрекали и ждали кризиса троцкисты, как к той же позиции скатывались правые уклонисты. Разница здесь только та, что вредители поняли, что без активной вредительской работы кризиса быть не может, их ставка на кризис не была ставкой на самотек.

В ожидании неизбежного общего хозяйственного кризиса образовался и новый блок внутри партии, так называемый право-«левый» блок. «Когда будет сильный экономический удар, когда наступит катастрофа—заговорят классы, и тогда никакой аппарат не выдержит»—таким языком говорили в своей среде лидеры этого блока.

Немного истории. Как известно, блок возглавлялся тт. Сырцовым и Ломинадзе. Группа Ломинадзе, как известно, создавалась как «левая» группа. О ее прошлой деятельности свидетельствует письмо Ломинадзе в ячейку Института красной профессуры, его выступления на XVI партийной конференции и статьи Стэна и

Шацкина в «Комсомольской правде». В своем письме т. Ломинадзе обвиняет ячейку ИКП в центризме, т. е. по существу в примиренчестве к правому уклону только за то, что подавляющее большинство ячеек твердо стояло на позиции генеральной линии партии и не только на словах, но и на деле проводило борьбу на два фронта. «Радикализм» по отношению к правому уклону — вот чем характеризовалась в прошлом группа Ломинадзе. Наличие ряда точек соприкосновения с троцкизмом характерно для «леваков». Как известно, т. Ломинадзе встал на позицию троцкистской теории перманентной революции по отношению к китайской революции. Выдвигая требование создания союза бедноты (не понимая, что это может чрезвычайно усилить тенденции к созданию крестьянского союза), «леваки» забывали о середняке. Перепевами троцкистских мотивов отличается статья т. Шацкина в «Комсомольской правде», направленная против партийного аппарата и партийного режима. Вместе с Троцким проэволюционировала эта группа от левейших требований и решительного «радикализма» по отношению к правому уклону до платформы правого уклона, до блока с Сырцовым, выступавшим в 1927 г. пропагандистом бухаринского лозунга «обогащайтесь!»

ПЛАТФОРМА ПРАВО-«ЛЕВОГО» БЛОКА

Характерной чертой оппортунизма во всех его проявлениях является неверие в творческие силы пролетариата. Отсюда отрицание контрреволюционным троцкизмом возможности построения социалистического общества в нашей стране, отсюда паника перед трудностями и капитуляция правых, отсюда совпадение основных положений правых с тактическими установками реставраторских групп всех мастей от Кондратьева до Рамзина. Неверием в творческие силы пролетариата пропитаны и все установки право-«левацкого» блока. С предельной ясностью это выразилось в формулировке т. Сырцова о том, что рабочий класс «голосовал ногами». Сырцов проходит мимо мощного размаха социалистического соревнования и ударного движения. Он не видит, что сейчас иное, коммунистическое, отношение к труду охватило самые широкие слои рабочих, что неизмеримо возросла роль масс в деле борьбы за социалистическую реконструкцию нашего хозяйства, качественно по-иному стоит вопрос о непосредственном участии масс в хозяйственном строительстве и государственном управлении. Сырцов видит только рост отхода в деревню в связи с высоким урожаем некоторой части, связанной с сельским хозяйством, по преимуществу недавно втянутых в производство рабочих, у которых сильны еще мелкобуржуазные колебания. И это выражение мелкобуржуазных шатаний у отсталой части рабочих Сырцов пытается распространить на весь рабочий класс. Сырцов клеветает на весь рабочий класс Советского Союза, опорочивает его героизм, его гигантское напряжение сил в борьбе за победу социалистического общества. Отсюда и неверность всей оценки переживаемого периода, отрицание ими (лидерами право-«левого» блока) характеристики данного этапа нашей революции как этапа, когда мы вступили уже в период социализма.

Послушаем высказывания Ломинадзе по этому вопросу: «Если вопрос «кто—кого» внутри страны еще не снят полностью (а в де-

ревне он еще не снят), если $\frac{3}{4}$ крестьянских хозяйств еще вне колхозов, если существующие колхозы еще не являются предприятиями последовательного социалистического типа, то вряд ли можно говорить о том, что мы вступили уже в период социализма». Ломинадзе не понимает, что решающим для определения перспективного периода является удельный вес социалистического сектора во всей экономике нашей страны. Ведь именно из того факта, что социалистический сектор на всех важнейших участках занял господствующие позиции, и следует вывод, что явно недостаточно определять переживаемый этап как просто переходный период. Количественный рост социалистического сектора, количественные изменения в соотношении между различными общественными укладами в СССР знаменуют и громадные качественные изменения. Уже неоднократно приводились цифры об изменении удельного веса обобщественного сектора на важнейших участках нашего хозяйства. Напомним их кратко. Удельный вес социалистического сектора в основных фондах всей промышленности (включая и мелкую) достиг 96,5%, а в промышленной продукции—94,7, в товарной продукции сельского хозяйства—свыше 40%, а по зерну!—даже свыше 50. Ломинадзе вспоминает: а ведь $\frac{3}{4}$ крестьянских хозяйств еще вне колхозов, забывая, что в основных зерновых районах колхозами объединено уже почти 50% хозяйств. И он не видит, что решающим здесь является не просто количественное соотношение числа хозяйств и даже не их продукция, а то, в какой мере они обслуживают общество, т. е. их доля в так называемой товарной продукции (в обобщественном секторе это уже не товарная продукция), ибо общественное значение хозяйства прежде всего выявляется именно его участием в производстве не для себя, а для общества. Здесь же соотношение иное. Здесь уже резко упало значение моря мелкособственнической стихии, как это наблюдалось всего два года назад. Социалистический сектор занял здесь господствующие позиции и в действительности является ведущим началом (отсюда вовсе не вытекает возможность пренебрежения индивидуальным сектором; основная масса его—это будущие колхозники, и это определяет в основном нашу линию по отношению к ним). Формулировка Ломинадзе означает также отрицание того факта, что в деревне произошел решительный перелом в сторону социалистических форм ведения хозяйства. В то время как этот перелом все шире и шире охватывает основные массы деревни, растет новый прилив в колхозы, позволяющий нам рассчитывать, что в будущем 1931 г. коллективами будет охвачено не менее 50% всех крестьянских хозяйств и в основных зерновых районах не менее 80%. Это означает, что мы накануне завершения построения фундамента социалистической экономики СССР.

Непонимание этого порождает пессимизм в определении положения и перспектив развития сельского хозяйства (Ломинадзе очень много говорит о катастрофическом положении с животноводством), непонимание того, что, опираясь на социалистический сектор, развертывая совхозно-колхозное строительство, мы имеем все основания рассчитывать на преодоление в ближайшем будущем затруднений в области животноводства и технических культур, так же как преодолены (в основном) затруднения по зерновому хозяйству.

Спор об определении о характеристике переживаемого этапа вовсе не является чисто теоретическим спором. Он имеет громадное значение для определения всей тактики партии на данном этапе. Мы все время, говоря о темпах нашего развития, подчеркивали, что они определяются в основном преимуществами нашей хозяйственной системы. С ростом социалистического сектора, с изменением его роли в экономике эти преимущества также колоссально возросли. Непонимание этих качественных сдвигов и приводит к неверному ответу на вопрос о наших задачах и возможностях на предстоящий период. Вместо ясного определения данного этапа, как периода социализма, определения, четко проводящего отличие данного этапа переходного периода от предшествующего, выражающего особенность данного этапа, Ломинадзе говорит о последнем периоде нэпа. Ломинадзе отождествляет вступление в период социализма с полным построением социалистического общества, с прекращением классовой борьбы. Вопрос «кто—кого» не снят еще—совершенно правильно указывает он «забывая» добавить, что в промышленности, в ведущем секторе, он уже снят. Но ведь если бы был уже в целом снят вопрос «кто—кого», то речь шла бы уже о построении социалистического общества. То, что мы вступили в период социализма, не означает затухания классовой борьбы, не означает, что капитализм в нашей стране уже добит окончательно, что он уже не опасен. Но социализм уже занял господствующие позиции, у него налицо возможности для дальнейшего развертывания наступления на капитализм самым широким фронтом. Ломинадзе хочет провести резкую грань между началом социализма и концом нэпа и отсюда не видит особенностей переживаемого периода и стирает их в формуле—последний этап нэпа.

Спор об определении переживаемого этапа во многом напоминает спор с троцкистами и зиновьевцами о госкапитализме и о характере наших государственных предприятий. Все помнят, как тот спор был самым непосредственным образом увязан с основными вопросами стратегии и тактики партии. И непонимание того, что мы вступили в период социализма, тесно увязывается у тт. Сырцова и Ломинадзе с установкой на сужение фронта капитального строительства, на замедление темпов хозяйственного развития, с невероятным преувеличением трудностей, стоящих на нашем пути, и ожиданием близкого кризиса.

Здесь установка право-«левого» блока теснейшим образом стыкается с платформой правого уклона и по существу является ее новым изданием, переработанным применительно к вопросам текущего момента.

Перейдем к вопросам конкретной экономики.

Как известно, платформа правого уклона характеризовалась также непониманием особенностей нашей экономики, недооценкой значения социалистического сектора в сфере производства и отсюда—переоценкой обращения, что наиболее полно нашло свое выражение в искаженном толковании т. Бухариним кооперативного плана Ленина. Позиция правого уклона характеризовалась также установкой на чисто рыночные методы регулирования¹. Вспом-

¹ Уже неоднократно указывалось, что все эти установки правоуклонистской платформы питались от кондратьевщины, были выражением ее влияния на отдельные клеточки партии, здесь на этой стороне мы подробно не останавливаемся.

ним разговоры о резком несоответствии цен на промышленные товары и сельскохозяйственные продукты и требование тщательного повышения по сельскохозяйственной группе. Ставка на рыночное регулирование характерно и для т. Сырцова. Он требовал резкого и значительного повышения цен для того, чтобы отрегулировать соотношение спроса и предложения; повторяя старые троцкистские утверждения о том, что «частник снижает разницу между государственной и своей ценой...», что «... нельзя допускать стихийного перераспределения, которое будет немножко подходить на «самораскулачивание» рабочей кооперации и госорганов, и перехода по сравнительно невысоким ценам части реальных фондов в руки мелкобуржуазных групп населения».

В свете этого становится понятной и борьба т. Сырцова с якобы преувеличенной оценкой значения планового начала в сельском хозяйстве в связи с теми изменениями, которые произошли в общественных отношениях в деревне. Как известно, эти изменения позволили перенести начало хозяйственного года на 1 января, приспособить систему планирования применительно к требованиям ведущего участка в реконструктивном периоде капитального строительства. Этот перенос стал возможным именно потому, что колоссально усилилась роль планового начала в сельском хозяйстве, что мы здесь в несравненно меньшей степени стали зависеть от мелкособственнической стихии. И борьба т. Сырцова с якобы переоценкой этого значения на самом деле отражала его собственную недооценку значения планового начала, вытекающую из общего непонимания переживаемого этапа.

Нам кажется, что вряд ли будет целесообразно заниматься полемикой с предложением о повышении цен. Его губительные последствия очевидны. Кажущееся равновесие на рынке на самом деле означало бы резкое снижение покупательной силы рубля, чрезвычайно ухудшило бы положение рабочего класса, неизбежно привело бы к повышению цен на сельскохозяйственные продукты и значительно усилило бы позиции кулака в деревне.

А по основному вопросу, действительно дающему возможность преодоления стоящих на нашем пути затруднений, по вопросу о разрыве связей социалистического наступления, тт. Сырцов и Ломинадзе выступили защитниками свертывания темпов.

Тов. Сырцов в своем выступлении в Совнарком РСФСР заявил, что нам не нужно ни правой, ни левой арифметики, а нужна нам правильная арифметика. Но ведь всякий склонен свою арифметику считать правильной. К чему же сводилась арифметика т. Сырцова? Ее итог—требование сужения фронта капитального строительства—как это выразил т. Ломинадзе, пытаюсь клеветнически изобразить дело таким образом, что партия уже встала на этот путь. Не может быть двух мнений, что это правая арифметика. Но вернемся к т. Сырцову. Всякому, кто прочел его брошюру о контрольных цифрах, ясно, что она направлена против взятых нами темпов. Критикуя плановые наметки, Сырцов требует, чтобы наши задания были рассчитаны не на идеальных людей, а на таких, как они есть. Разве эти рассуждения не напоминают «Заметок экономиста» Н. И. Бухарина, где он требовал равнения на узкие места. Да, кадры наше узкое место, тормозящее наше поступательное движение. Эту слабость мы обязаны учитывать. Но партия остро ставит задачу преодоления этого узкого

места и не только путем подготовки новых кадров, но и подтягивания существующих к тем задачам, которые стоят перед нами. И здесь мы имеем громадный резерв во все растущей активности рабочего класса. Высшим проявлением этой активности в данный момент является встречный промфинплан. Он знаменует новую ступень в деле непосредственного вовлечения самых широких масс рабочих в хозяйственное строительство. Он является могучим оружием борьбы с контрреволюционным вредительством, он мобилизует опыт миллионов. Встречный промфинплан—новый прилив ударничества, вот действительное голосование рабочего класса по вопросу о линии партии. Этого не хочет понять т. Сырцов, ибо тогда рушится вся его концепция. Он встретил в штыки встречный промфинплан, объявив его чуть ли не методом сковывания рабочей инициативы. Главную опасность для встречного промфинплана т. Сырцов усмотрел в том, что им могут воспользоваться для карьеристических целей, что могут быть намечены нереальные задания. И ни слова против действительно главной опасности, против попытки игнорирования встречного промфинплана, игнорирования рабочих предложений, против вредительской тенденции бездушным бюрократическим отношением погубить идею встречного промфинплана. Главные враги встречного промфинплана—это вредитель, бюрократ, правый оппортунист. Особо опасен тот, кто на словах за линию партии, но против высоких темпов у себя на предприятии. Отсюда угроза срыва той кампании по мобилизации внутренних ресурсов для ускорения темпов индустриализации, которую несет с собой встречный промфинплан. И против этой опасности ни словом не обмолвился т. Сырцов, ибо вся позиция т. Сырцова насквозь враждебна идее встречного промфинплана. Все это еще раз показывает, что та арифметика, которую хотел бы видеть в контрольных цифрах т. Сырцов, есть арифметика правого уклона.

Таким образом, не подлежит ни малейшему сомнению, что платформа, на которой создавался право-«левый» блок, есть платформа правого уклона. История право-«левого» блока очень показательна. Ведь основное ядро его составляли так называемые «леваки» (большинство участников группы Сырцова, также «леваки» в прошлом). В прошлом у этой группы была точка соприкосновения с троцкизмом. В прошлом они выступали с наиболее «радикальными» требованиями. А ныне право-«левый» блок не что иное, как правая группа, выступившая с платформой правого уклона. Правда, блок сохранил кое-что и от старого троцкизма—контрреволюционную критику нашего партийного и государственного аппарата. Но такова уже судьба всех пытающихся атаковать партийную линию. Все они идут по проторенной Троцким дорожке.

Еще раз подтверждается истина, что «левый» оппортунизм не далеко ушел от правого, что круг неизбежно завершается в той же точке, в точке правого уклона. Ведь и некогда кичившийся своей левизной Троцкий ныне принял в основном платформу правых. Та же судьба постигла и группу Ломинадзе и Шацкина, так называемую группу «леваков». Развертывание социалистического наступления, трудности, которыми оно сопровождается, сорвали левые одежды. Перед нами оказались такие же представители идей контрреволюционной кондратьевщины, как и

обычные правые. В самом деле от Кондратьева заимствована критика т. Сырцовым процессов коллективизации, кондратьевскую Юценку дает он вместе с Ломинадзе положению сельского хозяйства, кондратьевщиной веет от оценки роли планового начала. О требовании сужения фронта капитального строительства нечего и говорить! «Леваки» встали на позиции Кондратьева. Но это вовсе не означает, что борьба на два фронта сейчас сводится только к одному, что «левых» загибов в собственном смысле слова больше нет. Было бы неправильным утверждать, что «левацкий» уклон проявляется теперь только в такой неприкрытой правой форме. Ведь и сейчас не исключена неправильная постановка вопроса о соотношении классов (снятие вопроса «кто—кого» в целом), недооценка значения индивидуального сектора в деревне, антисередняцкие перегибы. Имеем ли мы сейчас направление, считающее, что рубль в наших условиях уже перестал быть рублем, а отсюда наплевательское отношение к вопросам устойчивости денежной системы. В этой концепции как раз прежде всего и сказывается недооценка значения индивидуального мелко-товарного сектора на данном этапе нашего хозяйственного развития. Не исключен и бюрократический максимализм в области плановых запроектировок. Ведь не даром вредители за последнее время изменили свою тактику и вместо курса на минимальные планы пытались использовать бюрократический максимализм в области планирования, взяли курс на преувеличение планов. Против «левацких» загибов партия и впредь будет продолжать борьбу, сосредоточив огонь по главной опасности, по правому уклону, на позиции которого переключались и многие бывшие «леваки».

В. ВЕЙЦ

ДИНАМИКА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕВООРУЖЕНИЯ СССР И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ¹

ОЧЕРК ТРЕТИЙ ²

Проблема темпов количественной и качественной энерговооруженности народного хозяйства СССР является несомненно одной из решающих проблем в общем плане «догса и перегона» технического уровня производительных сил передовых капиталистических стран. Это положение нашло уже свое частичное отражение в наших предыдущих статьях, посвященных энергетическому перевооружению СССР. Задача настоящего очерка заключается преимущественно в конкретном рассмотрении этой проблемы на основе анализа развернутых первичных материалов по динамике энерговооруженности Союза и капиталистических стран за последнее пятилетие.

I

Изучение материалов по развитию основных стран мирового хозяйства за последние три десятилетия четко демонстрирует основной тезис о том, что количественный и качественный рост энерговооруженности служил и служит одной из важнейших предпосылок и вместе с тем решающим условием поступательного развития производительных сил во всех отраслях хозяйства, предпосылкой и условием общего процесса индустриализации. Это можно конкретно проиллюстрировать хотя бы на общих материалах, характеризующих темпы развития производительных сил САСШ.

(См. развернутые материалы, характеризующие темпы роста за последние 28 лет, основных отраслей народного хозяйства САСШ и их энерговооруженности — приведенные в наших очерках в журнале «Мировое хозяйство» за 1929 г. (очерки посвящены энергетической проблеме современного мирового хозяйства). Там же указаны использованные источники и методы построения соответствующих индексов — занятой рабочей силы, результатов производства, энерговооруженности и электровооруженности труда и т. д.)

Эти данные четко показывают, во-первых, что темпы энерговооруженности промышленности и всего народного хозяйства Соединенных штатов опережали соответствующие темпы роста физического объема продукции и занятой рабочей силы; во-вторых, что динамика роста показателей, характеризующих реконструктивные тех-

¹ См. «Проблемы экономики» № 4—5, 7.

² Настоящий очерк мы здесь приводим в несколько сокращенном виде.

нические процессы в энергетическом хозяйстве (например индекс электрификации, индекс централизованной электрификации и т. д.), в свою очередь значительно опережали темпы кривой общей энерговооруженности; в-третьих, что рост кривой индекса производительности труда (отношение индекса физического объема продукции к индексу занятой рабочей силы) непосредственно связан с еще более быстрым ростом ординат кривых, характеризующих динамику количественной и качественной энерговооруженности труда в Соединенных штатах (индекс общей энерговооруженности: на индекс занятой рабочей силы; индекс электрификации: на индекс занятой рабочей силы и т. д.).

Анализ системы сводных показателей, характеризующих динамику роста нашей промышленности и ее энерговооруженности за 1925/26 — 1929/30 гг., приводит к следующим основным выводам:

1. Незатухающие темпы роста продукции промышленного производства, основных промышленных фондов, проработанного времени рабочими, занятыми в промышленности, и общих показателей, характеризующих энерговооруженность промышленности. Эти темпы роста значительно обгоняют соответствующую динамику промышленности капиталистических стран на всех стадиях развития монополистического капитализма.

2. Темпы сводных показателей энерговооруженности (мощность и энергия) отстают от соответствующих темпов продукции промышленного производства. (См. диагр. на след. стр.) Динамика прироста мощности двигателей рабочих машин (по отношению к каждому предыдущему году) за последние 2—3 года отстает также от соответственной динамики прироста основных промышленных фондов и рабочего времени.

Например, прирост (+) в 1928/29 г. по отношению 1927/28 г. в ‰:

Взловая продукция (в неизменных ценах) . . .	+ 24
Промышленные фонды	+ 11,8
Число рабочих в заведениях с двигателями . .	+ 8,1
Фактически проработанное ими время в часах . .	+ 9,5
Мощность двигателей рабочих машин	+ 6
Потреблено в промышленности силовой энергии.	+ 13

Соотношение темпов энергетических и общепромышленных показателей иное, чем мы это видим на примере развития производительных сил Соединенных штатов Америки.

Несомненно, что в известной мере здесь сказывается эффект рационализации и реконструкции энергетического хозяйства в отдельных отраслях промышленности (см. ниже). Это, естественно, привело к снижению удельных мощностей и энергии на единицу продукции. И этим в известной мере объясняется отставание темпов роста сводных показателей энерговооруженности от соответствующих темпов общепромышленных показателей. Однако нужно решительно подчеркнуть, что в значительной степени здесь сказывались недооценка и игнорирование в практике наших оперативных и регулирующих органов энергетического фактора как одного из ведущих звеньев в общей цепи производительных сил. В постановлениях высших партийных и советских органов, в нашей литературе и печати уже достаточно четко было ска-

зано о руководящей роли энергетики в плане социалистической реконструкции нашего хозяйства ³. Однако в практике нашего строительства это часто игнорировалось ⁴. Нужно более решитель-

Темпы роста промышленности и ее энерговооруженности

Рис. 1.

³ В качестве одной из ярких иллюстраций может служить следующая краткая выдержка из исторического решения V Всесоюзного съезда советов (1929 г.) о нашей пятилетке: «Съезд одобряет энергетическую установку пятилетнего плана и лежащую в ее основе широкую программу электрификации. Съезд считает намеченные пятилетним планом задачи по строительству и расширению районных электростанций и по сооружению вокруг мощных электростанций и крупнейших промышленных комбинатов решающей предпосылкой для осуществления плана реконструкции народного хозяйства».

⁴ Теперь уже ясно, что здесь непосредственно приложило свою руку контрреволюционное вредительство — агента империализма (см. ниже).

но сказать: мы по сей день, находясь уже на грани «II тома Гоэлро», еще не овладели по существу всеми рычагами планирования и оперативного руководства энергетической реконструкцией нашего хозяйства. [В наших «контрольных цифрах» за предыдущие годы нет достаточно развернутого энергоплана (в частности — основных качественных показателей). Там представлены только основные цифры по мощности и производству энергии электростанциями. Да и последние в развернутом виде не обоснованы с техно-экономической стороны. Мы по этой причине не имеем возможности сделать даже общее количественное сопоставление динамики фактической энерговооруженности с плановыми заданиями, ибо последние отсутствовали. Это несомненно существенный пробел, который особо дает себя чувствовать в нынешний напряженный период на энергетическом фронте нашего социалистического строительства].

Темпы энерговооруженности промышленности — несмотря на их рост — еще недостаточны для современного этапа развертывания производительных сил нашей страны.

Если выше мы говорили о динамике сводных показателей, которые дают количественную характеристику энерговооруженности промышленности, то нижеприводимая динамика мощности и отдачи энергии основными группами электростанций в стране за последнее пятилетие дает нам уже первую качественную характеристику роста нашей энергетической базы:

Темпы роста электровооруженности СССР

	1925/26		1926/27		1927/28		1928/29		1929/30	
	Абсол. итоги	%	Абсол. итоги	%	Абсол. итоги	%	Абсол. итоги	%	Абсол. итоги	%
Мощность *										
Районн. станции .	370,2	100	517,2	139,7	564,6	152,5	710,3	191,9	1 162	313,9
Местн. » . . .	235,1	100	260,7	110,9	311,3	132,4	476,0	202,4	524	222,9
Промышл. » . . .	774,9	100	810,1	104,5	865,7	111,7	891,7	115,0	ок 1 000	129,0
Произв. электроэнергии**										
Районн. станции . .	1 120	100	1 405	125,4	1 814	1 620	2 319	207,0	3 315	353,7
Местн. » ** . . .	434	100	563	129,7	721	1 661	1 125	259,2	1 536	296,0
Промышл. » . . .	1 689	100	1 902	112,6	2 112	1 250	2 354	139,4	2 905	172,0

* В тысячах кВт. Данные относятся на конец хозяйственного года.
 ** В группу местных станций общего пользования отнесены промышленные электрокольца.
 *** В миллионах кВт.ч.

Темпы роста электровооруженности народного хозяйства, в частности по линии сектора централизованной электрификации (районные и часть местных станций общего пользования), значительно превосходят темпы общей энерговооруженности промышленности. Причем, как видно из приведенных данных, темпы произ-

водства электроэнергии, как правило, опережают соответствующий рост мощностей, что говорит о растущей отдаче энергии каждым установленным киловаттом ⁵.

Сопоставление приведенной выше динамики с плановыми данными контрольных цифр электрификации ⁶ показывает существенные отклонения на отдельных участках.

Отклонения (+, -) отчетных данных производства электроэнергии от контрольных

	1927/28		1928/29		1929/30	
	В млн. кВт/ч	В %	В млн. кВт/ч	В %	В млн. кВт/ч	В %
Общий баланс электроэнергии *	- 362	- 7	- 502	- 8	- 731	- 8,5
В том числе:						
По районным станциям	0	0	- 81	- 3,4	- 391	- 10,6
» фабр. зав. и местным**	- 362	- 11,7	- 421	- 10,8	- 340	- 7,1

* Включены районные, местные и промышленные электростанции.
 ** Мы специально суммировали данные по местным и промышленным станциям для того, чтобы устранить влияние на приведенные расчеты, имеющийся разницей в классификации станций на местные и промышленные.

Эти отклонения прежде всего демонстрируют отставание темпов электрификации по причинам, о которых мы выше писали. Однако в известной мере эти отклонения обусловлены также неполноценностью методологии самих контрольных цифр электрификации. В особенности это относится к группам промышленных и местных станций, цифры по которым в материалах контрольных цифр явно случайные, не мотивированные.

Ежегодный прирост потоков электроэнергии основных групп станций следует по незатухающей динамике, непосредственно отражая общий процесс индустриализации народного хозяйства, переключения производительных сил нашей страны на более высокую техническую ступень. Годичный прирост электроэнергии районных электростанций (в % к предыдущему году) составил — 25,4 (1926/27 г.), 29,1 (1927/28 г.) и 42,9 (1929/30 г.). По промышленным станциям — 12,6 (1926/27 г.) и 23,4 (1929/30 г.), по местным станциям — 29,7 (1926/27 г.) и 36,4 (1929/30 г.) ⁷.

Кривая электровооруженности дает нам первую целеустремленную характеристику общего процесса технического развития и

⁵ См. с. 30 и след. В порядке исключения мы наблюдаем за отдельные годы (на пример за 1929/30 г.) по районным станциям относительно более высокий темп роста кривой «мощности» сравнительно с кривой «электрической энергии». Но это объясняется тем, что в отчетном году значительные мощности были введены в строй только в конце года. Развернутый энергетический эффект этой мощности мог сказаться только в следующем году.

⁶ Последние см. в «контрольных цифрах народного хозяйства 1929/30 г.» «Планхозгиз» 1930).

⁷ Обращает внимание относительно высокий темп прироста энергии местных станций общего пользования. В известной мере это объясняется переключением за эти годы в группу местных станций ряда промышленных станций, которые были скольцованы высоковольтной сетью.

реконструкции производительных сил народного хозяйства. Тем более актуальным является сравнительный анализ в этом плане темпов развития первой в мире пролетарской страны и капиталистических стран за последние годы.

Мы уже выше ⁸ отметили тот действительно гигантский путь электрификации, который за последнее десятилетие прошла страна советов «в условиях ни в одной стране невиданных трудностей» (Ленин),—от истоков плана Гоэлро, о котором Ленин впервые докладывал VIII съезду советов и III конгрессу Коминтерна, до нынешнего этапа, до третьего года пятилетки. Однако крайне яркой характеристикой в этом отношении путей развития нашего хозяйства является та коротенькая официальная табличка с данными о динамике электровооруженности отдельных стран мирового хозяйства за 1925—1928 гг., которая приведена в официальном издании Лиги наций: «Memorandum sur la production et le commerce 1925—1928/29» ⁹.

Мы ее целиком приводим без критической оценки источников построения этих цифр.

Группировка стран по масштабу прироста электрической энергии 1925—1928

Группы	Общий прирос. эл. энергии за 1925—1928 (в %)	Страны	Группы	Общий прирост эл. энергии за 1925—1928 (в %)	Страны
I . .	11—20	Южн. Африка Дания Румыния Швеция	IV .	41—50	Австралия Голландия
II . .	21—30	Финляндия Испания САСШ Япония Англия Уругвай	V . .	51—60	Канада Швейцария Польша
III .	31—40	Франция Италия Германия	VI .	125	СССР

В то время как по данным Лиги наций наиболее передовые капиталистические страны — Соединенные штаты, Германия, Англия, Франция, Япония — за эти 4 года дали абсолютный прирост электровооруженности порядка 20—40% и 30—40%, когда самые рекордные темпы роста электровооруженности в капиталистических странах составили 50—60% (Швейцария, Канада), — СССР, по признанию этого официального органа Лиги наций, дал при-

⁸ См «Проблемы экономики» № 4—5.

⁹ Genève, Juin 1930.

Страны	Рост производства электрo		
	1925/26	1926/27	1927/28
СССР **			
а) Абсолютные данные	3 353	4 050	4 797
б) В % к 1925	100,0	120,8	143,0
в) В относ. цифр. (СССР = 1)	1	1	1
САСШ ***			
а) Абсолютные данные	81 790	90 000	102 760
б) В % к 1925	100,0	110,0	125,6
в) В относ. цифр. (СССР = 1)	24,4	22,2	21,4
Германия			
а) Абсолютные данные	20 328	21 218	25 135
б) В % к 1925	100,0	104,3	123,6
в) В относ. цифр. (СССР = 1)	6,1	5,3	5,2
Канада			
а) Абсолютные данные	10 846	12 383	15 549
б) В % к 1925	100,0	114,2	143,3
в) В относ. цифр. (СССР = 1)	3,2	3,1	3,2

* Абсолютные данные проработаны нами по материалам официальных стат. изданий энергетического конгресса в Берлине.

Необходимо заметить, что в данных о мощности и выработке электроэнергии западные цифры по материалам разных источников. Но и в этом случае не всегда удавалось категориям станций — промышленным, общего пользования и т. д.).

Чтобы не загромождать изложения, мы опускаем в данном случае как перечень отдельным странам.

По ряду западных стран данные за 1929 г. являются предварительными.

Необходимо заметить, что публикуемые в западных странах предварительные данные вносятся по ряду стран после уточнения предварительных итогов и оценок. На цифры производства электроэнергии в Германии в 1929 г. фигурировала цифра в 34 млрд. Maschinenbau» июнь 1930. В действительности отчетные данные, опубликованные Гер Statistik», показывают цифру всего 30 млрд. kWh (кругло). Это не единичный пример. в 1929 г. — год начала кризиса.

Необходимая поправка: в нашем очерке, напечатанном в «Проблемах экономики» гии ряда стран напечатаны в рубрике «станций общего пользования». В действитель (К сожалению автор не имел возможности вследствие командировки проверить

** Данные по СССР относятся к хозяйственным годам; данные по другим стра Цифры мощности электроэнергии охватывают все станции общего пользования,

*** Опубликованные в разных источниках цифры по Канаде отличаются большим энергии станциями общего пользования (в млрд. kWh): 1925 г. — 9,9, 1926 г. —

энергии (в млн. кВт/ч)		Рост электрической мощности (в тыс. кВт)			
1928/29	1929/30	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
5 960	7 930	1 453	1 669	1 832	2 173
177,7	236,5	100,0	114,9	126,1	149,5
1	1	1	1	1	1
111 000	120 000	29 120		36 280	38 500
135,6	146,6	100,0		124,6	132,2
18,6	15,1	20,0		19,8	17,8
27 871	30 661	8 713	9 555	10 242	11 102
137,1	150,8	100,0	109,6	117,5	127,3
4,7	3,9	6,0	5,7	5,6	5,1
17 531	ок. 18 030	3 080	3 420		4 048
161,6	165,9	100,0	111,0		131,4
2,9	2,3	2,1	2,0		1,9

отдельных стран и по материалам, полученным автором во время работ мирового
 ных стран мы наблюдаем большой разницей. Это заставило нас апробировать основ-
 докопаться до «истины». (Это в частности относится к уточнению данных по основным
 использованных источников, так и критическую характеристику разницы данных по

ные как правило преувеличены. Об этом свидетельствуют фактические поправки, ко-
 пример в западноевропейских и американских журналах в качестве предварительной
 кВт/ч. Последняя цифра была приведена даже в германском журнале «Elektrizität und
 манским статуправлением в последних номерах официального органа «Wirtschaft und
 Нетрудно понять причины преувеличенных предварительных оценок электробалансов

№ 4—5, вследствие недосмотра в сводке на с. 93 данные о мощности и электроэнер-
 ности эти данные относятся ко всем электростанциям.
 гранки; поэтому в цитированный очерк вкрался и ряд других опечаток и неточностей)
 нам — к календарным годам.
 промышленные станции, сельскохозяйственные и станции специального назначения.
 разном. Канадские ежегодники публикуют такой ряд данных о выработке электро-
 11,2, 1927 г. 14,5, 1928 г. — 15,9, 1929 г. — 17,6.

Страны	Рост производства электро		
	1925/26	1926/27	1927/28
Англия			
а) Абсолютные данные	11 743	11 766	13 828
б) В % к 1925	100,0	100,1	117,8
в) В относ. цифр. (СССР = 1)	3,5	2,9	2,9
Франция			
а) Абсолютные данные	10 207	11 268	11 875
б) В % к 1925	100,0	110,4	116,3
в) В относ. цифр. (СССР = 1)	3,0	2,8	2,5
Япония			
а) Абсолютные данные	8 172	9 313	10 559
б) В % к 1925	100,0	113,9	129,1
в) В относ. цифр. (СССР = 1)	2,4	2,3	2,2
Италия			
а) Абсолютные данные	7 350	8 550	8 970
б) В % к 1925	100,0	116,3	122,0
в) В относ. цифр. (СССР = 1)	2,2	2,1	1,9
Норвегия			
а) Абсолютные данные	7 300	7 640	8 000
б) В % к 1925	100,0	104,6	109,5
в) В относ. цифр. (СССР = 1)	2,2	1,9	1,7
Швейцария			
а) Абсолютные данные	3 677	4 170	4,434
б) В % к 1925	100,0	113,4	120,6
в) В относ. цифр. (СССР = 1)	1,1	1,0	0,9
Швеция			
а) Абсолютные данные	3 672	4 006	4 385
б) В % к 1925	100,6	109,1	119,4
в) В относ. цифр. (СССР = 1)	1,1	1,9	0,9

энергии (в млн. кВт/ч)		Рост электрической мощности (в тыс. кВт)			
1928/29	1929/30	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
14 960	16 300	7 090	7 685	8 400	8 860
127,4	138,8	100,0	108,4	118	124,9
2,5	2,1	4,9	4,6	4,5	4,1
13 100	ок. 15 000	5 119	6 449	7 700	
128,3	147,0	100,0	125,9	150,4	
2,2	1,9	3,5	3,9	4,2	
11 000	11 500	2 768	3 203	3 467	3 750
134,5	140,7	100,0	115,7	125,0	135,5
1,9	1,5	1,9	1,9	1,9	1,7
10 000	(10 655)	2 680	2 950	3 425	3 850
136,0	145,0	100,0	110,1	127,8	141,6
1,7	1,4	1,8	1,7	1,8	1,7
8 400	8 500	1 525	1 549	1 579	1 686
115,0	116,4	100,0	101,6	103,5	110,6
1,4	1,1	1,0	0,9	0,9	0,7
5 300	(5 520)	1 179	1 180	1 300	1 577
144,1	150,1	100,0	100,1	110,3	133,7
0,9	0,7	0,8	0,7	0,7	0,7
4 410	(5 000)	1 065	1 400		
120,1	136,2	100,0	131,5		
0,7	0,6	0,7	0,8		

рост в 125%. Иными словами, динамика электровооруженности страны советов в огромной степени опережает самые высокие рекордные темпы капиталистических стран. Заметим, что речь идет о сравнительно «благополучных» годах в послевоенном развитии капиталистических стран. Мы ниже увидим, какой раствор «ножниц» образовался в кривых развития СССР и капиталистических стран в связи с экстенсивным и интенсивным развертыванием всеобщего кризиса капиталистического хозяйства.

Вопрос о темпах электровооруженности имеет не только теоретический интерес. Мы поэтому считаем необходимым более подробно осветить его на основе детальной проработки и критической проверки соответствующих опубликованных в разных странах материалов. В развернутом виде результаты наших подсчетов представлены в сводке на стр. 18—19.

Мы в этих материалах имеем развернутую сравнительную характеристику темпов электровооруженности (как по мощности, так и по энергии) СССР и 24 капиталистических стран. Мы видим, что из года в год растет раствор «ножниц» в темпах электровооруженности социалистического и капиталистического секторов мирового хозяйства. Особенно показателен в этом плане относительный ряд, характеризующий динамику соотношения между электровооруженностью СССР (которая в каждом году принята за единицу) и капиталистических стран. Если например поток электроэнергии в Германии по своим размерам превосходил в 1925/26 г. соответствующий поток электроэнергии в СССР в 6,1 раз, то в 1927/28 г. отношение германского потока электроэнергии к советскому составило 5,3, в 1928/29 г. — 4,7, в 1929/30 г. — 3,9. То же мы наблюдаем и по динамическим рядам, характеризующим соотношение абсолютных размеров электровооруженности СССР и всех других стран. При этом важно отметить следующий факт, выступающий при анализе приведенных цифр. Динамические ряды, характеризующие соотношения между электровооруженностью СССР и капиталистических стран, показывают, что по показателям энергии темпы СССР более высоки, чем по соответствующим показателям электроэнергетической мощности. Например сравнительные ряды по СССР, Германии, Англии, Италии и Франции показывают следующую динамику (СССР = 1):

Страны *		1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30
Германия	а)	6,0	5,7	5,6	5,1	4,4
	б)	6,1	5,3	5,2	4,7	3,9
Англия	а)	4,9	4,6	4,5	4,1	3,8
	б)	3,5	3,0	2,9	2,5	2,1
Италия	а)	1,8	1,7	1,8	1,7	1,4
	б)	2,2	2,1	1,9	1,7	1,4
Франция	а)	3,5	3,7	4,1		
	б)	3,0	2,8	2,5	2,2	1,9

* «а» — по мощности, «б» — по энергии.

Данные по СССР — за хозяйственные годы, по западным странам — за календарные.

Эти данные говорят о том, что в области эл. баланса (по производству эл. энергии) мы быстрее сокращаем отделяющее нас расстояние от передовых капиталистических стран, чем по показателям эл. мощности.

Это свидетельствует не о чем ином, как о качественных преимуществах электрификации планового хозяйства СССР перед капиталистическим. Такая динамика означает несравненно лучшее использование данной электроэнергетической мощности в советском хозяйстве, чем в капиталистическом. К этому мы еще специально вернемся.

Совершенно очевидно из анализа представленных материалов, что за эти 5 лет значительно возрос и удельный вес электровооруженности СССР в мировом хозяйстве, хотя по абсолютным данным Союз еще занимает относительно незначительную долю в мирохозяйственном электробалансе.

Удельный вес СССР в европейском электробалансе¹⁰ с 4,3% по энергии в 1925/26 г. поднялся до 7,0% в 1929/30 г. В мировом потоке электроэнергии удельный вес СССР возрос за это время с 1,8% до 3,8%.

II

Перейдем к более детальному рассмотрению динамики и технических сдвигов в энерговооруженности промышленности Союза и основных капиталистических стран за последние годы. Динамика вооруженности промышленности первичными двигателями хотя и дает из года в год абсолютный прирост, но в основном темпы прироста следуют по затухающей кривой, как это видно из следующих подсчетов (см. табл. на 22 стр.).

Этот факт ни в какой мере не говорит о каком-либо затухании процесса реконструкции энергетики промышленности. Наоборот, взятый в общей системе данных развития энергетической базы промышленности, этот факт служит лишь показателем процесса качественно более высокого типа технической реконструкции, связанного с переключением промышленности на электрический привод плановой системы электроцентралей. Общий анализ этого процесса мы уже выше дали в предыдущих очерках. Если

Динамика удельного веса СССР в европейском электробалансе

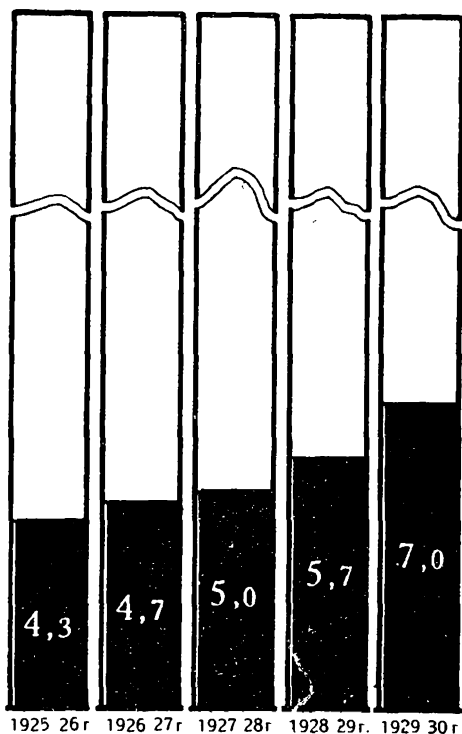

Рис. 2.

¹⁰ Подсчеты европейского и мирового электробалансов сделаны по материалам источников, указанных выше, с. 16—17.

Рост мощности и выработки энергии первичными установками в промышленности.

М о щ н о с т ь	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
В тыс. <i>kW</i>	1 734	1 848	1 906	1 927
В % к 1925/26 г.	100	106,6	109,9	111,1
% прироста к предыдущему году . .	—	+ 6,6	+ 3,1	+ 1,1
Производство энергии				
В млн. <i>kWh</i>	4 410	4 921	5 310	5 533
В % к 1925/26 г.	100	111,6	120,4	125,5
% прироста к предыдущему году . .	—	+ 11,6	+ 7,9	+ 4,2

мы обратимся к соответствующим данным по динамике промышленной энергетики Соединенных штатов за последние годы, то мы заметим, что там кривая вооруженности промышленности первичными двигателями не только по относительным темпам, но и в своем абсолютном выражении идет на снижение. Так например мощность двигателей в обрабатывающей промышленности Соединенных штатов в 1927 г. составляла всего 98,9% от соответственной мощности в 1925 г. (19,91 млн. л. с. в 1925 г. и 19,69 млн. л. с. в 1927 г.)¹¹. Основная причина тому кроется как раз в тех новых процессах технической реконструкции промышленной энергетики, о которых мы уже писали (переключение промышленности на электрический привод от районных сетей).

Кривая производства энергии первичными двигателями, установленными в нашей промышленности, имеет в основном тоже затухающие темпы (+11,6%, +7,9%, +4,2% — прирост к предыдущим годам за 1926/27—1928/29 г.). Однако ординаты этой кривой, как видно из приведенных подсчетов, значительно выше соответствующих ординат мощности, что в свою очередь свидетельствует о росте из года в год отдачи энергии, т. е. об улучшении использования. Об этом говорит также относительное и абсолютное снижение из года в год размера мощности бездействовавших двигателей. (В 1925/26 г. мощность бездействовавших первичных двигателей = 274 тыс. *kW* — 15,8% от мощности установленных в промышленности двигателей. На начало 1929/30 г. мощность бездействовавших двигателей равнялась уже 200 тыс. *kW* — 10,4% от соответствующей мощности установленных двигателей¹².)

В то же время в энергетическом аппарате промышленности основных капиталистических стран мы имеем за последние годы и в особенности разумеется за последний год рост огромный мощ-

•

¹¹ По материалам «Statistical Abstract of the United States» 1929 г.

¹² В эти итоги не включена мощность двигателей в бездействовавших заведениях. Последняя в 1925/26 г. = 72 (кругло) тыс. *kW*, в 1927/28 г. — 63 тыс. *kW*, в 1928—29 *kW*. ок 40 тыс. *kW*.

ности бездействующих двигателей, как одно из непосредственных выражений раствора «ножниц» между потенциальной мощностью производственного аппарата и его фактическим использованием (см. об этом в нашей статье в «Проблемах экономики» № 4—5).

Динамика роста установленных в промышленности электрогенераторов и их работа в сопоставлении с соответствующей динамикой первичной мощности и энергии дает качественную характеристику промышленной энергетики: процесс переключения первичного силового аппарата промышленности на обслуживание электрического привода.

За 1925/26—1928/29 гг. электрогенераторная мощность промышленности выросла на 15,1%, а соответствующая выработка электроэнергии — на 40%, в то время как суммарная мощность первичных двигателей и общее производство первичной энергии в промышленности возросли на 11,1% и 25,5%.

Это говорит о том, что не только вновь вступившая в промышленность мощность была электрифицирована, но и что значительные сдвиги в этом направлении имели место по линии реконструкции уже действовавших к концу «восстановительного» периода промышленных установок. Для сравнения укажем, что в промышленности САСШ мощность установленных электрогенераторов за 1925/27 гг. возросла всего на 6,7%¹³ (в нашей промышленности — 11,8%).

Сопоставление темпов роста электрогенераторной мощности и выработки электроэнергии в свою очередь характеризует значительный рост использования, рост отдачи электроэнергии от одного установленного киловатта мощности. Однако как показывают приведенные выше цифры, кривая прироста электрогенераторной мощности и производства электроэнергии в промышленности (в % к предыдущему году) в общем не дает подъема. И данный факт сам по себе отнюдь не является показательным для характеристики процесса реконструкции промышленной энергетики. Взятый в общей системе показателей развития энергетической базы, он свидетельствует лишь об ином, более высоком типе технической реконструкции, о котором мы выше писали. Это можно видеть хотя бы из сопоставления темпов нарастания кривых производства и потребления электроэнергии в промышленности.

Темпы нарастания кривых производства и потребления электрической энергии в промышленности

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30 ¹
Производство эл. энергии в промышл.	100	112,6	125,0	139,4	171,9
Прирост к предыд. году	—	+ 12,6	+10,9	+11,5	+23,0
Потребление эл. энергии в промышл.	100	116,4	138,2	174,1	235
Прирост к предыд. году	—	+ 16,4	+18,7	+26	+ 35

* Данные предварительные.

¹³ По материалам «Statistical Abstract of the United States» 1929.

В то время как производство электроэнергии в самой промышленности не даст значительного подъема, кривая потребления электроэнергии следует по незатухающей динамике, стремительно повышая из года в год свой прирост. Это означает не что иное как повышение из года в год удельного веса плановых электроцентралей в электробалансе промышленности. Это означает не что иное как нарастание процесса переключения промышленной энергетики на электрический привод от станции общего пользования. В этом плане крайне показательны также темпы роста мощности рабочих машин, обслуживаемых электрическим приводом, т. е. электромоторной мощности промышленности.

Суммарная мощность электромоторов возросла за это время на 51,3%, а мощность электромоторов, присоединенных к сети общего пользования, возросла на 88%. Темпы роста значительно обгоняют соответствующее развитие основных капиталистических стран. Так например в американской промышленности прирост электромоторной мощности за 1925—1927 гг. составил 16,2%, а прирост мощности электромоторов так называемого «чужого» тока (Rented Power)—20,6%¹⁴. (У нас за те же годы соответствующий рост выразился в 28,1% — общий прирост электромоторной мощности—и в 60,1% —прирост электромоторов так называемого «чужого» тока.)

В развитии энергетического аппарата промышленности за истекший с конца восстановительного этапа период, мы, следовательно, можем четко проследить, с одной стороны, показатели с затухающими темпами прироста, с другой стороны — показатели с нарастающими из года в год темпами. К первым относятся показатели мощности и энергии установленных в промышленности первичных двигателей, бездействовавшей первичной мощности, потребленной в промышленности механической энергии. Ко второй группе кривых (с незатухающими темпами) относятся показатели электромоторной мощности и потребленной в промышленности электроэнергии. В характере движения этих кривых находит непосредственное выражение направление общего процесса технической реконструкции энергетической базы нашей промышленности с конца восстановительного периода.

III

Какие сдвиги произошли в уровне электрификации нашей промышленности за эти годы? Конкретный анализ развернутой в этом плане системы коэффициентов электрификации имеет актуальное значение не только для характеристики технической реконструкции непосредственно энергетического аппарата, но и промышленности в целом. Сдвиги в коэффициентах электрификации означают вместе с тем и качественные сдвиги в производственной структуре отдельных отраслей промышленности, ибо электропривод является, несомненно, носителем «новых технологических установок» (Кржижановский).

Когда мы приступаем к конкретному изучению поставленных вопросов, мы не можем обойти некоторые методологические мо-

¹⁴ По материалам «Statistical Abstract of the United States», 1929.

менты, связанные с построением коэффициентов электрификации. Мы уже показали в предыдущем очерке, что игнорирование этих моментов, в частности некритический подход к методологии построения коэффициентов электрификации, зачастую приводит к искаженным, ложным выводам и неправильным построениям. Особенно — когда речь идет о сравнительном анализе электрификации промышленности в отраслевом, пространственном или во временном разрезе¹⁵.

Динамику коэффициентов электрификации первичного силового хозяйства и рабочих машин, равно и сводных коэффициентов фактической электрификации промышленности показывают нижеследующие расчеты:

Темпы электрификации промышленности¹⁶

	1925/26	1926, 27 *	1927/28	1928/29
Коэф. электрифик. первичн. двигателей				
Потенциальный (по мощн.)	44,7	43,5	45,4	46,3
% к 1925/26 г.	100	97,3	101,6	103,6
Фактический (по энерг.)	42,7	43,0	44,2	47,8
% к 1925/26 г.	100	100,9	103,8	112,2
Коэф. электрифик. рабоч. машин				
Потенциальный (по мощн.)	59,4	59,7	63,4	63,7
% к 1925/26 г.	100	100,5	106,7	113,1
Фактический (по энерг.)	45,0	44,5	47,9	53,8
% к 1925/26 г.	100	98,9	106,4	119,3
Сводный коэф. фактич. электрифик. промышленности**				
	47,7	49,0	51,8	58,1
% к 1925/26 г.	100	104,0	108,6	112,1

* Наблюдаемое снижение некоторых частных коэффициентов электрификации в 1926/27 г. по сравнению с 1925/26 г. объясняется главным образом тем, что в учет 1925/26 г. не попала значительная часть двигателей прямого действия. Специальный учет последних начался с 1926/27 г. Эта же группа двигателей прямого действия не электрифицирована (см. об этом в цитированных выше наших очерках). В связи с этим исчисленные коэффициенты электрификации в 1926/27 г. оказались ниже соответствующих коэффициентов 1925/26 г. (Это обстоятельство в особенности ярко выступает при рассмотрении коэффициентов электрификации в тех отраслях, где относительно высок удельный вес двигателей прямого действия, например, в металлургии.) Следовательно снижение отдельных коэффициентов электрификации в 1926/27 г. по сравнению с 1925/26 г. обусловлено преимущественно причинами учетного порядка.

** Сводные коэффициенты фактической электрификации промышленности исчислены как отношение доли электроэнергии в общем балансе потребленной энергии (механической и электрической).

¹⁵ Вновь приходится подчеркнуть, что наша плановая литература в разделах по энергетике и по промышленности до сих пор проходила мимо вопросов построения в планах (в контрольных цифрах и т. д.) целеустремленной системы коэффициентов электрификации и выявления народнохозяйственной эффективности внедрения электрического привода. Это — несомненный пробел. Эти вопросы должны быть четко сформулированы на языке точных технико-экономических показателей во всех звеньях работы: начиная с плана цеха, завода до общепромышленного и общехозяйственного плана, ибо это боевые вопросы технической реконструкции нашей промышленности.

¹⁶ О методологии построения коэффициентов электрификации первичных двигателей и рабочих машин см. с. 26.

Существенно важно в данном случае иметь в виду, что в части построения динамики потенциальной электрификации промышленности (первичных двигателей и рабочих машин) мы вынуждены были пользоваться в известной мере суррогатными данными вследствие неполноты имевшихся материалов за отдельные годы. Именно:

1. Показатели динамики потенциальной электрификации первичного силового хозяйства построены в данной сводке как отношение мощности установленных генераторов к мощности установленных в промышленности первичных двигателей, в то время как правильная формула построения этих показателей должна выражаться отношением той части работавших первичных двигателей, которая обслуживает электрогенератор, к суммарной мощности работавших первичных двигателей.

2. Показатель потенциальной электрификации рабочих машин построен в этой сводке как отношение мощности установленных электромоторов к суммарной мощности установленных двигателей рабочих машин. Причем мощность установленных двигателей рабочих машин исчислялась как сумма мощностей установленных электромоторов плюс разность установленных первичных двигателей и генераторов. В то время, как правильная формула построения показателя мощности двигателей рабочих машин должна выражаться как сумма мощностей работавших электромоторов плюс работавшие первичные двигатели, непосредственно обслуживающие механическим приводом рабочие машины.

Отсутствие в материалах за ряд лет (за 1925/26 и 1926/27 гг.) прямых данных о мощности работавших первичных двигателей, обслуживающих электрогенераторы, а тем самым и о мощности работавших первичных двигателей, непосредственно обслуживающих через механический привод рабочие машины, как раз не дает возможности реализовать полноценные показатели потенциальной электрификации. Поэтому абсолютные данные о динамике потенциальной электрификации промышленности, приведенные в настоящей сводке, не отражают в полной мере действительного состояния. В предыдущих очерках мы дали, на основе соответствующих прямых материалов, полноценную характеристику уровня электрификации промышленности на грани первого года пятилетки. Если мы сравним коэффициенты потенциальной электрификации первичных двигателей и рабочих машин, приведенные в цитированном очерке, с соответствующими данными за 1927/28 г. в настоящей сводке, то мы увидим направление и масштаб отклонения суррогатного показателя от полноценного. Так по данным цитированного очерка действительный уровень потенциальной электрификации первичных двигателей на начало 1928/29 г. равнялся 58,2%, а рабочих машин — 69,4%. По данным же настоящей динамической сводки мы имеем соответственно 45,4% и 63,4%, т. е. значительно преуменьшенные данные. Однако для характеристики темпов электрификации динамика этих суррогатных показателей служит достаточно правильным масштабом, ибо степень неточности их можно принять в основном одинаковой для всего рассматриваемого периода. Что касается коэффициентов фактической электрификации (по энергии), то их методология целиком основана на принципиально правильных структурных формулах.

Общий анализ показывает высокие темпы роста электрификации рабочих машин, которые значительно превосходят (в абсолютном и в относительном выражении) соответствующие темпы электрификации первичного силового хозяйства. Последнее объясняется тем, что развитие электрификации рабочих машин в промышленности в значительной своей части шло по пути централизованной электрификации (рост мощности электромоторов, присоединенных к сети общего пользования). Динамика электрификации рабочих машин непосредственно отражает и масштабы сдвигов, которые имели место в реконструкции промышленного производства за истекшие годы.

Темпы роста фактической электрификации как первичных двигателей, так и рабочих машин значительно опережают соответствующие темпы потенциальной электрификации. Это свидетельствует о значительных сдвигах за последние годы в использовании электрифицированной части промышленности.

Причем из года в год мы имеем нарастающие темпы. Так если прирост коэффициента фактической электрификации первичных двигателей в 1927/28 г. равен 2,8%, а рабочих машин — 7,6% (по отношению к 1926/27 г.), то в 1928/29 г. прирост уже равнялся соответственно 8,1% и 12,5% (к 1927/28 г.). Это в свою очередь служит ярким свидетельством незатухающих темпов реконструкции промышленности советского хозяйства. В промышленности Соединенных штатов коэффициент потенциальной электрификации первичного силового аппарата с 47% в 1925 г. поднялся до 50,7% в 1927 г., а рабочих машин — с 71,5% до 75,7%¹⁷.

По абсолютному уровню электрификации промышленности мы еще отстаем от первой в капиталистическом мире страны¹⁸, но по темпам электрификации мы ее значительно обгоняем.

IV

Для анализа путей реконструктивных процессов в энергетической базе наряду с общими коэффициентами электрификации особо актуальное значение имеет система коэффициентов централизованной электрификации. Последние характеризуют динамику внедрения в производство привода централизованной системы электроцентралей¹⁹. Удельный вес потока электроэнергии от районных станций в общем электроэнергетическом потоке (промышленные станции, районные станции и местные станции) с 34,5% в 1925/26 г. поднялся до 39% к началу первого года пятилетки и до 42,7% к началу третьего года пятилетки. Несмотря на существенный сдвиг в данной области (общий прирост составил около 24%), эти цифры все же говорят о том, что плановая электрификация, выражением которой в данном случае являются районные централи, еще не завоевала себе доминирующей роли в электрификации страны, что к началу третьего года пятилетки еще большая половина электрического потока в стране идет от децентрализованных станций. Уже в текущем третьем году пятилетки, по данным контрольных цифр, районные централи выступают как доминирующее слагаемое (более 50%) в общем электробалансе страны. Характерно, что динамика централизации электрохозяйства по энергии соответственно выше, чем по мощности. (Так, удельный вес районных станций по мощности составил в 1925/26 г. — 26,8%, в 1927/28 г. — 32,4%, в 1928/29 г. — 34,1%, а по энергии, как мы уже знаем, — 34,5, 39, 39,9%.) Это свидетельствует конечно о лучшем использовании мощности районных станций по сравнению с мощностью децентрализованных станций.

Что касается сдвигов в централизованной электрификации непосредственно промышленности, то об этом мы можем судить, во-первых, по динамике удельного веса мощности электро-

¹⁷ Исчислено по данным «Statistical Abstract of the United States» 1929. Данные охватывают только обрабатывающую промышленность. Метод подсчета совпадает с методом построения динамических коэффициентов по промышленности СССР.

В нашем очерке, помещенном в журнале «Проблемы экономики» № 4 — 5 1930, ошибочно (опечатка) указан коэффициент электрификации рабочих машин в обрабатывающей промышленности САСШ в 1927 г. равным 81,5. В действительности этот коэффициент равен 75,7%.

¹⁸ См. об этом в нашей статье в «Проблемах экономики» № 4 — 5,

¹⁹ См. там же.

моторов, присоединенных к сети общего пользования, в суммарной электромоторной мощности, и, во-вторых, по динамике удельного веса потока электроэнергии, поступившего от сети общего пользования в общем балансе потребленной в промышленности электроэнергии. Динамика первого показателя характеризует централизованную электрификацию (по мощности) непосредственно рабочих машин в промышленности; динамика второго показателя характеризует централизованную электрификацию потока энергии, потребленной промышленностью.

С 46,1% удельный вес электромоторов чужого тока в 1925/26 г. поднялся до 57,6% в 1927/28 г. и до 59,3% на начало 1929/30 г. Коэффициент централизации электроэнергетического потока, потребленного в промышленности, с 34,5% в 1925/26 г. поднялся до 46% на начало 1929/30 г. Сектор централизованного электроснабжения из года в год завоевывает свои руководящие позиции, как более высокий технический тип электрификации. В ближайшие годы он (сектор централизованной электрификации) должен будет охватить у нас все участки электроснабжения народного хозяйства.

И в капиталистических странах централизованное электроэнергоснабжение в основном пробивает себе дорогу через ряд препятствий техно-экономического и социально-экономического порядка. Весьма показательным сравнением нашей динамики в этой области с соответствующей динамикой в основных капиталистических странах. В целях сопоставимости мы должны будем характеристику динамики централизации электрохозяйства выразить показателем удельного веса в с е х станций общего пользования, так как в западных странах мы не имеем расчленения последних на районные и местные, как это проведено у нас. Конечно нам нужно иметь в виду, что соответствующие коэффициенты не дают полной качественной характеристики централизации электрохозяйства, ибо технический тип коллектива станций общего пользования различен в разных странах. (В Англии например группа так называемых станций общего пользования находится на крайне низком техническом уровне, значительно уступающем техническому уровню этой категории станций в других странах) (см. табл. на 29 стр.)

Подсчеты ясно показывают, что наши темпы в этой области значительно обгоняют динамику передовых капиталистических стран. В замедленном развитии сектора централизованного электроснабжения в капиталистических странах непосредственно сказываются органические противоречия монополистического капитализма на этом участке производительных сил, конкурентная борьба разных монополистических групп, опасения буржуазии высокого уровня централизованного электрохозяйства в связи с нарастанием волны социальных конфликтов²⁰ и в связи с возрастаю-

²⁰ Особый интерес в этом плане представляет доклад германской штрейкбрехерской организации «Technische Nothilfe» на II Мировом энергетическом конгрессе, посвященный вопросам защиты электрохозяйства в период рабочих забастовок. (G. Forpoint, Schutz von Energieversorgungsanlagen im Falle von Streikfahrt.)

Эти вопросы будут подробно освещены в нашей работе об итогах II Мирового энергетического конгресса.

Сравнительная характеристика динамики централизации электрохозяйства СССР и основных капиталистических стран за 1925/26 — 1929/30 гг.

СТРАНЫ*	Коэффициенты централизации по электроэнергии					
	Г о д ы					
	1925/26	1926/27	1927/23	1928/29	1929/30	
СССР	a**	46,3	48,6	52,8	57,5	61,6
	б	100	104,9	114,0	124,1	132,0
Германия	a	46,7	48,1	49,0	50,7	53,5
	б	100	106,9	110,5	112,0	119,4
Англия	a	60,4	62,8	63,8	65,2	58,1
	б	100	103,9	105,6	107,9	96,2
САСШ	a	73,0		73,5	74,5	77,0
	б	100		101,0	102,0	105,0
Бельгия	a	39,2	39,1	39,1	39,3	
	б	100	99,7	99,7	100,2	

* Данные по СССР—за хозяйственный год, а по остальным странам—за календарный год.
 ** «а» — коэффициент централизации в абсолютном выражении.
 «б» — » » в % к 1925 г.

шей опасностью войны ²¹. Эти мотивы кстати служат одним из основных препятствий к дальнейшему техническому прогрессу в области концентрации и централизации электрохозяйства. Советская же страна, развертывая на плановых началах энергетическую базу своего народного хозяйства, выдвигает централизованную электрификацию как один из основных этапов по пути создания единой энергетической системы на наиболее высокой технической основе. Приведенные динамические ряды показывают, что по коэффициентам централизованной электрификации мы за эти годы уже обогнали германское и английское электрохозяйство, находясь еще позади САСШ. Причем характерно, что, в то время как в Англии и Германии динамика удельного веса станций общего пользования по энергии значительно ниже, чем соответственно по мощности, у нас мы наблюдаем обратную картину. В этом факте в свою очередь сказываются огромные преимущества нашего планового хозяйства, ибо оно говорит о том, что энергетический эффект станций общего пользования у нас относительно значительно выше, чем в передовых капиталистических странах.

²¹ См. например, Денне, Крозье и др.

V

Значение проблемы нагрузки в послевоенном развитии энергетического хозяйства капиталистических стран как с производственной, так и с социально-экономической точки зрения было нами уже выше освещено ²². Именно в разрешении этой кардинальной проблемы плановая энергетика в нашей стране, даже на первых этапах социалистической реконструкции хозяйства, демонстрирует в развернутом виде свои технические и экономические преимущества перед высокоразвитым капиталистическим хозяйством. Там эта проблема все более обостряется, в частности в связи с переживаемым всеобщим кризисом капиталистического хозяйства. Капитализм бессилён даже существенно смягчить эту проблему, поскольку она в свою очередь упирается в проблему плановой энергетике. На II Мировом энергетическом конгрессе обе эти проблемы были «фокусными» и стояли в центре внимания всех секций конгресса. Орган тяжелой индустрии — «Bergwerkszeitung», подводя баланс работам Мирового энергетического конгресса, не мог не подчеркнуть, что «billigere Erzeugungsanlagen und höhere Benutzungsdauer waren das Leitthema der Konferenz» ²³.

Вполне понятно, что современный кризис перепроизводства в сильнейшей степени обострил эту проблему нагрузки, или вернее недогрузки энергетического, в частности электрического, хозяйства со всеми вытекающими отсюда факторами в области издержек производства энергии, цен и т. д. Но все попытки разрешения на конгрессе этих вопросов непосредственно упирались в проблему проблем современного капиталистического хозяйства — в проблему плановой энергетике. И в этом разрезе работы II Мирового энергетического конгресса дают богатейший материал для исследования всей гаммы внутренних противоречий монополистического капитализма в эпоху его заката на одном из ответственных участков производительных сил.

Сравнительную динамику нагрузки электростанций СССР и основных капиталистических стран за последние 5 лет в развернутом виде показывают нижеследующие подсчеты ²⁴. (См. табл. на с. 31.)

Приведенные данные показывают, что уровень использования потенциальной электрической мощности в основных капиталистических странах является относительно низким и за все эти годы не имеет тенденций к росту. Больше того, мы наблюдаем в самые последние год-два даже абсолютное снижение коэффициентов использования в ряде стран (Германия, Франция, Италия, Япония). Динамика же коэффициентов использования наших электростанций неуклонно растет. По абсолютному же уровню использования наше электрохозяйство находится впереди капиталистических стран ²⁵. Достаточно сравнить уровень использования по-

²² См. «Проблемы экономики» № 4 — 5, с. 77—80.

²³ «Bergwerkszeitung» № 151, 1930.

²⁴ Коэффициенты использования исчислены как отношение произведенной в отчетном году электроэнергии к соответствующей установленной мощности электрогенераторов.

²⁵ Исключение представляют пока такие страны, как Канада, Норвегия, где среднегодовые коэффициенты использования электрических станций составляют около 4 500—5 000 часов.

Высокий коэффициент использования объясняется, во-первых, тем, что электрос-

Сравнительная динамика коэффициентов использования электростанций общего пользования СССР и основных капиталистических стран ²⁶

Страны	Г о д ы									
	1925/23		1926/27		1927/23		1923/29		1929/30	
	в часах	в %	в часах	в %	в часах	в %	в часах	в %	в часах	в %
СССР *										
Все ст. общ. польз.	2 667	29,3	2 716	31,0	2 987	34,1	3 319	37,9	3 450	39,5
Районн. станции .	3 025	34,5	3 031	34,6	3 381	38,6	3 627	41,4	3 670	42,0
А н г л и я										
Все ст. общ. польз.	1 839	21,0	1 713	19,5	1 793	20,5	1 855	21,2		
Г е р м а н и я										
Все ст. общ. польз.	—	—	1 974	22,5	2 150	24,5	2 246	25,6	2 187	25,0
С А С Ш										
Все ст. общ. польз.					2 893	33,0	2 993	34,2	3 138	35,3
Ф р а н ц и я										
Все эл. станции .	1 993	22,7	1 776	20,3	1 542	17,5				
Я п о н и я										
Все эл. станции .	2 952	33,7	2 907	33,2	3 045	34,7	около 3 000	34,2		
И т а л и я										
Все ст. общ. польз.	2 735	31,2	2 860	32,6	2 618	29,9	2 598	28,7	около 2 500	28,5
Б е л ь г и я										
Все эл. станции .	2 214	25,3	2 273	25,9	2 351	26,8	2 465	28,1	около 2 500	28,5

²⁶ Исчисления сделаны по материалам следующих источников:

А н г л и я — по данным «Reports of the Electricity Commissioners» и по данным *Moscow, Electricity Supply in Great Britain* (очерк в журнале «Electrical World», 1930).

Г е р м а н и я — по данным «Wirtschaft und Statistik», 1928 — 1930 и «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», 1930.

С А С Ш — по данным журналов «Electrical World», 1929 и 1930 и «Commerce Yearbook», 1930.

Ф р а н ц и я — по данным «Annuaire Statistique de la France» и «Revue générale de l'Électricité», 1929.

Я п о н и я — по данным докладов японской делегации, представленных на Токийской и Берлинской энергетических конференциях.

И т а л и я — по данным «Annuario Statistico Italiano», 1929 и «Billettino Mensuale», 1930.

Б е л ь г и я — по данным «Annuaire Statistique de la Belgique».

* К-ты использования районных станций мы исчисляем как отношение произведенной эл. эн. к средневзвешенной годовой установленной мощности. (Вступившую новую мощность в течение квартала мы для упрощений исчислений относим к середине отчетного квартала. Т. о. «весами» служили — для мощности на начало года — 4, для мощности, вступившей в I кварт. — $3\frac{1}{2}$, во II кварт. — $2\frac{1}{2}$, в III кварт. — $1\frac{1}{2}$ и в IV кварт. — $\frac{1}{2}$). См. наши замечания по этому вопросу в «Проблемах экономики» № 4—5.

тенциальной мощности электростанций СССР и Англии ²⁷, чтобы убедиться, в какой мере рационализация современного английского электрохозяйства отстала от нашего, ибо нагрузка является несомненно одним из определяющих факторов рационализации. Если уровень нагрузки электростанций общего пользования СССР (в 1929/1930 г.) принять за единицу, то нагрузка электростанций Англии соответственно выразится коэффициентом—0,56⁰/₀, Германии—0,66⁰/₀, Японии—0,9⁰/₀, Соединенных штатов—0,94⁰/₀, Франции около 0,5⁰/₀, Бельгии—0,72⁰/₀.

Необходимо иметь в виду, что эти данные еще несколько не отражают наступившего в последней четверти прошлого года кризиса капиталистического хозяйства. Последний еще в большей степени раздвинул раствор «ножниц» между потенциальной мощностью и фактическим использованием энергетического аппарата, еще в большей степени увеличил недогрузку силового аппарата капиталистических стран.

Ежемесячный электроэнергетический индекс (Index of Electrical production), который публикует американский журнал «The Electrical World», охватывающий около 4 тысяч крупных промышленных предприятий (последние репрезентируют все отрасли промышленности и экономические районы САСШ), показывает ²⁸, что с ноября прошлого года (начало кризиса) мы имеем абсолютное снижение потребления электроэнергии. Причем за последние месяцы текущего года эта кривая имеет все более снижающуюся тенденцию (см. рис. 3, на след. стр.).

То же демонстрирует электроэнергетический индекс, регулярно публикуемый «Annalist'ом» (последний строит этот индекс по несколько другому методу, чем «Electrical World»²⁹). Если в октябре 1929 г. электроэнергетический индекс «Annalist'a» равнялся еще 103,0, то в ноябре 1929 г., в связи с первыми приступами кризиса, он уже опустился до 98,9, в июле 1930 г. он равнялся уже 92,9, а в сентябре — по предварительным данным последнего полученного номера «Annalist'a» — 87,2 ³⁰. Иными словами, из ме-

станции общего пользования в этих странах являются исключительно гидростанциями (в Норвегии около 100⁰/₀ электробаланса, в Канаде около 99⁰/₀ падает на гидроэлектроцентрали).

В силу экономических и производственных причин коэффициенты использования гидростанций обычно значительно выше, чем в тепловых (см. об этом в цитированных выше наших очерках). Во-вторых, основными потребителями электроэнергии в этих странах являются электрохимия и металлургия, имеющие, как известно, весьма благоприятные графики нагрузки в связи с специфическим характером технологических процессов. См. об этом в докладе Adolph'a и др. на II Мирном энергетическом конгрессе: «Der Belastungsfaktor der Elektrizitätswerks und seine Beeinflussung durch die verschiedenen Stromverbraucher».

²⁷ Выше были даны сравнительные цифры коэффициентов использования станций общего пользования Англии. Положение не лучше, а хуже с промышленными станциями. За последние 5 лет коэффициент использования английских промышленных станций колебался от 1 200 до 1 380 часов, т. е. был более чем вдвое ниже, чем у наших промышленных станций.

²⁸ См. «Electrical World» № 7, 1930.

²⁹ Индекс «Annalist'a» строится по данным о производстве электроэнергии всеми станциями общего пользования (последние по материалами U. S. G. S.) независимо от того, на какие нужды эта энергия потреблена (на производственные, коммунальные и т. д.). В электроэнергетическом индексе «Annalist'a» элиминированы так называемые «вековая» линия «longetime trade» и сезонные колебания. Подробно см. «Annalist», 1930, с. 501—521.

³⁰ Самый низкий пункт кривой электроэнергетического индекса «Annalist'a»

сяца в месяц, в связи с разворачиванием кризиса, все больше суживается поток электроэнергии, направляемой в народное хозяйство. А это в свою очередь означает не что иное как даль-

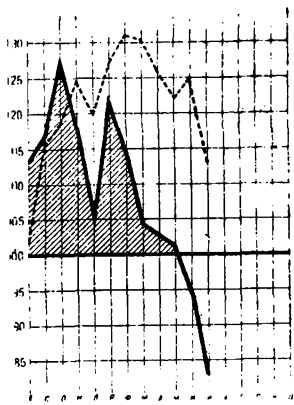
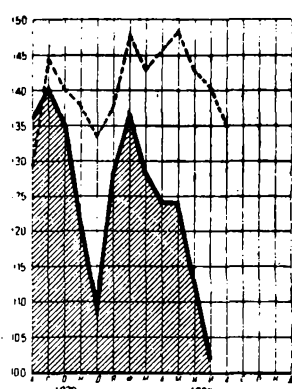
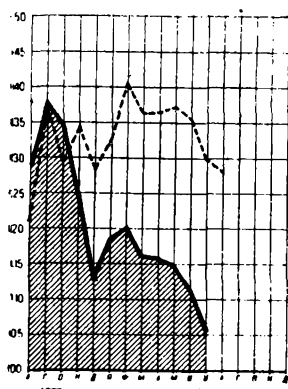
США. Влияние кризиса на кривые потребления эл. энергии в промышленности

Индекс «Electrical World»

I. Вся промышленность США

II. Промышленность Северо-центральных штатов

III. Промышленность Новоганглийских штатов

— отчетный (29/30 г.)

- - - предыдущий год

Рис. 3.

США. Сравнительная оценка влияния кризисов 1921 г. и 1930 г. на кривые производства электроэнергии

«Электроэнергетический индекс Анналиста»

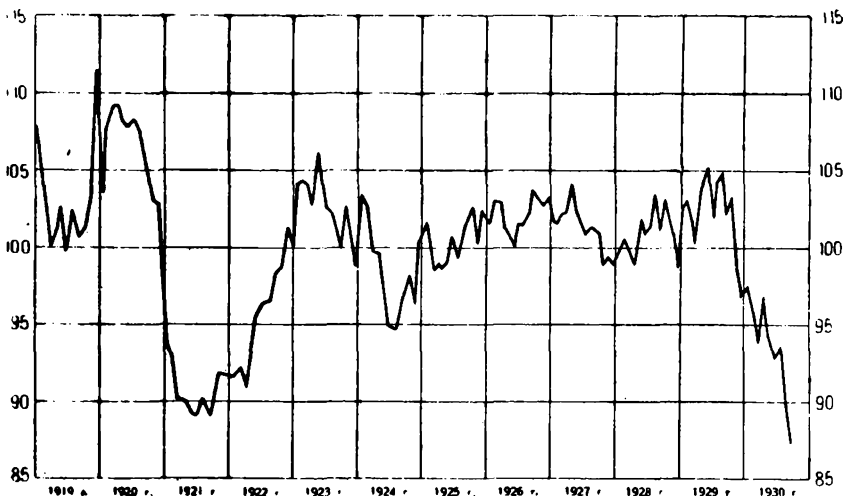

Рис. 4.

во время послевоенного кризиса 1921 г. (июнь) составил 89,2. Таким образом сентябрьский электроэнергетический индекс уже значительно ниже самого низкого уровня, которого достигла электроэнергетическая кривая в период кризиса 1921 г. Мы еще не имеем журналов с отчетными данными за последний месяц, но в перспективе несомненно дальнейшее углубление кризиса и в связи с этим — дальнейшее снижение электроэнергетической кривой. Необходимо заметить, что

нейшее снижение коэффициентов нагрузки, как дальнейший рост диспропорции между потенциальной мощностью силового аппарата и его использованием в САСШ уже как непосредственное следствие современного кризиса. Особенно показательны в этом плане отчетные месячные данные о суммарном производстве электроэнергии станциями общего пользования в САСШ, которые опубликованы в последних полученных нами номерах американских энергетических журналов³¹. Если в мае месяце текущего года поток электроэнергии, произведенной на станциях общего пользования САСШ, был на 0,3% меньше соответствующего потока электроэнергии, произведенного за этот же месяц прошлого года, то в июне это снижение составило уже 1%, а в июле 2,5% по сравнению с данными июня и июля прошлого года. При этом производство электроэнергии за июль месяц в южно-атлантических штатах было на 10,9% ниже соответствующей выработки за июль прошлого года, в юго-восточных центральных штатах — на 10,7%, и в ново-английских штатах — 6,1%, в горном районе 5,9% и т. д.³²; в то же время суммарная мощность станций, как показывают цифры, значительно возросла за истекший год. Следовательно действительный коэффициент использования в текущем году дает значительное снижение как в абсолютном, так и относительном выражении (числитель формулы нагрузки — производство электроэнергии — снизился; знаменатель — потенциальная мощность — возрос; следовательно частное, характеризующее коэффициент использования, резко снижается).

Такую же в основном картину рисуют нам и английский электроэнергетический индекс, публикуемый «Economist'ом»³³. В июле текущего года английский индекс составил 98, в августе 93³⁴ (база: среднемесячная за 1923—1924 гг.).

Наконец о масштабе влияния кризиса на снижение нагрузки электростанций говорят отчетные данные о производстве электроэнергии за последние месяцы в Германии, которые опубликованы в последних номерах «Wirtschaft und Statistik» (данные охватывают 122 крупнейших электростанции с производством электроэнергии, равным около 0,6 всего электробаланса Германии³⁵).

Из месяца в месяц кривая производства электроэнергии (по сравнению с данными за соответствующие месяцы 1929 г.) снижается. Так абсолютное снижение производства электроэнергии

•
последний сентябрьский индекс, поскольку он является еще предварительным, видимо преувеличен. Ибо большинство месячных индексов, опубликованных «Analyst'ом» в порядке предварительном, оказывалось после уточнения значительно преувеличенным. Так например опубликованный в порядке предварительных подсчетов августовский индекс равнялся 92,8, а приводимый в последнем номере журнала уточненный августовский индекс уже составляет всего 90,0. Эти преувеличенные «оценки» едва ли нуждаются в комментариях.

³¹ См. в частности «Electrical World» от 27/IX 1930 и «Power Plant Engineering» № 16 и 17.

³² См. подробную сводку в цит. выше журнале «Electrical World».

³³ О методологии построения индекса см. «The Economist», 10/VI 1926.

См. также подробное описание и анализ методологии электроэнергетических индексов, публикуемых в отдельных странах и в частности в Англии, в докладе Н. Quigly на II Мировом энергетическом конгрессе: «Electricity as an Index of Industrial Production and Employment».

³⁴ По данным «Monthly Supplement» от 27 сентября 1930.

³⁵ В 1929 г. эти 122 станции произвели 16,9 млрд. kWh при суммарном электробалансе Германии в 30 млрд. kWh.

в мае текущего года равнялось 4,3% по сравнению с маем 1929 г., в июне 6,1%, в июле 7,5%, в августе 8,1%, в сентябре 11,3%, в октябре 11,44% — по сравнению с данными за соответствующие месяцы 1929 г. (для сравнения укажем, что ноябрь 1929 г. имел +20,7% по сравнению с ноябрем 1928 г.)³⁶.

Влияние кризиса на кривые производства и потребления вл. энергии в Германии

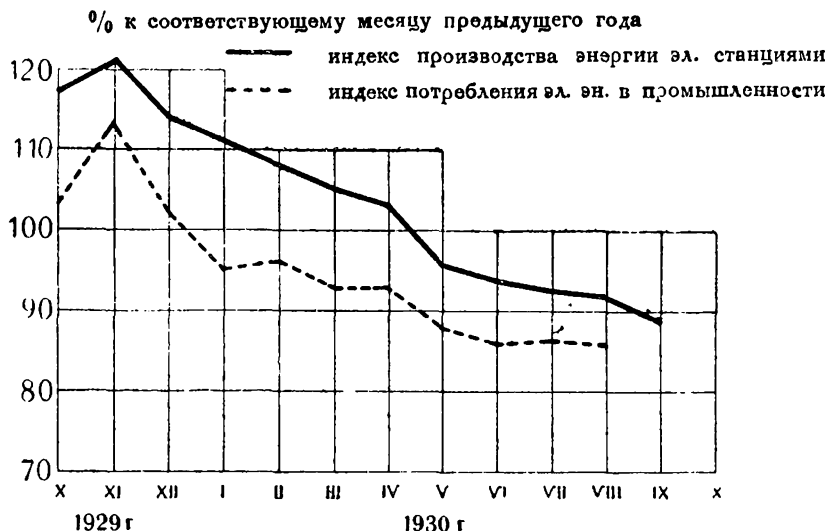

Рис. 5.

Еще более резкое падение показывает индекс потребления электроэнергии в промышленных предприятиях³⁷.

Снижение (-) по сравнению с соответствующим месяцем 1929 г. (в %)

Январь	4,9	Май	11,7
Февраль	5,9	Июнь	13,5
Март	7,2	Август	14,0
Апрель	7	Сентябрь	13,5

Если в декабре 1929 г. каждый присоединенный киловатт мощности работал в среднем ежедневно 5 часов, то среднее число часов ежедневной работы в январе 1930 г. снизилось до 4,59, в марте до 4,38 и в июле—сентябре до 3,9—4 часов, достигнув самого низкого уровня использования с 1925 года.

Вместе с тем потенциальная мощность станций за 1929 г. сильно возросла (мощность станций общего пользования возросла на 19% по сравнению с 1928 г., а промышленных станций—на 2,4%³⁸. Следовательно, в связи с кризисом в огромной степени возросла недогрузка германского силового аппарата, который и в «нормальное» время был слабо нагружен³⁹.

³⁶ См. «Wirtschaft und Statistik» № 3, 17, 19, 21, 23, 1930.

³⁷ Этот индекс строится по 103 крупнейшим предприятиям Германии с суммарным годовым потреблением электроэнергии, равным около 6,5 млрд кВт за 1929 г.

³⁸ «Wirtschaft und Statistik» № 12, 1930.

³⁹ Авторы годичного обзора электрохозяйства пытаются объяснить снизившуюся в 1929 г. по сравнению с 1928 г. нагрузку ссылкой на то, что в 1929 г. были

Мы несколько более подробно остановились на динамике, характеризующей недогрузку в этих основных капиталистических странах мирового хозяйства, для того чтобы конкретно показать влияние развернувшегося мирового экономического кризиса на снижение и без того незначительной нагрузки электрического аппарата.

У нас же кривая развития хозяйства идет вверх по незатухающей динамике, и в связи с этим неуклонно растет из месяца в месяц электроэнергетический поток, неуклонно растет нагрузка энергетического аппарата. В то время как в основных капиталистических странах за 1929/30 г. мы наблюдаем из месяца в месяц снижение размера отдачи энергии станциями, у нас рост выработки электроэнергии по районным станциям в 1929/30 г. составил около 43% по сравнению с прошлым годом, по местным станциям — 36,4% и по промышленным станциям — 23,4%. А рост среднегодового числа часов использования потенциальной мощности поднялся в районных станциях с 3 627 часов в 1928/29 г. до 3 670 часов в 1929/30 г., в местных станциях с 2 360 часов до 2 920 часов. Два противоположных процесса в двух противоположных — по социально-экономической системе — частях мирового хозяйства.

Наряду с общим ростом за эти годы коэффициентов использования установленной мощности на наших электростанциях мы имеем и значительные успехи в области выпрямления графиков нагрузки. И здесь непосредственно сказываются преимущества плановой системы нашего хозяйства. Об огромном значении выпрямления графиков нагрузки, как одном из важнейших факторов рационализации энергохозяйства, было уже сказано нами выше⁴⁰. Одним из основных показателей, непосредственно отражающих этот фактор рационализации, является отношение так называемой пиковой мощности к среднегодовой⁴¹. Динамику этих показателей для районных и местных станций общего пользования⁴² за 1925 — 1930 гг. показывают нижеследующие подсчеты (цифры округлены) (см. табл. на 37 с.):

С 1,9 в 1925/26 г. отношение пиковой мощности районных станций к среднегодовой снизилось до 1,7 в 1929/30 г., а в местных станциях общего пользования с 2,5 до 1,8. В связи с этим и годовой коэффициент нагрузки максимума районных станций с 52,1% поднялся до 56,5%, а местных станций общего пользования — с 38,2% до 55,7%.

Одним из основных моментов, влияющих на выпрямление графиков нагрузки, является коэффициент одновременности, или иначе отношение пиковой мощности к присоединенной⁴³. Если

введены значительные новые мощности на станциях общего пользования («Der rasche Aufbau der Kraftanlagen führte dazu, dass die errechnete durchschnittliche Ausnutzung der Oeffentlichen Werke verringert erschieht», Jbidem, S. 483).

Мотивировка явно несостоятельна, ибо, как мы показали, в 1930 г. абсолютное производство электроэнергии снизилось по сравнению с 1929 г., тем более по сравнению с 1928 г., несмотря на ввод новых мощностей.

⁴⁰ См. «Проблемы экономики» № 4—5, с. 83 и др.

⁴¹ Там же, с. 78, 79, 83 и др.

⁴² По промышленным станциям динамику этих коэффициентов нельзя построить за отсутствием отчетных данных о пиковой мощности.

⁴³ Чем шире круг потребителей присоединенных к станции, чем разнообразней во времени режим потребления энергии, иными словами, чем ниже коэффициент

Районные станции

Местные станции

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30
Мощность устано- влен. электро- генер. (в тыс. кВт)	370	517	565	710	1116,2	235	261	311	476	524
Мощность пико- вая* (в тыс. кВт).	245	290	370	(473)	(667)	130	173	189	(285)	(314)
Мощность сред- негод. (в тыс. кВт)	128	160	205	264	378	51	64	82	128	175
Отношение пико- вой мощности к среднегодо- вой	1,9:1	1,8:1	1,8:1	1,8:1	1,7:1	2,5:1	2,2:1	2,3:1	2,2:1	1,8:1

* В итогах показаны суммы максимумов отдельных сетей станций, а не совмещенный максимум.
За 1928/29 и 1929/30 гг. цифры приблизительные (взяты в скобку).

в 1925/26 г. этот коэффициент по районным станциям равнялся 0,454, по местным станциям—0,495, то уже в 1927/28 г. мы имеем соответственно 0,364 и 0,479.

Динамика приведенных качественных коэффициентов охватывает все районные и местные станции общего пользования СССР. Но особенно резко выступают сдвиги, которые в этой области имели место в нашем электрохозяйстве, когда мы от союзных итогов переходим к отдельным районным системам электроцентралей.

И в данном случае сравнение техно-экономических коэффициентов, освещающих характер движения графиков нагрузки у нас и в капиталистических странах, демонстрирует успехи в этой области нашего планового хозяйства. У нас в области разрешения так называемой проблемы пиковой мощности уже имеются значительные достижения, и из года в год, как показали приведенные выше коэффициенты, мы все больше продвигаемся по пути радикального решения ее (этой проблемы). В капиталистических же странах решение этой проблемы не только не продвигается вперед, но за последние годы она еще в большей степени обострилась. Возьмем для сравнительного примера Германию. В 1928 г. пиковая мощность станций общего пользования равнялась 4,48 млн. кВт, а среднегодовая мощность равнялась—1,61 млн. кВт. Следовательно—отношение пиковой мощности к среднегодовой равнялось 2,8:1⁴⁴ (у нас—1,9:1).

одновременности, тем очевидно выгоднее для графиков нагрузки станций, поскольку это влияет на снижение острых пик и тем самым на выпрямление графиков нагрузки (см. об этом в трудах проф. Клингенберга, Дмитриева и др.).

⁴⁴ В нашей статье, помещенной в «Проблемах экономики» № 4—5, в результате описки было неправильно указано 3,2:1.

Дальнейшие подсчеты по опубликованным отчетным данным за 1929 г. показывают, что пиковая мощность составила около 5 млн. kW , а среднегодовая мощность — 1,59 млн. kW . Следовательно отношение пиковой к среднегодовой мощности равнялось в 1929 г. 3,54:1, т. е. характер графиков нагрузки в германских электростанциях общего пользования еще более ухудшился по сравнению с 1928 г.⁴⁵ И в данном случае особенно резко выступают преимущества нашего планового хозяйства, когда мы сра-

«Россандеровские» годовые графики продолжительности нагрузок московских, нью-йоркских и берлинских эл. станций

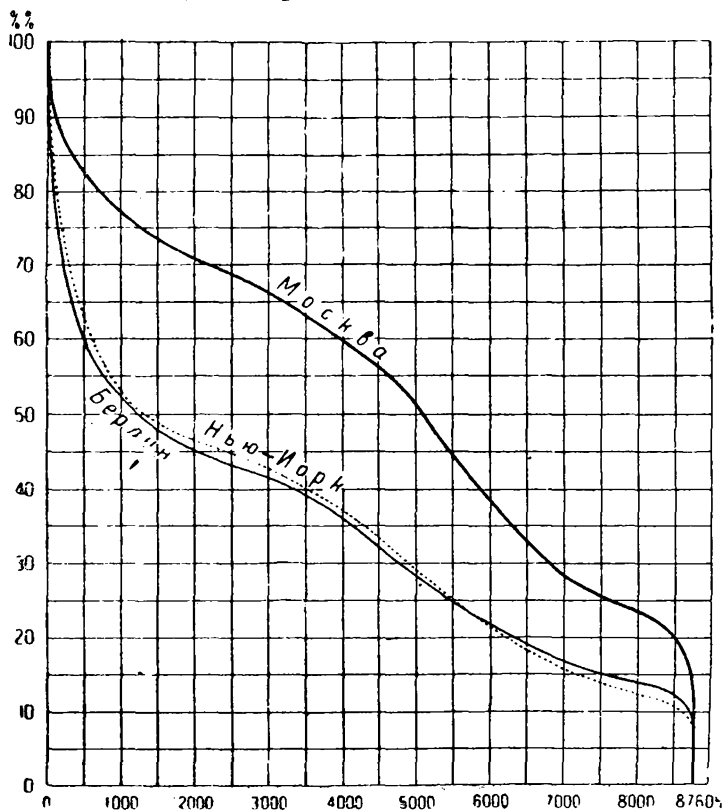

Рис. 6.

вниваем характер графиков нагрузки отдельных систем электростанций Союза и западных стран. Это можно в частности проследить по вышеприведенной иллюстративной диаграмме, на которой нами нанесены «россандеровские» годовые графики продолжительности нагрузок московских электростанций (Могэс)⁴⁶, берлинских⁴⁷, (BEWAG) и нью-йоркских (N. Y. Edison Co)⁴⁸, нахо-

⁴⁵ В связи с этим значительно возрос (как в абсолютном, так и в относительном выражении) размер мощности резервных установок (с 1,81 млн. kW в 1923 г. до 2,49 млн. kW в 1929 г., а коэффициент резерва — отношение мощности резервных к мощности установленных двигателей — с 27 до 33%).

⁴⁶ По отчетным данным Могэса.

⁴⁷ По данным «Der Deutschen Elektrizitäts Wirtschaft», 1930, с. 17.

⁴⁸ По данным цит. работы Adolph'a и др., 1930, с. 7.

дящихся примерно в одинаковых условиях с точки зрения основных категорий присоединенных потребителей.

Еще более показательна следующая диаграмма, на которой нанесены графики суточной нагрузки московских, берлинских, лондонских, парижских и чикагских районных электростанций.

По берлинским, лондонским, парижским и чикагским электроцентралям графики взяты из специального выпуска «VDJ Nachrichten»⁴⁹, посвященного II Мировому энергетическому конгрессу.

В целях сопоставимости часовые нагрузки электроцентралей представлены в %-ном отношении к соответствующей пиковой мощности⁵⁰ (более наглядно было бы процентировать эти нагрузки и по отношению к установленной мощности).

Сравнение характера графиков нагрузки московских, чикагских, берлинских парижских и лондонских эл. станций.

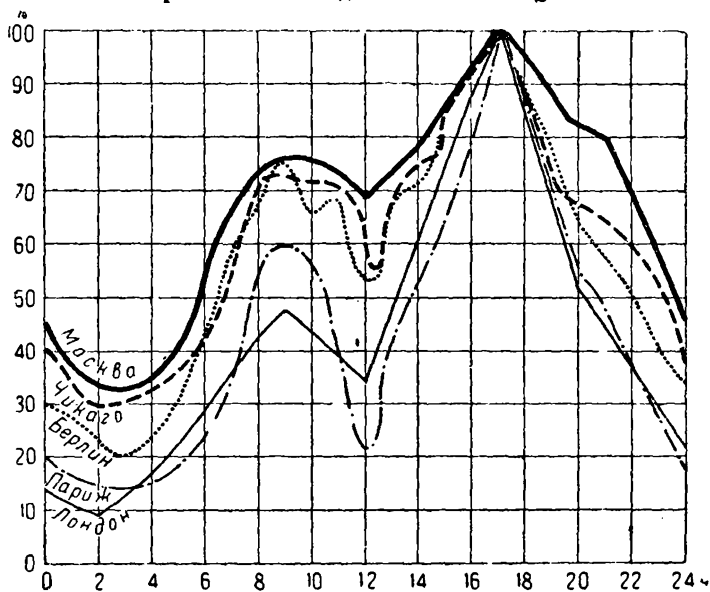

Рис. 7.

Преимущества графика нагрузки московских электроцентралей перед графиками электростанций крупнейших западноевропейских и американских столичных центров на этой диаграмме очень резко выступают. Эти преимущества — непосредственный результат планирования нашего хозяйства.

Эти данные лишней раз демонстрируют, что вне развернутое плановой электрификации не могут быть решены выступивши

⁴⁹ См. об этом также заметку «Сравнение суточных графиков нагрузки крупных мировых городов», опубликованную в журнале «Электрические станции» № 9, 1930.

⁵⁰ Абсолютные размеры максимумов и годового производства электроэнергии существенно различны в этих центрах. Например в чикагских станциях максимум превышает 1 млн. кВт при годовом производстве энергии свыше 4,5 млрд. кВтч; в берлинских — около 440 тыс. кВт при годовом производстве в 1,5 млрд. кВтч; в лондонских станциях — около 600 тыс. кВт при 1,6 млрд. кВтч. В московских же электроцентралях при максимуме, равном всего около 260 тыс. кВт, годовое производство равно около 1,3 млрд. кВтч.

на современном этапе развития основные техно-экономические проблемы энергетики и что в передовых капиталистических странах узловые противоречия между техническим уровнем производительных сил и социально-экономической системой все больше обостряются. Эти данные лишней раз демонстрируют огромные преимущества нашего планового социалистического хозяйства в техно-экономической реконструкции энергетической базы производительных сил.

Было бы однако глубоко ошибочным заключение о том, что мы в области планирования генеральных графиков нагрузки уже приблизились к оптимальным пределам. Нужно еще раз решительно подчеркнуть, что мы еще далеко не использовали всех имеющихся в нашем распоряжении рычагов планового хозяйства для того, чтобы действительно добиться народнохозяйственного решения проблемы нагрузки. Каждая новая сотня часов среднегодового использования установленной мощности дает нам значительный дополнительный поток электроэнергии при данной потенциальной мощности наших станций. Если даже таким «нормальным» пределом на первых порах считать 5—6 тыс. часов (в году, как известно, 8760 часов), то очевидно, что еще на много сотен часов мы можем и должны увеличить нагрузку нашего электроэнергетического аппарата и дать для социалистической индустриализации нашей страны новые мощные потоки электроэнергии. Конечно на этом пути мы встречаем большие трудности, о которых мы уже писали⁵¹. Но эти препятствия могут быть и должны быть в нашем плановом хозяйстве преодолены в кратчайший срок. Мы имеем огромные возможности и по пути выпрямления генеральных графиков нагрузки на основе правильного планирования графиков потребления энергии в народном хозяйстве.

В настоящий момент мы переживаем на энергетическом фронте нашего хозяйства такой этап, который характеризуется «электрическим голодом». Из ведущего звена энергетика становится в известном смысле тормозящим звеном в общей цепи социалистической индустриализации. И одним из путей скорейшего изжития этого напряженного состояния на энергетическом фронте являются решительные меры по овладению всеми рычагами планирования производства, распределения и потребления энергии в народнохозяйственном разрезе.

Соответствующие подсчеты показывают, что коэффициент интегральной нагрузки первичных двигателей, работавших в промышленности (как тех, которые обслуживали электрогенераторы, так и тех, которые непосредственно обслуживали рабочие машины через механический привод), в 1925/26 г. составлял 34,4%, в 1927/28 г.—36,2%, а в 1923/29 г.—36,9%. Причем этот рост главным образом связан с ростом экстенсивной⁵² нагрузки при стабильности, в основном и интенсивной⁵³ нагрузки. Так например, если экстенсивное использование работавшего первичного силового хозяйства промышленности в 1925/26 г. равнялось 46,2%, то в 1927/28 г. оно составляло уже 51,6%. Интенсивный же коэффициент нагрузки остался стабильным (около 70%). В связи с переходом на непрерывную неделю и многосменностью эксплуатации производственного аппарата

⁵¹ См. «Проблемы экономики» № 4—5, с. 81.

⁵² Отношение проработанного числа часов в году к 8760.

⁵³ Отношение средней фактической мощности к установленной мощности работавших двигателей.

естественно возросла за последние два года. Нагрузка электрогенераторов и электромоторов, работавших в промышленности, показывает нам неуклонный рост: электрогенераторов с 24,9% в 1925/26 г. до 27% в 1928/29 г., а электромоторов— с 16,4% до 18,7%⁵⁴.

VI

Рост рассмотренных выше факторов рационализации нашего энергохозяйства за последние пять лет нашел естественно свое непосредственное отражение и в динамике результативных показателей эффективности, в частности коэффициентов полезного действия⁵⁵.

В 1925/26 г. удельный расход топлива на один выработанный *kWh* районными станциями составил 0,96 кг условного топлива (кпд—12,8%), в 1926/27 г.—0,91 кг (кпд—13,5%), в 1927/28 г.—0,85 кг (кпд—14,5%), в 1928/29 г.—0,78 кг (кпд—15,8%) и в 1929/30 г.—0,76 кг (кпд—16,2%)⁵⁶. Общее снижение удельных расходов топлива, составило за последние пять лет 21% (прирост кпд 272). Причем важно отметить, что темп прироста кпд из года в год повышается (если в 1926—27 г. прирост составил 5,5%, то в 1927/28 г. прирост уже равнялся 7,4%, в 1928/29 г.—9%)⁵⁷.

Большой интерес представляет сравнение темпов кривой средних удельных расходов топлива на наших районных станциях и на станциях общего пользования САСШ. В 1926 г. удельный расход топлива на киловатт-час, выработанный тепловыми электростанциями⁵⁸ в САСШ, составил 0,88 кг угля, в 1927 г.—0,83, в 1928 г.—0,79 и в 1929 г.—0,76 кг угля. Общее снижение удельных расходов составило за эти пять лет 14%. На наших же районных станциях, как мы знаем, снижение за эти годы (1925/26—1929/30) составило 21%. Если в 1925/26 г. удельный расход топлива на наших районных станциях был на 9,1% выше, чем в среднем на станциях общего пользования САСШ, то в 1929/30 г. удельный расход топлива на наших районных станциях уже сравнялся с средним удельным расходом на станциях общего пользования САСШ в 1929 году⁵⁹.

•

⁵⁴ О причинах относительно низкого коэффициента использования электромоторов см. в цитируемых выше наших очерках.

⁵⁵ К сожалению имеющиеся материалы позволяют исчислить сопоставимую динамику кпд только по районным станциям.

⁵⁶ Цифра предварительная. По отчетным данным, опубликованным энергоцентром за первые 3 квартала 1929/30 г., средний удельный расход топлива на 1 выработанный *kWh* равнялся 0,74 кг условного топлива (кпд—16,7%) (см. журнал «Электрические станции» № 9, 1930).

⁵⁷ Предварительные данные кпд за 19 9/30 г. показывают, что прирост по сравнению с предыдущим годом составил всего около 3%. Мы еще не имеем подробных материалов за истекший год, чтобы подробно изучить причины замедленного роста кпд в истекшем году по сравнению с предыдущими годами. Одна из причин тому лежит видимо в ухудшении качества сжигаемого на станциях топлива.

⁵⁸ Данные по САСШ охватывают все электростанции общего пользования, трамвайные и железнодорожные электростанции. Подсчеты сделаны по материалам «Electrical World», 1930 г. Разные виды топлива приведены к условным единицам угля. Приведенная калорийность одного килограмма угля составляет около 7,5 тыс. калорий. О коэффициентах перевода см. в «Commerce Yearbook», 1930, с. 264.

(Условная тонна приведенного топлива (2 000 фунтов) составляет 26,2 млн. ВТУ; 1 ВТУ.—0,25 калорий, 1 англ. фунт.—0,45 кг).

⁵⁹ Следует иметь в виду, что сравнение абсолютных данных об удельных расходах топлива на электростанциях СССР и САСШ имеет все же несколько услов-

Но в особенности показательны темпы нарастания кпд у нас и в САСШ. Там кривая снижения удельных расходов топлива следует по затухающей динамике (в 1926 г. снижение по сравнению с 1925 г. составило 7,5%, в 1927 г. — 5,5%, в 1928 г. — 5%, в 1929 г. — 4%), на наших же районных станциях кривая снижения удельных расходов топлива следует по нарастающим темпам (1926/27 г. снижение по сравнению с 1925/26 г. составило 5,3%, в 1927/28 г. — 6,5%, в 1928/29 г. — 8,3%)⁶⁰.

Эти данные служат одной из ярких иллюстраций динамики технического развития централизованного сектора электрохозяйства советской страны и наиболее передовой капиталистической страны. Они вместе с тем отражают общую динамику технического развития двух частей мирового хозяйства: социалистической и капиталистической. По решающим техническим показателям мы уже в третьем году пятилетки вплотную подходим к техническому уровню наиболее передовых капиталистических стран. Мы это в особенности четко сможем проследить при исследовании динамики технического перевооружения в отраслевом разрезе.

VII

Нам остается подвергнуть сжато анализу динамику и сдвиги за последние пять лет в энерго- и электробалансах⁶¹ и в строении двигателей. Общий энергобаланс промышленности к началу 1930/31 г. составил около 8,9 млрд. *kWh*. Коэффициент расширенного воспроизводства энергобаланса промышленности за последние пять лет равен 72,4%.

В структуре приходной части энергобаланса мы имеем существенные сдвиги: в то время как собственная выработка энергии в промышленности возросла за эти годы на 38,5%, энергетический поток, поступивший в промышленность от станций общего пользования, возрос на 265%. Причем темпы нарастания потока энергии от станций общего пользования из года в год нарастают (в 1926/27 г. прирост составил 23%, в 1929/30 г. — около 53%) одновременно с замедленной динамикой роста энергии в децентрализованных промышленных установках (в 1926/27 г. прирост составил 11,6%, в 1928/29 г. всего около 4%, в 1929/30 — около 10%). Отсюда и изменения в самой структуре приходной части энергобаланса: удельный вес потока энергии от станций общего пользования с 14,7% в 1925/26 г. поднялся до 31,5% за счет снижения удельного веса энергии, выработанной в децентрализованных промышленных установках. Иными словами, за эти годы мы имеем значительный рост сектора централизованного энерго-снабжения в балансе силовой энергии промышленности.

•
ный характер. Во-первых, по СССР мы ограничили расчет только по районным станциям, а не по всем станциям общего пользования, как это мы имеем по материалам САСШ.

Во-вторых — нет полного совпадения между условной единицей топлива, принятой в СССР и в САСШ. Поскольку можно судить по материалам «United States Geological Survey», условная единица угля в САСШ по калорийности несколько выше, чем у нас (см. сноску 58).

⁶⁰ Об отчетных данных за 1929/30 г. см. наше замечание на с. 41.

⁶¹ Анализ методологических вопросов, связанных с построением динамических энергобалансов, мы здесь опускаем. Основные замечания приведены в пояснениях к таблицам.

Динамика расширенного воспроизводства энергии за 1925/26—1929/30 гг.

П Р И Х О Д «План покрытия»	19.5/26		1926/27		1927/28		1928/29		1929/30		***** % к итогу
	В млн. кВт/ч	% к итогу	В млн. кВт/ч	% к итогу	В млн. кВт/ч	% к итогу	В млн. кВт/ч	% к итогу	В млн. кВт/ч	% к итогу	
Выработано в самой промышл.	4 409	85,3	4 920	84,0	5 310	81,1	5 532	75,1	6 115	68,5	
В % к 1925/26 г.	100,0		111,6		120,4		125,5		138,5		
Получ. от станц. общ. пользования.	760	14,7	935	16,0	1 244	18,9	1 830	24,9	2 795	31,5	
В % к 1925/26 г.	100,0		123,0		163,6		240,6		365,0		
В с е г о *	5 169 **	100	5 855 ***	100	6 554 ****	100	7 362 *****	100	8 910	100	
В % к 1925/26 г.	100		113,2		126,8		142,4		172,4		

* Внутрипромышленный оборот энергии не включен.
 ** » » равен 42 млн. кВт/ч
 *** » » 100 » »
 **** » » 154 » »
 ***** » » 200 » »

***** Данные предварительные.

Динамика расширенного воспроизводства энергии баланса промышленности в 1925/26—1929/30 гг.

РАСХОД «План потребления»	1925/26		1926/27		1927/28		1928/29		1929/30 *	
	В млн. кВт/ч	% к итому	В млн. кВт/ч	% к итому	В млн. кВт/ч	% к итому	В млн. кВт/ч	% к итому	В млн. кВт/ч	% к итому
1. На производств. цели	4 640	89,8	5 137	87,7	5 770	88,0	6 354	86,3	7 570	84,5
В % к 1925/26 г.	100,0		110,7		124,3		136,9		163,0	
В т. ч. на обслуж. раб. машин	4 610		5 064		5 687 **					
На прочие пром. нужды	40		73		83					
2. На хозяйств. нужды	200	3,9	359	6,2	386	5,9	554	7,5		
В % к 1925/26 г.	100,0		179,5		193,0		277,0		1 018	11,9
3. Отпуск на сторону	141	2,7	147	2,5	162	2,5	194	2,6		
В % к 1925/26 г.	100		104,3		114,9		137,6			
4. Потери ***	188	3,6	212	3,6	235	3,6	264	3,6	322	3,6
В % к 1925/26 г.	100		112,8		125,0		140,4		171	
В с е г о	5 169	100	5 855	100	6 554	100	7 362	100	8 910	100

* Данные предварительные.

** Включая 67 млн. кВт/ч на обслуж. внутризаводск. транспорта.

*** В эту статью включены только численные потери при трансформации механической энергии в электрическую (см. об этом выше).

В динамике расходных статей энергобаланса мы наблюдаем относительно высокие темпы роста потока энергии, идущей на хозяйственные нужды. Соответственно вырос и удельный вес этой статьи энергобаланса: с 3,9 до 7,5% (в 1928/29 г.). Что касается потока энергии, идущего на производственные нужды, то суммарный прирост его составил около 63%. В структуре этого потока мы имели существенные изменения в составе энергии, а именно—значительный абсолютный и относительный рост электрического потока одновременно со снижением (не только относительным, но и абсолютным) потока механической энергии. Этот момент был нами уже подробно освещен выше, при анализе динамики коэффициентов электрификации. В отраслевой же структуре производственного потока энергии существенных сдвигов за эти годы не произошло (об этом подробнее см. в специальном очерке, посвященном динамике энергетического перевооружения основных отраслей промышленности). Значительный рост показывает забалансовая статья—«внутрипромышленный оборот энергии»⁶² (с 42 млн. *kWh* в 1925/26 г. он возрос до цифры 200 млн. *kWh* в 1928/29 г.). Это говорит о росте внутрипромышленной увязки энергобалансов отдельных предприятий наряду с общим процессом централизованного энергоснабжения промышленности.

Темпы расширенного воспроизводства электробаланса значительно опережают соответствующие темпы воспроизводства общего энергобаланса промышленности, непосредственно отражая тем самым динамику процесса электрификации и сдвиги в составе энергоснабжения промышленности, о которых речь шла выше.

Общий коэффициент прироста электробаланса промышленности за эти годы (1925/26—1929/30 гг.) составил 133%, причем процесс расширенного воспроизводства электробаланса следует по незатухающей динамике (например в 1926/27 г. прирост составил 15,8%, в 1928/29 г.—около 25%, в 1929/30 г.—около 37%). Отмеченные нами выше структурные сдвиги в динамике приходной части сводного энергобаланса особенно резко выступают при рассмотрении электробаланса.

Как видно из приведенных данных процесс централизованного охвата промышленного электробаланса из года в год растет, составив уже к началу третьего года пятилетки—около 49%. В связи с этим мы имеем и существенные изменения в составе электроэнергии основных статей расходной части электробаланса, а именно, передвижку центра тяжести в сектор централизованной электрификации.

В динамике расходной части электробаланса обращают внимание следующие основные моменты: 1) потребление электроэнергии на технологические нужды, хотя относительно и имеет высокий коэффициент роста, однако к началу третьего года пятилетки удельный вес в общем электробалансе остается еще крайне низким, измеряемым несколькими процентами. О причинах и о конкретных сдвигах, которые в данной области внесут ближайшие годы в связи с развертыванием пятилетнего плана, мы уже выше

•

⁶² Отпуск электроэнергии одним промышленным предприятием другому. Эта статья вынесена за баланс, чтобы не дублировать итоги энергобалансов промышленности.

Динамика расширенного воспроизводства электробаланса промышленности

	1925/26		1926/27		1927/28		1928/29		1929/30**	
	В млн. кВт	% к итогу	В млн. кВт	% к итогу	В млн. кВт	% к итогу	В млн. кВт	% к итогу	В млн. кВт	% к итогу
П Р И Х О Д										
«План покрытия»										
Произведено электроэнергии ф. з. станция и	1 689	68,9	1 902	67,9	2 112	62,9	2 354	56,3	2 935	51,0
% к 1925/26 г.	100		112,6		125,6		139,4		172	
Получено от сетей станций общего пользования	761	31,1	935	33,0	1 244	37,1	1 830	43,7	2 795	49,0
% к 1925/26 г.	100		123,9		163,6		240,6		365	
В с е г о *	2 450	100	2 837	100	3 356	100	4 184	100	5 700	100
% к 1925/26 г.	100		115,8		137,0		170,7		233	
Р А С Х О Д										
«План потребления»										
Рабочие машины	2 070	84,5	2 258	79,6	2 723	81,1	3 436	82,2	4 674	82,0
Электро-технологич. нужды	40	1,6	73	2,6	83	2,5	554	13,2	1 026	18,0
Хозяйственные нужды	200	8,2	359	12,7	386	11,5	194	4,6		
Отлуш. станциям общ. польз.	6	0,2	15	0,5	25	0,7				
Отпущено др. потребител. м.	135	5,5	132	4,6	137	4,2				
В с е г о	2 450	100	2 837	100	3 356	100	4 184	100	5 700	100

* Цифры предварительные.

** Внутрипромышленный оборот электроэнергии в итоге электробаланса не включен. См. об этом выше, с. 43.

писали⁶³. 2) высокий темп роста потока электроэнергии, идущего от промышленных станций в сеть станций общего пользования, (больше чем в 4 раза по сравнению с 1925/26 г.) Хотя абсолютный, удельный вес этого потока еще крайне незначителен (менее 1%) в общем электробалансе промышленности, однако динамика развития показывает растущую органическую двухстороннюю связь между децентрализованными промышленными станциями и централизованным сектором электроснабжения. В перспективе эта статья электробаланса должна будет несомненно расти как в абсолютном, так и в относительном выражении. (Необходимо также иметь в виду, что отдельные звенья промышленных станций, скольцованные высоковольтными сетями, были целиком переключены в группу станций общего пользования. Это естественно отразилось на снижении удельного веса данной статьи промышленного электробаланса).

В народнохозяйственном электробалансе Союза удельный вес промышленного электробаланса составляет около 70%. За последние годы темпы роста сводного электробаланса страны несколько опережают соответствующие темпы расширенного воспроизводства электробаланса промышленности. Это привело к незначительному (1—2%) снижению (по сравнению с 1925/26 г.) удельного веса промышленного электробаланса.

Что касается сдвигов в техническом составе двигателей, то подробно об этом будет речь в специальном очерке, посвященном современному состоянию силового аппарата. Здесь же отметим следующие два момента, вытекающие из общего анализа сводных материалов: во-первых, абсолютное и относительное снижение мощности паровых машин, преимущественно за счет роста удельного веса турбин; во-вторых, рост концентрации производственных мощностей всех классов двигателей.

VIII

Мы можем подвести некоторые итоги в части общей характеристики динамики и путей энергетического перевооружения СССР и капиталистических стран за последнее пятилетие.

1. Итоги истекших лет реконструкции народного хозяйства СССР четко демонстрируют те глубокие технические сдвиги, которые имели место в развертывании производительных сил нашей страны. Эти технические сдвиги в своем общем выражении нашли непосредственное отражение прежде всего в характере и темпах электровооруженности страны.

Несмотря на огромные, «ни в одной стране невиданные» трудности роста, вопреки активному вредительству социалистическому строительству со стороны агентуры империализма⁶⁴, уже истекшие первые два года пятилетки показали те несравнимые качественные преимущества, которые имеет плановое социалистическое хозяйство перед высокоразвитым капитализмом в области техно-экономической реконструкции производительных сил. Мы имели возможность четко это проследить по основным техно-экономическим показателям, характеризующим количественные и

⁶³ См. нашу статью в «Проблемах экономики» № 7, с. 35.

⁶⁴ Этому вопросу мы предполагаем посвятить специальную статью.

в особенности качественные успехи, которых достигла наша страна в развитии электрификации—ведущего звена технической реконструкции народного хозяйства.

Исторической важности участок мы уже прошли за этот короткий отрезок времени на этом пути—на пути «электрификации всей страны». Победивший рабочий класс форсированными темпами укрепляет и перевооружает свою техническую мощь. Об этом наряду с приведенными в очерке материалами убедительно говорят и темпы роста энерго- и электровооруженности труда за рассматриваемый период в основных отраслях промышленности.

«Труд и его энерговооруженность—вот главная строительная идея, четкое выявление которой может придать всему хозяйственному плану и яркую социальную выразительность и крепкие опорные пункты анализа сложных народнохозяйственных явлений» (Кржижановский).

Темпы роста электровооруженности труда синтезируют итоги технического перевооружения и общий подъем технической мощи нашей страны.

2. Мы на развернутом конкретном материале показали, что советский сектор мирового хозяйства по темпам энергетического перевооружения, по темпам электрификации значительно обгоняет соответствующие темпы капиталистического сектора мирового хозяйства. Мы далее показали, что по ряду решающих качественных показателей энергетического перевооружения плановое социалистическое хозяйство уже реализовало свои преимущества перед капиталистическим, уже оставило позади высокоразвитые в техническом отношении капиталистические страны.

Однако, по абсолютным размерам электробаланса, по уровню, мы еще пока значительно отстаем от электровооруженности таких стран, как США и Германия.

Приведенные расчеты показали (см. стр. 16—19), что из года в год значительно сокращается то расстояние, которое отделяет нас по уровню от этих передовых стран. В 1925/26 г. наш электробаланс был в 6 раз меньше по размерам электробаланса Германии, в 1929/30 г.—уже в 3,9 раз. Иными словами, мы за эти годы более чем в полтора раза сократили расстояние, отделявшее нас от первой в Европе и второй в мире по уровню электровооруженности страны.

Электробаланс Соединенных штатов Америки, как известно, составляет выше 40% мирового электробаланса и в 4 раза превосходит по размеру вторую страну в мире—Германию. И в то время, как отношение размеров электробаланса С. Ш. Америки к другим капиталистическим странам, как правило, возрастало, или оставалось в основном стабильным,—расстояние, отделяющее электробаланс Соединенных Штатов от электробаланса СССР, из года в год уменьшается. В 1925/26 г. САСШ произвели электроэнергию в 24,4 раза больше, чем СССР, а в 1929/30 г. уже в 15 раз больше.

Несомненно, что и 15-тикратное превышение электробаланса САСШ над электробалансом СССР показывает, что с точки зрения абсолютных размеров электровооруженности мы еще пока значительно отстаем от первой в мире страны, но и пройденный уже этап по пути «догона» и запроектированные темпы развития нашего хозяйства убедительно свидетельствуют о том, что мы этот «перегон» электробаланса пройдем в кратчайший исторический

срок. Этому «содействует», как мы уже показали, и современный кризис капитал стического хозяйства.

3. «Новое», которое мы можем четко проследить в развитии электроэнергетики советской страны за первые годы пятилетки, заключается в том, что не только по относительным темпам, но и по абсолютным размерам ежегодного роста электробаланса мы уже опережаем ряд основных капиталистических стран. Об этом говорят развернутые динамические данные, приведенные выше (стр. 16—17).

Это иллюстрируют и следующие расчеты, показывающие абсолютные размеры прироста электробаланса СССР и ряда основных капиталистических стран:

Абсолютный прирост потока электроэнергии в 1929/30 г.⁶³
(в млрд. kw)

СССР	+ 2,0	Япония	+ ок. 0,5
Франция	+ 1,9	Канада	+ ок. 1,5
Англия	+ 1,3		

Еще более резко выступит это «новое», если мы учтем, что в III году пятилетки прирост электробаланса СССР должен выразиться цифрой порядка 4 млрд. квч. (вдвое больше прироста II года пятилетки), при одновременном снижении электробаланса капиталистических стран в связи с кризисом.

Из года в год мы уверенно продвигаемся по пути завоевания руководящих позиций в европейском и в мировом электробалансе. Эти объективные факты не могла скрыть даже и официальная печать Лиги наций.

4. Два противоположных процесса в двух противоположных по социально-экономической системе частях мирового хозяйства:

Растущие темпы количественного и качественного роста электрификации в советском секторе и затухающая динамика развития капиталистического сектора мирового хозяйства.

Глубокий экономический кризис, застопоривший развитие кривых энерго- и электровооруженности в основных капиталистических странах, растущий подъем этих кривых в советской стране.

Обострение органических противоречий между достигнутым техническим уровнем электрификации и социально-экономической оболочкой монополистического капитализма, разрывание единой народнохозяйственной энергетической системы на наиболее высокой технической основе в советской стране.

Усиление неравномерности технического развития в монополистическом капитализме; форсированный процесс технической реконструкции всех звеньев народного хозяйства, общий подъем их с того примитивного уровня, который достался в наследство «Октябрю», сглаживание технической неравномерности (в отраслевом и в пространственном разрезе)—в советском хозяйстве.

Загнивание технического прогресса в монополистическом капитализме; широчайший простор технического прогресса в СССР.

⁶³ Об источниках см. примечание к с. 16—17. По западным странам цифры относятся к календарному году.

Об этих полярных процессах четко говорят конкретные материалы по развитию энергетического звена производительных сил капиталистического и советского сектора мирового хозяйства. Это ясно можно проследить и по современной энергетической литературе и печати Западной Европы и Америки. Наконец особый интерес представляют в этом плане труды последнего Мирового энергетического конгресса. В них, как солнце в капле воды, нашла непосредственное отражение вся гамма противоречий монополистического капитализма в эпоху его заката на одном из ответственных участков производительных сил.

5. Мы вместе с тем должны констатировать, что на фронте энергетики и в частности электрификации, мы еще далеко не на той высоте, на которой мы можем и должны были быть. Больше того, на данном этапе, наш бурно растущее народное хозяйство переживает напряженно-состояние на энергетическом (на топливном и электрическом) фронте. Недостаток в электроэнергии и в топливе становится тормозом социалистической индустриализации страны. Рскрытое ныне контрреволюционное вредительство вскрыло перед нами грандиозную картину вредительства, которое имело место в области энергетики. Вредители нанесли свой лобовой удар в «сердце» производительных сил—в энергетические центры страны. Враг оценил ведущую роль энергетики в развитии народного хозяйства.

Полностью овладеть всеми рычагами планирования и руководства развитием энергетики нашей страны; полностью использовать все преимущества, которые в этой области дает нам наше плановое социалистическое хозяйство; сделать энергетический фронт головным участком в общем социалистическом наступлении—такова неотложная задача текущего дня.

Мы отмечаем историческую—мирового значения—дату: десятилетие докладов Ленина и Кржижановского VIII съезду советов о плане Гозлро. Пройден исторический этап в реконструкции производительных сил первой в мире пролетарской страны. Страна советов находится на грани уже «второго тома Гозлро»—на грани генерального плана электрификации народного хозяйства. Этот план, как и план Гозлро, явится международным фактором первостепенного значения. Победивший рабочий класс демонстрирует мировому пролетариату итоги и перспективы созидательной работы в пролетарской стране на общем фоне загнивания монополистического капитализма. К проектированию этого генплана должно быть приковано внимание всего рабочего класса СССР и трудящихся всего мира.

Ю. ГОЛЬДШТЕЙН

ЛЕГЕНДА И ПРАВДА О ДЕМПИНГЕ

Очередная волна наступления мировой буржуазии на единственное в мире социалистическое государство идет под флагом борьбы с советским демпингом. Для этой цели мобилизована вся буржуазная и социалистическая печать. Франция, Бельгия, Венгрия, и Канада в законодательном порядке ограничивают и запрещают ввоз товаров из СССР. Болгария, которая вообще не ведет никакой торговли с СССР, ставит перед Лигой наций вопрос о советском демпинге. Ее поддерживают Франция и Швеция. Реакционная печать Франции, Румынии, Венгрии и Польши и социал-фашистская печать Германии и Австрии не удовлетворяются этим и требуют принятия более решительных мер: образования единого фронта для «регулирования экономических взаимоотношений» с СССР. Ни для кого больше не секрет, что это и есть начало организации блокады СССР. Особенно теперь, когда в связи с раскрытием контрреволюционных организаций в СССР перед общественным мнением всего мира явственно вырисовываются конкретные интервенционистские планы Франции и зависимых от нее государств, когда речь уже идет о сроках интервенции, о стратегических планах наступления,—смысл поднятой кампании против, якобы проводимой нами политики демпинга становится больше чем очевидным.

Несомненно, что расширяющийся и углубляющийся мировой экономический кризис и переплетающийся с ним мировой аграрный кризис, вступивший в чрезвычайно острую фазу, обостряет взаимоотношения капиталистического мира и СССР. Но основные причины обострения лежат в росте нашего социалистического строительства и в подъеме революционного движения в капиталистических и колониальных странах. Еще задолго до начала кризиса газета «New York Times» писала: «В состав русского экспорта уже включаются промышленные товары,—их количество еще относительно ничтожно, а цены относительно высоки; но умный человек должен смотреть глубже... Европа в целом еще не осознала полностью значения советской конкуренции как в политическом, так и в экономическом отношении. Но европейские руководители политики заглядывают вперед и видят то, что только показывается на горизонте».

Тов. Сталин на XVI партсъезде указывал, что по мере развертывания экономического кризиса должна усилиться тенденция к авантюристским наскокам на СССР и к интервенции. В основе подготовки войны против СССР «лежит противоречие между капи-

тализмом в целом и между страной строящегося социализма...» Оно вскрывает до корней все противоречия капитализма и собирает их в один узел, превращая их в вопрос жизни и смерти самих капиталистических порядков... Поэтому каждый раз, когда капиталистические противоречия обостряются, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР. «Нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР, этой страны советов, цитадели революции, революционизирующей одним своим существованием рабочий класс и колонии, мешающей наладить новую войну, мешающей переделить мир по-новому, мешающей хозяйничать на своем обширном внутреннем рынке, так необходимом капиталистам,—особенно теперь, в связи с экономическим кризисом».

В свете этой обстановки становится понятной та сила, с которой ведется в настоящее время кампания против СССР. Речь идет не о деловых экономических взаимоотношениях между капиталистическими странами и СССР,—кампания эта вызвана политическими мотивами и преследует исключительно политические цели.

Каждый повод, который используется противником для мобилизации общественного мнения против нас, должен быть нами проанализирован и разоблачен. По вопросу об ответственности за империалистическую войну написаны сотни томов, в которых выдвигается ряд лживых обвинений друг против друга. Несомненно, что такая литература появится и против нас. Поэтому надо с особенным вниманием следить за развертыванием этой кампании и дать ей отпор с самого начала. Разоблачение лжи и клеветы в этой подготовке к интервенции и войне является нашей неотложной задачей.

Можно ли СССР обвинять в демпинге? Для этого надо прежде всего разобраться в том, что представляет собой демпинг.

* * *

Что следует понимать под демпингом? На этот вопрос мы не находим четкого ответа в буржуазной и социал-демократической литературе.

Так например Крон Вольфганг пишет: «Демпинг представляет собой экспорт товаров по себестоимости или убыточным ценам при повышении продажных цен на защищенном внутреннем рынке» (Cronh Wolfgang, Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, B. 57, H. 2, S. 177). Рудольф Гильфердинг, говоря о бросовом экспорте, определяет: «Картели в состоянии продавать товары по ценам ниже цен производства, так как на внутреннем рынке они получают защищенную пошлинами сверхприбыль» (Rudolf Hilferding, Marx Studien, B. III, S. 388). Франц Эйленбург указывает, что «надо ограничить понятие демпинга продажами одних и тех же товаров за границей по ценам, более дешевым, чем внутри страны» (Franz Eulenburg, Aussenhandel und Aussenhandelspolitik, S. 195). Такой же точки зрения придерживаются Тауссик, Пешель и Эсслен. Роберт Лифман объединяет все эти точки зрения и находит три вида демпинга: 1) продажные цены на внешнем рынке 1) ниже себестоимости, 2) ниже внутренних цен и 3) ниже мировых цен. Иосиф Шумпетер рассматривает всякий экспорт как монополистический экспорт, как бросовый экспорт и современный капитализм называет даже «экспортным монополизмом» (Joseph Schumpeter, Zur Soziologie des Imperialismus. Arch. f. Soz., B. 41, S. 701). Теодор Плаут считает, что в основе демпинга лежат естественные и технические причины, преимущества одной страны по сравнению с другой, которые дают ей возможность конкурировать на внешнем рынке с другими странами (Theodor Plaut, Weltwirtschaftsarchiv, B. 20, S. 391).

Джекоб Вайнер, проф. Чикагского университета, в специальной работе, посвященной демпингу, определяет демпинг как «разницу в ценах на национальных рынках» (Jacob Viner, A problem in international trade).

В законодательстве буржуазных государств мы имеем около десяти определений и толкований бросового экспорта: демпингом считается, если 1) продажные цены на внешнем рынке ниже себестоимости, 2) цены на внешнем рынке ниже производственной цены, 3) цены на внешнем рынке ниже внутренних цен, 4) цены на внешнем рынке ниже мировых цен, 5) если товар продается с убытком, 6) экспортные цены ниже цен той страны, в которую товар импортируется, 7) экспортные цены ниже цен, по которым экспортирующая страна продает третьей стране, 8) если экспортные цены вообще внушают опасения в возможности дальнейшего развития национальной промышленности, 9) массовый экспорт называют демпингом и наконец 10) всякую нежелательную конкуренцию объявляют демпингом.

В широком толковании демпинга буржуазным законодательством и буржуазной экономической литературой отражается стремление буржуазии представить в качестве демпинга всякую невыгодную для нее конкуренцию. Лифман и в особенности Плаут считают демпинг не только нормальным, но и в высшей степени полезным явлением, дающим возможность развивать и двигать вперед промышленность. Диппенгорст, который специально занимался вопросом об экспортной политике картелей, указывает, что демпинг является лучшим вентилятором, который может «вентилировать внутренний рынок», и рекомендует прибегать к этому средству, когда рынок встречает те или иные затруднения¹.

Все вышеприведенные определения демпинга, которые встречаются в буржуазной экономической литературе и которые не дают полного и верного представления о демпинге, нашли свое отражение и в нашей советской литературе. Так, Кулишер переносит на советскую почву теорию Пешеля и представляет демпинг как убыточный экспорт. Станислав Вольский в «Энциклопедии советского экспорта» импортировал к нам теорию Плаута. Тов. Вольский пишет: «Причиной демпинга является не политика государственной власти и не мероприятия заинтересованных групп, а особое сочетание естественных и экономических условий, совершенно не зависящих от воли отдельных лиц и отдельных организаций»². Тов. Спектатор ввел в нашу литературу определение Гильфердинга: «Только сбыт,—пишет т. Спектатор,— по более низким ценам, чем средняя цена производства мирового рынка и чем средняя цена производства данной страны, с целью побить своих конкурентов означает демпинг»³. Тов. Спектатор прибавил к определению Гильфердинга сомнительное понятие «цена производства мирового рынка» и упустил самое ценное, что было в гильфердинговом определении демпинга: указание на связь с ростом монополистических организаций.

Согласно нашему определению демпинг—это орудие борьбы монополистического капитализма за господство на внутреннем рынке и за завоевание внеш-

¹ Dippenhorst, Die Exportpolitik der Kartelle.

² «Энциклопедия советского экспорта», т. I, ч. 2, с. 126.

³ М. Спектатор, Введение в изучение мирового хозяйства, с., 162.

него рынка при помощи монопольных цен внутри страны и бросовых цен на внешнем рынке, которые, как правило, ниже себестоимости. Конститутивными элементами демпинга мы считаем: а) монопольные цены на внутреннем рынке, б) бросовые цены на внешнем рынке и в) роль демпинга как орудия борьбы монополистического капитализма.

Самым важным моментом в определении демпинга является выяснение связи между демпингом и монополистическим капитализмом; этот момент совершенно не подчеркивается в буржуазной литературе и недостаточно выясняется в нашей литературе. Основными предпосылками демпинга являются: во-первых, развитие монополистических организаций, которые защищают внутренний рынок и дают возможность получать сверхприбыль, во-вторых, высокие таможенные пошлины.

В литературе мы встречаем такие взгляды, как например взгляды Пешеля, который утверждает, что «демпинг так же стар как вся торговля» или т. Павлова, который пишет: «Продажа товаров за границу по бросовым ценам—явление, сопутствующее капиталистической системе с первых дней ее возникновения»⁴. Тов. Смилга в недавно выпущенной им брошюре «Экономический бойкот СССР» также пишет: «Вопрос о продаже товаров за границей по более дешевым ценам, чем внутри страны,—для капиталистических стран не новый. Вся эпоха расцвета промышленного капитализма и теория свободы торговли полны практикой дешевых запродаж за границу»⁵.

Такое толкование демпинга ослабляет его значение, препятствует той разоблачительной кампании, которую необходимо вести против демпинга как орудия захвата рынка монополистическим капитализмом. Демпинг не есть случайное явление, и его нельзя считать временным явлением, как это делает т. Спектатор⁶ или действующим только во время кризиса, как утверждает Пешель; демпинг является одним из основных орудий борьбы монополистического капитализма, которое находит еще более широкое применение в эпоху всеобщего кризиса капитализма.

Всякий экономический кризис, а тем более всеобщий кризис капитализма в еще большей мере обостряет конкуренцию и борьбу за сбыт товаров; поэтому демпинг сильнее всего проявляется в периоды кризиса. Но рассматривать демпинг исключительно как явление, вызываемое кризисом, или как явление, свойственное капиталистической системе на всех стадиях ее развития,—значит опустить основную характерную его черту—связь с монополистическим капитализмом и выхолостить его содержание.

Политика демпинга тесно связана также с торговой политикой монополистического капитализма, с его таможенной политикой в частности. Таможенная политика монополистического капитализма отличается от таможенной политики предшествующих фаз развития капитализма не только тем, что происходит повсеместное повышение пошлин, но и тем, что меняется их характер.

⁴ «За индустриализацию», о. 22/XI 1930.

⁵ И. Смилга, Экономический бойкот СССР, 1930, с. 12.

⁶ М. Спектатор, Введение в изучение мирового хозяйства, с. 165.

На это изменение указывал еще Энгельс в примечании к III тому «Капитала»: «Тот факт, что быстро и мощно увеличивающиеся производительные силы современной промышленности с каждым днем перерастают законы капиталистического обмена товаров, в рамках которого они должны функционировать,—факт этот в настоящее время все более и более проникает в сознание самих капиталистов. Он проявляется в двух симптомах: во-первых, в теперешней всеобщей мании охранительных пошлин, которые от старой покровительственной системы отличаются тем, что более всего стремятся охранять продукты, способные к вывозу»⁷.

Торговую политику монополистического капитализма мы называем сверхпротекционизмом, который существенно отличается от предшествовавшей ей политики протекционизма.

В эпоху промышленного капитализма таможенные пошлины играли роль воспитательных пошлин для наиболее слабых отраслей промышленности, защищая их от иностранной конкуренции. В эпоху монополистического капитализма сверхпротекционизм ставит себе целью не столько защиту внутреннего рынка от иностранной конкуренции, сколько завоевание внешнего рынка в борьбе с иностранной конкуренцией, так как высокие таможенные пошлины дают возможность выплачивать экспортные премии и применять демпинг. «Из средств обороны слабых они стали орудием наступления сильных»⁸.

Покровительственные пошлины охраняют нормальную среднюю прибыль, сверхпротекционистские пошлины охраняют добавочную монополистическую сверхприбыль. Это не только количественная, но и качественная разница. Не случайно поэтому, что сверхпротекционизм «распространяется на самые сильные картелированные отрасли промышленности, которым никакая иностранная конкуренция не угрожает,—наоборот, продукты их сами являются наиболее пригодными к вывозу»—писал Ленин⁹.

В эпоху монополистического капитализма пошлины не являются более охранительными, но боевыми картельными пошлинами. Эти пошлины содействуют образованию картелей, как и картели содействуют росту таможенных пошлин. Между ними существует взаимозависимость.

Вопреки всяким экономическим конференциям и постановлениям Лиги наций о неповышении пошлин и даже снижении их мы наблюдаем небывалый расцвет протекционизма почти во всех капиталистических странах. Империалистические державы вооружаются таможенными пошлинами, так же как и другими средствами борьбы. Уже после мировой экономической конференции в Женеве мы видели резкое повышение таможенных пошлин почти во всех странах без исключения. Таможенный тариф Хоулея Смита, принятый в Соединенных Штатах в 1930 г., превышает прежний высоко протекционистский тариф Маккемберга-Форднера в среднем на 100%. Для ввоза многих товаров он носит запретительный характер.

•

⁷ «Капитал» т. III, книга 3, примечания 16.

⁸ Р. Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 364.

⁹ «Империализм как новейший этап капитализма», с. 94.

В Германии аграрные пошлины возросли на 300—400%. Во Франции и Италии наряду с аграрными пошлинами увеличены также промышленные пошлины.

Повышение пошлин в одних странах влечет за собой рост пошлин в других. Защищаются и те страны, в которых промышленность еще слабо развита, как Югославия, Венгрия и Турция.

Даже в самой Англии, которая считалась страной свободы торговли, мы имеем разкий поворот в сторону протекционизма, который многие у нас недооценивают. Все это, вместе взятое, подтверждает правильность того положения, которое было выдвинуто т. Молотовым на XVI партсъезде: «Нынешний кризис особенно сильно толкает капиталистические страны к сверхпротекционизму. Рост протекционистских тенденций сказывается повсюду. По этому пути идут не только второстепенные капиталистические страны, но и самые могущественные».

Вне связи демпинга с сверхпротекционизмом, как и сверхпротекционизма с монополистическим капитализмом, нельзя понять политики империализма.

В одном из последних своих писем Ленин на имя т. Сталина писал:

«Тов. Бухарин не видит—это самая поразительная его ошибка, притом чисто теоретическая,—что никакая таможенная политика не может быть действительной в эпоху империализма и чудовищной разницы между странами нищими и странами невероятно богатыми. Несколько раз т. Бухарин ссылается на таможенную охрану, не видя того, что в указанных условиях сломить эту стену может любая из богатых промышленных стран»¹⁰.

Торговую политику монополистического капитализма нужно определить как сверхпротекционистскую не только в связи с повышением пошлин и изменением их характера. Сверхпротекционизм выражается также в том, что наряду с повышением пошлин все большую роль в торговой политике играют другие государственные мероприятия. Сейчас мы имеем налицо целый арсенал новых мероприятий, которые буржуазные государства пускают в ход для формирования экспорта или, как они говорят, для активизации своей экспортной политики.

Но кроме того сами монополистические организации ведут активную экспортную политику и имеют свой арсенал мероприятий для усиления экспорта, среди которых демпинг играет очень важную роль. Они проводят в большинстве случаев сами политику демпинга и финансируют его, они придают ему огромную силу; в их руках демпинг становится могучим орудием борьбы.

* * *

О наличии и размерах демпинга чрезвычайно трудно судить, потому что в большинстве случаев он применяется в скрытом виде. Широкая общественность узнает о нем лишь тогда, когда становятся известными продажные цены за границей. Но и в этих случаях не всегда можно экспортные цены сравнивать с внутренними ценами и тем более с себестоимостью, потому что

¹⁰ В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XXIII, с. 380.

экспортные цены публикуются только для биржевых товаров, т. е. для известной части предметов продовольствия и наиболее важных видов сырья. На готовые изделия, машины, оборудование мы таких цен не имеем, между тем как в отраслях, производящих эти товары, демпинг находит наиболее широкое применение. Но и в тех случаях, когда экспортные цены публикуются, часто отсутствует публикация внутренних цен. Чрезвычайно трудно сравнивать внешние и внутренние цены еще и потому, что для экспорта специально производятся товары другого качества, чем для внутреннего рынка, под другими названиями и марками, в других стандартах и в особой упаковке, не говоря уже о том, что бросовые продажи совершаются путем не только понижения цен, но и продажи товаров повышенного качества на лучших условиях кредита или лучших прочих условий сделки для того, чтобы тем самым скрыть истинный размер демпинга.

О демпинге и размерах его мы узнаем только тогда, когда опубликовываются одновременно внешние и внутренние цены или опубликовываются те премии, которые монополистическая организация выплачивает экспортерам, когда становится известным размер премий, которые государство выдает в открытом или скрытом виде, и наконец когда какой-нибудь аутсайдер или пострадавший потребитель нарушает заговор молчания и об этом заявляет во всеулышание.

Буржуазная пресса, в том числе и социал-демократическая, конечно замалчивает применение демпинга, а в особенности его широкое распространение и говорит о демпинге только тогда, когда разрыв между внешними и внутренними ценами принимает такие размеры, что этого нельзя больше скрывать.

Для полного сравнения внешних и внутренних цен необходимо учитывать также те скидки, которые под видом гратификации или бонификации с оборота за верность, за качество товара отчисляются с номинальной цены, если об этом только становится известно. Демпинг может иметь место даже в том случае, если номинальные продажные цены на внешнем рынке соответствуют внутренним ценам или даже превышают их, так как всякого рода скидки с номинальной цены часто превращают ее в фиктивную цену, а экспортные цены в действительности гораздо ниже внутренних цен.

Чрезвычайно трудно точно определить себестоимость товаров в условиях капиталистического способа производства. Она является коммерческой и производственной тайной капиталистических предпринимателей. Тем не менее в печать иногда проникают сведения о себестоимости отдельных товаров, в особенности когда в конкурентной борьбе или в обращении предпринимателей к государству за помощью заинтересованные стороны или конкуренты их называют цифры себестоимости. Эти цифры конечно являются непроверенными и неточными. Поэтому о демпинге приходится судить на основании разницы между внутренними и экспортными ценами, которая отражает политику демпинга, но не дает еще представления о действительных размерах его, тем более, что бросовой экспорт в большинстве случаев маскируется скрытыми премиями и особыми льготами, размеры которых не всегда можно выявить.

Демпинг не является методом борьбы, присущим только одним отраслям промышленности и сельского хозяйства, а применяется, как правило, во всех отраслях хозяйства. Демпинг также не является оружием только одних стран, как это утверждали страны Антанты, обвиняя Германию на Парижской экономической конференции во время войны в применении демпинга, а является интернациональным средством борьбы монополистических организаций.

Несмотря на постоянные ограничения импорта и специальное законодательство, которое после войны проводил целый ряд государств по отношению к демпингу, последний стал еще более распространенным средством для завоевания рынков, чем до войны. В настоящее время легче перечислить те отрасли, в которых демпинг еще не применяется, чем те, в которых он свил себе гнездо. Как правило, демпинг применяется во всех странах и во всех отраслях хозяйства.

Для подтверждения этого мы ограничимся перечнем основных отраслей промышленности и хозяйства, в которых применяется демпинг, хотя бы за последние два-три года, причем этот перечень отнюдь не является исчерпывающим.

В тяжелой промышленности, наиболее концентрированной и трестированной отрасли промышленности, бросовой экспорт завоевал себе прочное место. Те премии, которые монополистические органы выдают при вывозе железных изделий и угля, регулярно отмечаются в прессе.

Германский стальной картель в ноябре 1930 г. опубликовал следующие цены (в марках за *t*):

Виды товаров	внутренние цены	Экспортные цены	Премии за вывоз
Болванки	101,5	65	32
Полосое железо	137,0	83	52
Формовое »	134,0	78	51
Бандажное »	149,0	100	56
Тол тое листовое »	153,0	109	47
Среднее » »	140,0	111	49
Проволока	167,0	106,5	35

За последние 6 месяцев экспортные цены три раза снижались, а вывозная премия три раза повышалась, между тем как внутренние цены оставались на том же уровне. В настоящее время разрыв между внутренними и внешними ценами стального картеля составляет от 40 до 50%. Это побудило даже «Vorwärts» обратиться к предпринимателям с призывом облагоразумиться и снизить внутренние цены. В этой статье «Vorwärts» указывает, что уровень цен, который устанавливает стальной картель, приводит к обострению кризиса¹¹.

В докладной записке Германского угольного синдиката, со-

¹¹ «Vorwärts» 2/X 1930.

ставители которой доказывают, что угольная промышленность несет на себе тяжесть железного демпинга и не пользуется скидками, предоставляемыми стальным картелем, названы суммы, которые выплачиваются в виде экспортных премий при вывозе железных изделий за границу: в 1927 г. премии составляли 36 млн. марок, в 1928 г.—42 млн. марок и в 1929 г. 41 млн. марок. В текущем году, когда размер вывозных премий «Rückvergütungen» увеличился почти вдвое, сумма их даже при сократившемся экспорте значительно возрастает.

В САСШ экспортные цены на железо в 1929 г. были значительно ниже внутренних цен¹²:

Полосовое железо на . . .	51%	Рельсы на	26%
Тяжелое листовое » . . .	35%	Проволока »	23%
Бандажное »	54%	Гвозди »	71%

В Англии разница между внутренними и экспортными ценами на белую жельсть составляет около 25%; внутренняя цена 1 ящика белой жести равна 22 шилл., экспортная цена—18 шилл.; внутренняя цена 1 т оцинкованной жести—13 ф. 10 шилл., экспортная—10 ф. 12 шилл.

Во Франции чугунный картель недавно постановил до конца года не снижать цен на внутреннем рынке, считая за базисную цену—цену в 490 фр. за т фосфористого железа франко Лонгви в то время, как это же железо продается на экспорт в Антверпен по 370 фр., в северных портах по 360 фр. и в Марселе—по 380 фр., т. е. на 20—25% дешевле, не считая расходов по транспорту с места производства до порта отправления. Кроме того картель выдает также скидку «за верность» до 30 фр. с тонны. Проволока во Франции продается по 850 фр. или 7 ф. ст. с тонны, а экспортная цена этой же проволоки составляет только 6 ф. ст. Разница в ценах на железо составляет даже 1,6 ф. ст. с тонны.

В Польше разница между внутренними и экспортными ценами еще больше. Сортовое железо продается на внутреннем рынке по 350 злотых, а за границей по 250 злотых за тонну.

Наиболее жестокая конкуренция наблюдается на рынке белой жести. Бросовые цены на жельсть доходят до 50% внутренних цен. В настоящее время цены на жельсть составляют¹³:

Толщина.	Внутренние цены — в САСШ, Англии, Германии (в марках с тонны).			Экспортные цены	Премия за вывоз
2,4	170	175	178,50	98,0	30
1,6	—	177	183,60	101,0	30
1,0	200	185	198,50	123,5	37,5
0,5	210	195	255,0	157,5	37,5

Несмотря на эти официальные низкие, бросовые цены, фактически экспортированная жельсть продается по еще более низким ценам. На собрании Континентального стального картеля

¹² «Kartellrundschaу» № 8—9, 1930.

¹³ «Börsencourrier», 23, X 1930.

(«I R. O.»), которое происходило в Брюсселе в апреле 1930 г., было констатировано, что за первую половину апреля имели место крупные продажи бандажного, листового, полосового железа и болванок в Шанхай, Калькутту, Монтевидео, Японию и Египет по ценам, которые значительно ниже картельных цен. Эти сделки, судя по значительным количествам запроданных товаров, могли заключаться только участниками картеля, вопреки принятым постановлениям¹⁴. На азиатских, южноамериканских и даже африканских рынках импортные цены обыкновенно ниже, чем на европейских экспортных рынках, так как борьба между монополистическими организациями идет сильнее всего за эти рынки.

Не менее ожесточенная конкурентная борьба ведется на угольном рынке. Польша конкурирует с Англией и Германией, не говоря уже о той борьбе, которую последние ведут между собой и каждая из них с САСШ.

В Англии цены на уголь внутри страны все время были выше, чем экспортные; цены на кокс франко копи в первые 6 месяцев 1930 г. в Англии составляли 18—21 шилл., в феврале—18 шиллингов и 6 пенсов, в мае—27 шиллингов и 7 пенсов. В это же время экспортные цены франко английские порты колебались между 15—16 шилл. за тонну. «Central Collieries Commercial Association» повысила экспортную премию на уголь с 1 шилл. 6 пенсов до 3 шилл. за тонну.

В Германии цены на уголь и кокс внутри страны все время стоят на уровне 16,87 мар. за уголь и 23,50 мар. за кокс с тонны франко копи, в то время как на внешнем рынке Германия продает в среднем уголь по 12 шилл., а кокс по 15 шилл. с тонны, т. е. на 25% по углю и 35% по коксу ниже внутренних германских цен. Для покрытия убытков от экспорта синдикат облагает всех своих членов особым налогом, который взимается с них в соответствии с размерами их продукции. Это обложение дает возможность выплачивать экспортерам вывозную премию; в 1927 г. эта премия выплачивалась в размере 1,52 мар. с тонны, в 1928 г.—2,40 мар. в 1929—2,80 мар. с тонны. Вся сумма обложения составляла в 1928 г.—50 млн. мар., в 1929 г.—60 млн. мар.

Польша, конкурируя с Англией и Германией, продает свой уголь в Данциге по 11 шилл. за тонну. Расходы по погрузке и перевозке угля (по пониженным тарифам) из Верхней Силезии или Домбровского района в порты обходятся не меньше 6 шилл. с тонны. Остается чистая выручка от продажи на экспорт по 5 шилл. с тонны при себестоимости угля в 8 шилл. В Польше горнорабочие в угольных шахтах получают меньше половины того, что получает горнорабочий в Руре, и на 40% меньше, чем горнорабочий в немецкой Верхней Силезии (4,18 шилл. в смену вместо 8,80 в Руре и 6,93 в Верхней Силезии); несмотря на эту жестокую эксплуатацию горнорабочих, Польша несет громадные убытки на угольном экспорте и все-таки продолжает его форсировать.

В САСШ, которые занимают первое место в вывозе нефти,

¹⁴ «Kartellrundschaу» № 6, 1930.

«Export Association» в текущем году снизила цены на тяжелый бензин «U. S. Motors» (удельный вес 58—60°) с 8,5 цент. за галлон до 7 цент. франко порты Гольфа. С этих цен Англия еще получает скидку в 2 цента за галлон, а Германия и Франция—по 1,5 цента за галлон. За вычетом скидки и расхода по нефтепроводу, равного одному центу с галлона, остается при продаже на экспорт 5,5 и 4 цента, а внутренние цены в Оклагеме за это время составляли 6,5 цента и 5,125 цента, т. е. на 20—25% выше.

В Румынии демпинг в торговле нефтяными продуктами имеет широкое распространение. В течение 1929 г. керосин продавался на внутреннем рынке по 3 и 3,50 лей за кило франко нефтеперегонный завод, а экспортная цена его колебалась между 1,95 и 2,52 леи. Мазут продавался в октябре, ноябре и декабре 1929 г. по 55, 60 и 70 лей, а экспортная цена в это время составляла 46, 47 и 48 лей.

Интересно отметить, что, когда в связи с развитием кризиса цены на внешних рынках сильно упали, в том числе и экспортные цены нефтепродуктов в Румынии, цены внутри страны повысились на 20—30%.

В химической промышленности можно выявить применение демпинга только в отношении массовых товаров, имеющих определенный стандарт и общепринятые марки. «ИГЕ» имеет отдельные прейскуранты на свои химические продукты, краски и другие товары для каждой страны; эти цены почти несравнимы, так как почти для каждой страны «ИГЕ» производит продукты в в другом составе, под другими марками. Кроме того «ИГЕ» больше, чем все другие организации, предоставляет в скрытом виде скидки и бонификации; прейскурант имеет лишь значение базисных цен, которые разнятся от фактических цен часто на 20—30% и более. «ИГЕ» долгое время продавало свои товары в Чехословакии и Швейцарии по боевым ценам, пока оно не подчинило аутсайдеров своему влиянию.

Азотистые удобрения, производство которых является гордостью германской техники, продаются во Франции на 60% дешевле, чем в самой Германии (5 мар. вместо 12 мар., при себестоимости в 2,50 мар.).

Экспорт калия находится в руках франко-германского калийного объединения, которое занимает на мировом рынке исключительное монопольное положение, и тем не менее и при продаже калия применяется демпинг. Германское правительство издало особый закон, согласно которому экспортные цены не могут быть ниже внутренних цен. Однако в 1926 г. это ограничение по настоянию предпринимателей отменено.

Сернокислый аммиак продавался в Германии до 16 августа 1930 г. по 10 ф. 2 шилл. за тонну (в настоящее время цена понижена до 8 ф. 17 шилл. 6 пенс.), а за границей он продавался по 7 ф. 5 шилл. за тонну в двойных мешках и по 6 ф. 15 шилл. в одинарных мешках, т. е. на 33 $\frac{1}{3}$ % дешевле, чем внутри страны.

В производстве электрических лампочек имеется международный картель. В тех странах, в которых картель в свое время имел аутсайдеров,—в Австралии, Швеции и Венгрии—электрические лампочки продавались по бросовым ценам.

Наибольшее применение находит в последнее время демпинг

при вывозе сельскохозяйственных продуктов, что является результатом резкого обострения мирового аграрного кризиса и катастрофического падения цен на с.-х. продукты. Почти все европейские государства перешли к открытой поддержке сельского хозяйства при помощи правительственных субсидий. Ряд государств снова вводит систему ввозных свидетельств, которые в полной мере соответствуют экспортным премиям.

Германия ввела в марте и апреле снова систему ввозных свидетельств не только на пшеницу, рожь, ячмень и овес, но и на мясные продукты и картофель. Наряду с повышением ввозных пошлин, которые в настоящее время уже превышают мировые цены на пшеницу на 230% и на ячмень свыше 300%, по аграрным законам Шиле ввозные свидетельства на экспортируемые пшеницу и ячмень выдавались на сумму в 66 мар., а на рожь и овес в 65 мар. с тонны.

Тем не менее «Deutsche Tageszeitung» жалуется на Scheuderkonkurrenz, т. е. на бросовый экспорт со стороны Польши и Франции, которые выплачивают высокие премии при вывозе пшеницы и пшеничной муки¹⁵. Франция выплачивает премию в размере 500 фр. с тонны вывозимой пшеницы. На выдачу таких экспортных субсидий во Франции в 1929 г. было ассигновано 117 млн. зол. фр., а в 1930 г. еще 200 млн. зол. фр.

Венгрия ввела специальный налог в 3 пенго с центнера ржи и пшеницы, которые возвращаются экспортеру при вывозе этих продуктов за границу. Для выдачи вывозных премий создан специальный фонд в 45 млн. пенго. Этот фонд покрывается доходом от пошлин на чай, кофе, пряности, которые были специально повышены для этой цели, а также доходами от налога на муку и повышения цен на табачные изделия. «Pester Lloyd»¹⁶ считает эту поддержку государства для венгерского сельского хозяйства недостаточной и требует выплаты экспортных премий за продукты животноводства, молочного хозяйства, птицеводства и виноделия.

В Польше широко практикуется система вывозных премий при экспорте сельскохозяйственных продуктов. При вывозе пшеницы выплачивают по 6 злотых, а ячменя—4 злотых с 100 кг.

В Англии национальный фермерский союз в октябре текущего года обратился к министерству земледелия с требованием принять меры против разорительной конкуренции, которую ведут Германия, Польша и Франция, широко применяющие демпинг на свободном незащищенном английском рынке. Фермеры указывают в своей петиции на то, что экспортная премия в Германии доходит до 15 шилл. за кварту, а во Франции до 16 шилл. за кварту¹⁷.

Мы видим, таким образом, как все государства широко применяют бросовый экспорт при открытой поддержке и финансировании его со стороны правительства; при этом они друг друга обвиняют в демпинге, требуя принятия антидемпинговых мер по отношению к своим конкурентам.

Демпинг особенно широко применяется в так называемых новых отраслях промышленности, в производстве искусственного шелка, в радиопромышленности, в производстве фильм и

¹⁵ «Deutsche Tageszeitung», 5/VII 1930.

¹⁶ «Pester Lloyd», 1/XI 1930.

¹⁷ «Times», 17/X 1930.

фотографических принадлежностей. Эти отрасли больше других во всех странах защищены высокими пошлинами и продают свои изделия на внутренних рынках по баснословно высоким ценам, вызывая возникновение новых конкурентных предприятий, аутсайдеров и появление субститутов. В то же самое время на внешнем рынке идет жестокая борьба за сбыт этих товаров по низким бросовым ценам; но конкуренция эта завалуирована благодаря различным маркам и т. д., которые трудно сравнить друг с другом. Тем не менее и здесь часто можно установить наличие демпинга. Так например в Германии фотографические пластинки 12×50 продаются по 1,60 мар., а на экспорт с доставкой франко Гамбург они продаются по 45 пфенн.

Мы могли бы еще привести целый ряд случаев применения демпинга, но полагаем, что и приведенных совершенно достаточно. Таким образом мы видим, что демпинг применяется во всех странах, во всех отраслях и в огромных размерах.

С полным основанием проф. Вайнер еще четыре года тому назад писал в меморандуме Лиги наций: «Несмотря на то, что всегда трудно полностью доказать, что в том или другом случае имеет место демпинг..., целый ряд имеющихся по этому вопросу данных убеждает нас в том, что демпинг в настоящее время имеет большее применение в мировой торговле, чем когда бы то ни было. Я убежден в том, что значительная часть промышленных изделий или полуфабрикатов, которые являются предметами международной торговли, продается по демпинговым ценам. Эта практика преобладает в промышленных странах, внутренний рынок которых основательно защищен от иностранной конкуренции при помощи высоких протекционистских пошлин, в которых промышленность является наиболее организованной в форме трестов или картелей»¹⁸ (разрядка наша—Ю. Г.).

К этому остается прибавить, что в эпоху всеобщего кризиса капитализма аграрный демпинг не уступает промышленному демпингу или, как уже отмечалось в нашей прессе, он является «альфой и омегой всей экономической политики» монополистического капитализма.

* * *

В свете тех грандиозных размеров, в которых демпинг и антидемпинг применяются в настоящее время в капиталистическом мире, легче разобратся в том вопросе, который буржуазная пресса всего мира поставила перед мировой общественностью в вопросе о «русском» или «советском», «красном», «революционном» демпинге.

Нас обвиняют в том, что: 1) вывозом своих товаров за границу мы стремимся вызвать мировую революцию; 2) продажей своих товаров на внешних рынках по низким ценам мы углубляем кризис и увеличиваем безработицу; 3) мы ведем политику демпинга с целью разорения промышленности и в особенности сельского хозяйства капиталистических стран.

Первое обвинение является наиболее общим, которое выдвигают

¹⁸ Winer, Memorandum sur le Dumping, 1926, p. 6.

гает реакционная печать Франции, Венгрии, Польши и других стран. Но достаточно сопоставить цифры мирового экспорта и экспорта СССР, чтобы установить ту незначительную роль, которую все еще играет СССР в мировом товарообороте, в частности в мировом экспорте:

Годы	Мировой экспорт	Экспорт СССР	Доля экспорта СССР (в %)
	(в тыс. долл.)		
1925	30 000	300	1,0
1926	29 300	360	1,2
1927	30 300	390	1,3
1928	36 099	335	1,3
1929	26 292	400	1,5
1930 (6 мес.) .	10 986	204	1,9

Вообще смехотворной является вся постановка вопроса о том, что внешней торговлей или даже экспортом товаров можно вызвать мировую революцию. Уже одна эта постановка вопроса свидетельствует о том, что капитализм находится в таком тяжелом положении, что повышение нашей доли в мировом экспорте хотя бы на несколько десятых процентов выводит капиталистов из равновесия и заставляет их говорить о грозящей капитализму катастрофе. Это свидетельствует не только о нашей силе, но и об их слабости.

Не более серьезным является и то обвинение, что СССР вывозом своих товаров обостряет экономический кризис в других странах, ибо всякий рабочий на это легко ответит, что: 1) СССР не только продает, но и покупает и покупает не менее, чем продает; если бы экспорт из СССР мог действовать в сторону углубления кризиса, то покупки СССР должны действовать в сторону ослабления кризиса; действие обоих факторов этим самым взаимно уничтожается; 2) экспорт из СССР не может быть причиной чрезвычайного перепроизводства и катастрофического падения цен во всех странах, ибо цены падают и на такие товары, которых СССР не продает (как например каучук, цветные металлы, хлопок, шерсть, чай, кофе и все колониальные продукты), а даже, наоборот, покупает. Цены падают и в тех странах, с которыми СССР не ведет никакой торговли. Цены на хлеб, лен и лес стали падать гораздо раньше, чем советский хлеб появился на мировом рынке. Указание на экспорт СССР как на причину промышленного или аграрного кризиса в капиталистических странах, или даже как на фактор, затрагивающий его разрешение, является не только средством скрыть истинные причины того, что капитализм не в состоянии разрешить имманентных ему противоречий, но вызывается также стремлением свалить вину с больной головы на здоровую, отвлечь внимание широких масс от истинных причин кризиса, выставляя СССР как единственного виновника экономической катастрофы.

СССР до настоящего времени в основном вывозит сырье и продовольствие, хотя структура советского экспорта за последние годы значительно изменилась по сравнению с довоенной в сторону его индустриализации. В настоящее время экспорт продовольствия и сырья из СССР должен был бы рассматриваться как фактор, удешевляющий продукты первой необходимости и повышающий жизненный уровень широких масс в импортирующих странах, а не ухудшающий их положение, как это изображают буржуазная и социалистическая печать.

Нас обвиняют в том, что мы продаем наши товары по ценам, которые ниже мировых цен, между тем мы более чем кто-либо заинтересованы в том, чтобы выручить максимальные цены от продажи наших экспортных товаров. Каждое понижение цен бьет в первую очередь по нашему же собственному карману. Как правильно указывает «Frankfurter Zeitung», СССР совершенно не заинтересован в том, чтобы продавать экспортируемые им товары по пониженным ценам¹⁹.

Наоборот мы имеем полное основание обвинять другие страны в том, что они сбивают нам цены. Так например Польша продает лес, лен, уголь дешевле нас. Румыния продает пшеницу, ячмень, нефтепродукты дешевле нас. Нефтяные тресты в борьбе с нами снижают цены на тех рынках, где только появляются советские нефтяные продукты, и т. д. Они приносят нам гораздо больше ущерба, чем мы можем им принести. Когда мы вывозим мало, нас обвиняют в том, что мы вздуваем цены; когда мы вывозим больше, нас обвиняют в том, что мы снижаем цены, забывая при этом, что не мы создаем конъюнктуру на мировых рынках.

Демпинг является категорией капиталистической системы хозяйства, которую нельзя применять к системе советского хозяйства. Демпинг является методом конкурентной борьбы в эпоху монополистического капитализма. Основная специфическая черта демпинга—это монополярная прибыль и повышение цен на внутреннем рынке, что не может иметь места в нашем хозяйстве еще и потому, что одной из основных задач нашей экономической политики является снижение цен.

В резолюции, принятой на мировой экономической конференции в 1927 г., говорится о «мирном сосуществовании» двух различных социально-экономических систем. Это обязывает инициаторов этой конференции вспомнить хотя бы принятые ими же постановления, сделать вытекающие из них выводы и не приписывать нам того, в чем повинны сами капиталисты и о чем не может быть и речи в отношении советского хозяйства.

Буржуазия не понимает или не желает понимать, что наша внешняя торговля коренным образом отличается от внешней торговли капиталистических стран. Капиталисты, ведя внешнюю торговлю, стремятся получить по возможности прибыль больше той, которую они могут получить внутри страны, или реализовать ту часть продукции, которую они не в состоянии реализовать у себя в стране. Даже продавая

¹⁹ «Frankfurter Zeitung», от 5 X 1903 г.

по бросовым ценам, капиталисты стремятся от общей продажи на внутреннем и внешнем рынках выручить больше той суммы, которую они выручили бы при продаже меньшего количества только на внутреннем рынке. СССР не ставит себе целью при помощи внешней торговли реализовать более высокую прибыль или большее количество товаров. Экспорт из СССР служит исключительно источником покрытия импорта. СССР ввозит товары из других стран не потому, что они за границей обходятся дешевле, чем у нас, а исключительно потому, что определенные товары мы не в состоянии производить или не производим их в достаточном количестве. СССР ввозит машины и оборудование для ускорения индустриализации страны. В СССР внешняя торговля является средством, содействующим социалистическому строительству.

Капиталистические страны при помощи внешней торговли стремятся захватить рынки, чтобы подчинить их себе и получить более высокую прибыль. СССР не ставит себе целью и не может ставить целью захватить какие бы то ни было рынки. СССР продает свои товары там, где юни находят сбыт по наиболее выгодной цене.

Капиталистические страны форсируют экспорт во что бы то ни стало с той целью, чтобы иметь источники для покрытия задолженности, для уплаты процентов по займам или репарационных взносов. Советский Союз не обременен такими долгами, и в этих целях мы не развиваем нашего экспорта. Мы конечно прилагаем все усилия к тому, чтобы развивать наш экспорт, но в совершенно других целях и в совершенно других пределах, чем капиталистические страны.

Капиталистический мир обвиняет нас в том, что мы вывозим товары для поднятия нашего экономического престижа, для того, чтобы доказать рабочим всего мира, что мы восстановили наше хозяйство и что оно продолжает развиваться быстрым темпом. «Temps» пишет: «Большевики стремятся поднять свой престиж, наполняя своими товарами рынки капиталистических стран. В известной степени они достигли своей цели. Очень многие спрашивают нас: «Где же нищета и бедность Советов»²⁰.

Одно верно, что в настоящее время трудно доказать рабочим и трудящимся всего мира, что в СССР господствуют нищета и бедность. Несомненно, что в связи с кампанией против «советского демпинга» капиталистические страны поставили перед всем миром вопрос об экономической мощи Страны Советов и многое сделали для поднятия ее экономического престижа.

Реакционная буржуазия и социал-фашистская печать призывают не только бойкотировать или запретить импорт советских товаров, но запретить также продажу СССР необходимых ему машин и оборудования. Это есть попытка срыва нашего пятилетнего плана. Но среди буржуазии имеются разногласия по этому поводу. Кремер, председатель германского комитета по экономическим сношениям с СССР, еще год тому назад говорил: «Если мы откажемся снабжать Россию средствами производства, то другие страны с готовностью заменят нас»²¹.

²⁰ «Temps», 25/X 1930.

²¹ «Weltwirtschaft» № 1 1930.

Такой точки зрения придерживаются деловые круги САСШ, Англии и Германии. Это свидетельствует о тех глубоких противоречиях, которые имеются в лагере буржуазии по отношению к СССР.

Кампания антидемпинга является прямым продолжением крестового похода против СССР. Чего не удалось достигнуть при помощи папской буллы, того хотят добиться теперь при помощи легенды о «советском демпинге». Под дымовой завесой «демпинга» идет мобилизация общественного мнения для подготовки войны против Советского Союза.

Подобно тому как в свое время за обвинением Германии в демпинге скрывалась подготовка войны против нее, так и в настоящее время капиталистические страны мобилизуют общественное мнение для подготовки интервенции против СССР. Страну Советов буржуазия выставляет как виновницу экономического кризиса, как виновницу бедственного положения крестьян. Противоречия капитализма мировая буржуазия пытается разрешить за счет СССР, за счет «цитадели революции, одним своим существованием революционизирующей рабочий класс и колонии, мешающей наладить новую войну, мешающей переделить мир по-новому, мешающей им хозяйничать» (Сталин).

Л. ЗИМАН

«ВСЕОБЩИЙ ЗАКОН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ» МАРКСА И ЕГО «МОДИФИКАТОРЫ»

Всеобщий закон капиталистического накопления является несомненно одной из важнейших, стержневых частей экономической системы Маркса, непосредственно подводящей к революционным выводам из нее. Именно поэтому этот закон с самого начала вызвал наиболее ожесточенные нападки со стороны буржуазных ученых (Брентано, Юл. Вольф, Оппенгеймер) и откровенных ревизионистов (Бернштейн), и именно поэтому он особенно усердно искажается и извращается под видом толкования и дальнейшей разработки марксовой теории оппортунистами всех мастей (начиная Каутским и кончая Фр. Штернбергом).

Литература обоих этих видов (критикующая и «развивающая») одинаково убога. Но литература второго этапа во много раз опаснее, ибо в настоящий период, когда широчайшие слои пролетариата всех стран на собственной спине чувствуют резко усилившееся действие тенденции к обнищанию, голое отрицание закона может иметь видимость убедительности только для прожженных апологетов капиталистического строя. Но вряд ли может рассчитывать теперь на большой успех и ревизионистская теория (родоначальником которой является Каутский), пытающаяся доказать, что при капитализме растет не абсолютная, а относительная нищета (положение рабочих абсолютно улучшается и лишь относительно—по сравнению с капиталистами—ухудшается¹. Однако оппортунизм чрезвычайно изворотлив. И в настоящее время он усиленно выдвигает другую теорию (идущую также от Каутского), по которой рост перенаселения и обнищание пролетариата при капитализме являются лишь тенденцией, которая однако может быть парализована действием целого ряда факторов и потому в течение длительных периодов внешне не проявляться.

В таком духе построена теория Фр. Штернберга². По его мнению формулированная Марксом тенденция к возрастанию резервной армии с ростом накопления проявляется лишь в «чистом капитализме». В реальном капитализме дело может обстоять иначе. «Известно, едва ли это будет оспариваться, что во 2-й половине

¹ В своей статье «Всеобщий закон капиталистического накопления», написанной в 1928 г. для «Б.С.Э.», я допустил серьезную ошибку, не подвернув критике каутскианскую теорию относительного обнищания, и дал ряд неправильных формулировок.

² См. «Der Imperialismus», В. 1926 (в дальнейшем обозначается I), «Der Imperialismus» und seine Kritiker», В. 1929 (II) и «Империализм и кризисы» (доклад и дискуссия в Комкадемии), М. 1930 (III).

XIX в. во многих странах до мировой войны, в САСШ даже после, тенденция развития шла в направлении не снижения средней нормальной заработной платы, а наоборот повышения ее» (II, 76). Штернберг подчеркивает, что он имеет в виду повышение не номинальной, а реальной заработной платы, не конъюнктурное, а длительное, и притом не сопровождаемое соответственным повышением издержек воспроизводства рабочей силы (там же). «Если заработная плата повышалась не в одной какой-нибудь стране, а во многих в течение не отдельных лет, а десятилетий, то должна была сократиться («kontrahiert») промышленная резервная армия» (II, 78). Уменьшение промышленной резервной армии произошло: а) благодаря эмиграции рабочих в другие страны (напр. в САСШ, в Америку вообще); б) благодаря внедрению капитализма в колониальные области, в которых всячески задерживалось развитие собственной промышленности; в) благодаря замедлению темпа повышения органического состава капитала, поскольку перед капитализмом открывалась отдушина внешнего расширения» (III, 144).

Концепция Фр. Штернберга в целом, а отчасти и его позиция в вопросе о положении рабочего класса при капитализме уже получили оценку в нашей литературе². Но с сожалением приходится отметить, что идеи, аналогичные штернберговским, проникают и в нашу коммунистическую печать. Мы имеем в виду напечатанную одновременно в двух вариантах в журналах «Социалистическое хозяйство»³ и «Unter dem Banner des Marxismus» статью Р. Новицкого, Н. Толоконского и Д. Якобсона «Всеобщий закон капиталистического накопления» («Das allgemeine Gesetz der kapitalistischen Akkumulation»)³.

В смысле серьезности и добросовестности анализа статья Р. Новицкого и др. стоит неизмеримо ниже работ Штернберга, хотя эти последние по качеству стоят не выше обычных ревизионистских писаний.

Основная идея указанной статьи Р. Новицкого и др. заключается в том, что во всех наиболее развитых капиталистических странах в течение второй половины XIX в., а в некоторых из них и до этого, а отчасти и после, действие всеобщего закона парализовалось, и положение рабочего класса не ухудшалось, а улучшалось. Вместо перенаселения имело место недонаселение. Основными факторами, приводившими к этому, были: а) заселение новых территорий и эмиграция; б) монопольное положение на рынках отсталых стран и ограбление колоний; в) бурное развитие новых отраслей, особенно тяжелой индустрии. Пространственные и временные рамки, в которых закон, открытый Марксом, якобы не имел «видимых результатов», таковы:

1) «В САСШ, Австралии, Канаде и др. странах «иммиграции» положение пролетариата и др. угнетенных классов не ухудшалось, а наоборот улучшалось или оставалось стабильным в течение всего изучаемого периода до самой эпохи империалистического капитализма» («С.-х.», 141). В эпоху довоенного империализма здесь была

² См. кроме указанной в предыдущем примечании дискуссии в Комакадемии рецензию Г. Дашерского («Проблемы экономики», 1930, № 1) и М. Енгибаряна («Большевик», 1930, № 22).

³ См. «Социалистическое хозяйство» 1930, кн. I—II (в дальнейшем обозначаем: С. х.) и «Unter dem Banner des Marxismus», 1930, I (обозначаем: «U.D.B.»).

«стабильность населения» и лишь в послевоенную эпоху «незначительный рост перенаселенности» («С. х.», 161).

2) «В целом ряде передовых капиталистических стран (Англия, Германия и др.), а также в Ирландии такое же улучшение происходило в течение всей второй половины XIX столетия) («С.-х.», 141). В эпоху довоенного империализма здесь был «незначительный рост перенаселенности», лишь после войны сменившийся ее «явным ростом».

3) «Франция в силу обстоятельств, о которых будет сказано ниже, как общее правило, от перенаселения не страдала» («С. х.», 140). Увы! ниже ничего больше об этой французской «исключительности» не говорится, и читатель так и не знает, возникло ли во Франции перенаселение или она до сих пор от него не страдает.

МАРКС, ЭНГЕЛЬС И ЛЕНИН ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА

Авторы приведенных только что рассуждений (и в этом отношении они также мало отличаются от Штернберга) стараются так изобразить дело, будто они отнюдь не вступают в противоречие с Марксом, и даже наоборот—последний сам «описал и исчерпывающе объяснил вышеперечисленные «осложнения» всеобщего закона». Для доказательства этого им пришлось проделать весьма сложную работу в смысле цитатмакерства, и все же результаты получились весьма убогие.

Авторы выбрали все места из «Капитала», где Маркс хоть что-нибудь говорит об улучшении положения рабочих: его указание в разделе о рабочем дне на физическое и моральное возрождение рабочих в связи с законодательным укорочением рабочего дня в ряде отраслей английской промышленности в 1853—1860 гг., упомянутое им в разделе о ренте повышение заработной платы с.-х. рабочих в Англии в 1849—1859 гг. (об этом см. ниже), далее указание Маркса на исключительно благоприятную конъюнктуру для хлопчатобумажной промышленности в 1860 г. и наконец ироническое замечание Маркса о том, что после отмены хлебных пошлин в Англии наступило «тысячелетнее царство». («UdВ», 10). Но Р. Новицкий и его соавторы забыли указать, что в главе о всеобщем законе Маркс специально дал раздел «Иллюстрация всеобщего закона» и там прежде всего охарактеризовал положение рабочих в Англии в 1846—1866 гг. Маркс начинает этот раздел следующими словами: «Ни один период в истории современного общества не является до такой степени благоприятным для изучения капиталистического накопления, как последние 20 лет. Он производит такое впечатление, как будто он нашел сумму фортуны. Но из всех стран, классический пример представляет опять-таки Англия...»⁵. И далее Маркс на 40 страницах дает обширный материал, доказывающий, что непосредственный производитель этого богатства—рабочий класс—ничего не получил от его бурного роста. Маркс указывает, что даже буржуазные ученые признают, что «в жизни трудящихся» классов не заметно никакого улучшения, и даже сам Гладстон принужден

⁵ «Капитал», т. I, с. 611—615, изд. 1908.

был признать, что «ошеломляющее увеличение богатства и мощи... всецело ограничивается имущими классами».

Каким бесстыдством надо обладать, чтобы, умолчав об этой главе, специально посвященной вопросу, на основании выхваченных цитат о частичных улучшениях в положении отдельных частей английского пролетариата в отдельные годы, говорить о том, будто Маркс признавал улучшение положения английского пролетариата в начале второй половины XIX в. ⁶.

Но Маркс исследовал не только положение английского пролетариата. Специальный раздел он посвящает в той же главе Ирландии. Указав на громадный рост эмиграции, Маркс спрашивает: «Каковы же были последствия для оставшихся рабочих Ирландии, освобожденных от перенаселения? Последствия таковы, что относительное перенаселение в настоящее время столь же велико, как было до 1846 г., что заработная плата столь же низка, что тяжесть труда увеличилась, что нищета в деревне угрожает новым кризисом» ⁷.

Наконец в последней главе т. I, посвященной колониям, Маркс подробно говорит о том, что «капиталистическое производство развивается там исполинскими шагами, хотя понижение заработной платы и зависимость наемного рабочего еще не достигли европейского нормального уровня» ⁸.

Весь громадный конкретный материал, приводимый Марксом в т. I «Капитала», говорит о том, что положение пролетариата во всех капиталистических странах в основном ухудшается. Если бы эта тенденция нарушилась после выхода I тома «Капитала», если бы действие всеобщего закона действительно парализовалось, перестало быть видимым, Маркс несомненно отметил бы это в последующих изданиях этого тома. Но ничего подобного нет ни в последующих изданиях, ни в других работах Маркса.

Энгельс в 1885 г. в одной статье, цитируемой им в предисловии ко 2-му немецкому изданию «Положения рабочего класса в Англии», специально остановился на вопросе о том, как изменилось положение английского пролетариата за последние 40 лет. «Порой наступало улучшение даже для большинства. Но всякое улучшение всегда сводилось на-нет благодаря притоку массы рабочих из безработного резерва, благодаря непрерывному вытеснению рабочих новыми машинами и притоку в города сельских рабочих, тоже все более и более вытесняемых теперь машинами». Далее Энгельс указывает на прочное улучшение в положении привилегированных групп рабочих. «Но что касается главной массы рабочих, то для нее уровень нищеты и необеспеченности, существующий в настоящее время тот же, если не ниже, чем раньше» ⁹. Но и эту свою характеристику Энгельс относит лишь к периоду 1848—1868 г.—эпохе «неслыханного подъема торговли и промышленности». Последую-

⁶ Штернберг поступает относительно честнее, указав на эту главу и лишь отметив, что материал Маркса не дает ему ясного представления о положении рабочего класса в Англии в этот период (I, 435). Штернберга можно лишь пожалеть: ему не удается понять у Маркса то, что легко усваивают наши рабфаковцы.

⁷ «Капитал», т. I, с. 666.

⁸ Там же, с. 734.

⁹ Энгельс Фр., Положение рабочего класса в Англии в 1844 г., М.—Л., 1928, с. 60—61.

щие десятилетия в связи с потерей Англией монопольного положения на мировом рынке должны были, по его мнению, принести дальнейшее ухудшение в положении рабочих.

«Покуда продолжалась промышленная монополия Англии, английский рабочий класс до известной части принимал участие в выгодах этой монополии. Выгоды эти распределялись между рабочими весьма неравномерно: привилегированное меньшинство поглощало значительную часть, но и на долю широкой массы порой кое-что перепало... С падением монополии это привилегированное положение английского рабочего класса исчезнет. В один прекрасный день он весь,—не исключая руководящего и находящегося в привилегированном положении меньшинства,—увидит себя на таком же уровне, на котором находятся рабочие других стран»¹⁰.

Эту цитату из Энгельса Штернберг считает своим главным козырем. Содержание этой цитаты он передает так: «Над рабочей массой, положение которой чуть-чуть улучшилось, располагалась рабочая аристократия, положение которой значительно улучшилось» (III, 152). Внимательный читатель без труда заметит, что Штернберг приписывает Энгельсу то, чего тот не говорил. В приведенной только что цитате Энгельс утверждает лишь, что положение английского пролетариата было лучше, чем рабочих других стран. О том, как изменилось положение английского пролетариата по сравнению с предшествующим периодом, Энгельс говорит не здесь, а двумя страницами раньше. И там его позиция (см. цитаты выше) диаметрально противоположна позиции Штернберга и иже с ним.

Р. Новицкий и др. правильно указывают, что Ленин придавал проблеме абсолютного ухудшения в положении пролетариата чрезвычайно большое значение. Однако при всем усердии авторов по части цитат им не удалось найти у Ленина ни одного указания на улучшение положения пролетариата в основных капиталистических странах в течение второй половины XIX в. Наоборот, они сами принуждены были привести одно указание Ленина, сделанное им в 1912 г. в специальной статье: «Обнищание в капиталистическом обществе»¹¹. Эту статью Ленин начинает следующим указанием: «Буржуазные реформисты, а за ними некоторые оппортунисты из рядов социал-демократии утврждают, что обнищание масс в капиталистическом обществе не происходит. «Теория-де обнищания»—неверна: благосостояние масс, хотя медленно, но растет. В последнее время вся фальшь подобных утверждений вскрывается перед массами все более и более наглядно». И далее Ленин ссылается на положение германского пролетариата: «По данным буржуазных социал-политиков, опирающихся на официальные источники, заработная плата рабочих в Германии возросла за последние 30 лет в среднем на 25%. За тот же период времени стоимость жизни повысилась по меньшей мере на 40%. «...Рабочий нищает абсолютно, т. е. становится прямо-таки беднее прежнего, вынужден жить хуже, питаться скуднее, больше недодедать, ютиться по подвалам и чердакам». Р. Новицкий и сотоварищи, приведя эту ци-

¹⁰ Там же с. 63.

¹¹ Ленин В. И., Сочинения, т. XVI, с. 212—13, II изд., М.—Л. 1930.

тату из Ленина и подчеркнув свое согласие с ней, на следующей странице заявляют: «Во второй половине XIX в. действие всеобщего закона во многих ведущих капиталистических странах испытало столь существенные изменения, что в течение полных 50 лет положение пролетариата не только не ухудшалось, но прогрессивно улучшалось» («UdВ», 38). Мы предоставляем читателю судить о том, как должны квалифицироваться подобные литературные приемы.

При объективном подходе ни у Маркса, ни у Энгельса, ни у Ленина мы не только не находим указаний на «парализование» действия всеобщего закона в решающих странах капитализма во второй половине XIX в., но наоборот—основоположники социализма всегда единодушно утверждали, что в основном во всех капиталистических странах имеет место ухудшение в положении пролетариата, лишь в отдельные месяцы или максимум годы отдельных категорий рабочих (не говоря конечно о рабочей аристократии) сменяемые обратным процессом—улучшением¹².

ЧТО ГОВОРЯТ ФАКТЫ?

Но может быть теоретики пролетарской революции ошибались? Может быть они проглядели столь значительный факт, который по мнению Фр. Штернберга даже никем не оспаривается? Увы! Наши ревизионистские теоретики, многократно утверждая, что во второй половине XIX в. происходило рассасывание перенаселения, нигде не приводят фактических данных, непосредственно доказывающих это¹³. А между тем кое-какие данные по этому вопросу имеются.

В Англии тредьюнионы ведут учет безработицы среди своих членов с 1851 г. Если разбить весь довоенный период по циклам, начинающимся и кончающимся годами с наименьшим процентом безработных, то получим следующую картину¹⁴ (см. табл. на стр. 74).

Конечно эти данные не вполне надежны (особенно до 1887 г.), но они во всяком случае дают лучшую картину, чем имело место в действительности, а не худшую. Ибо рост и укрепление тредьюнионов несомненно приводили к тому, что тяжесть безработицы все более перекладывалась на плечи неорганизованных масс пролетариата.

Тщательный анализ как данных тредьюнионов, так и других источников привел в конце XIX в. добросовестного буржуазного исследователя Дж. Гобсона к тому выводу, что «потеря времени и энергии в настоящее время гораздо больше, чем это было пол-

¹² Когда на дискуссии в Комакалени Фр. Штернбергу было указано (Ю. Гольдштейном), что его утверждение об улучшении положения рабочего класса не имеет ничего общего с марксизмом, он в ответном слове кроме повторной ссылки на высказывания Энгельса (как показано выше, извращенные Штернбергом) смог еще указать лишь на то, что в программе Коминтерна есть ряд указаний на ухудшение положения рабочего класса в настоящее время. Следовательно, делает вывод Штернберг, раньше же имело место улучшение (III, 149—150). Незавидно положение Фр. Штернберга, если сегою правоту он должен доказывать подобными «умозаключениями».

¹³ Единственное исключение — приводимые Штернбергом данные о числе пауперов, получающих пособие в Англии (1, 433). Об этих данных см. ниже.

¹⁴ См. «Annuaire Statistique» («Statistique Générale de la France»), XXXVIII, 1922, p. 217.

Годы	%	Годы	%	Годы	%	Годы	%	Годы	%	Годы	%	Годы	%	Годы	%
1853	1,7	1860	1,9	1865	2,1	1872	0,9	1882	2,3	1890	2,1	1899	2,0	1906	3,6
1854	2,9	1861	5,2	1866	3,3	1873	1,2	1883	2,6	1891	3,5	1900	2,1	1907	3,7
1855	5,4	1862	8,4	1867	7,4	1874	1,7	1884	8,1	1892	6,3	1901	3,3	1908	7,8
1856	4,7	1863	6,0	1868	7,9	1875	2,4	1885	9,3	1893	7,5	1902	4,0	1909	7,7
1857	6,0	1864	2,7	1869	6,7	1876	3,7	1886	10,2	1894	6,9	1903	4,7	1910	4,7
1858	11,9	1865	2,1	1870	3,9	1877	4,7	1887	7,6	1895	6,8	1904	6,0	1911	3,0
1859	3,8			1871	1,6	1878	6,8	1888	4,6	1896	3,4	1905	5,0	1912	3,2
1860	1,9			1872	0,9	1879	11,4	1889	2,1	1897	3,5	1906	3,6	1913	2,1
						1880	5,5			1898	2,8				
						1881	3,5			1899	2,0				
						1882	2,3								
Средн.	3,8	Средн.	4,4	Средн.	4,2	Средн.	4,0	Средн.	5,8	Средн.	5,0	Средн.	3,9	Средн.	4,5

века тому назад или в течение XVIII века»¹⁵. Это же принужден был признать и М. И. Туган-Барановский, изучавший динамику английской безработицы в связи с кризисами: «Опыт указывает, что безработица отнюдь не сокращается в связи с развитием капитализма и даже принимает в некоторых отношениях более тягостные формы»¹⁶.

Целый ряд буржуазных экономистов, специально исследовавших социальную структуру населения английских городов (Ч. Бус, Раунтри, Боули)¹⁷, единодушно утверждают, что пауперизм в Англии не уменьшается. И после этого Штернберг и его единомышленники говорят о преодолении перенаселения и даже о «недзнаселении» во второй половине XIX в.

Мы указали на Англию лишь потому, что ее особенно выдвигают ревизионисты, и потому еще, что по ней имеется наибольшее количество материалов. В других странах Западной Европы положение было вряд ли иным. Во Франции, якобы не страдавшей от перенаселения, процент безработных среди членов профсоюзов составлял в среднем за 1895—1899 г.—6,9, за 1899—1907 гг.—8,3 и за 1907—1913 гг.—6,4.

В странах иммиграции положение было вряд ли лучше. Относительно Северной Америки уже Маркс указывал на то, что «колоссальный и непрерывный поток людей, из года в год направляющийся в Америку, оставляет на востоке САСШ застойные осадки, так как волна эмиграции из Европы быстрее выбрасывает людей туда на рабочий рынок, чем другая волна успевает унести их на запад»¹⁸. Далее Маркс указывает на резкое ухудшение в положении североамериканских рабочих, произошедшее после гражданской войны. В последующие десятилетия положение несомненно продолжало ухудшаться. Не говоря уже о громадном очаге

¹⁵ Дж. Гобсон, Проблемы бедности и безработицы, Спб. 1910, с. 239.

¹⁶ М. И. Туган-Барановский, Периодические промышленные кризисы, Смоленск 1923, с. 429.

¹⁷ См. обзор в книге И. Гранат, Классы и массы Англии в их отношении к внешней торговле, М. 1927, с. 90—93.

¹⁸ «Капитал», т. I, с. 734. С этим указанием Маркса любопытно сопоставить мнение Р. Новицкого и др., полагающих, что иммиграция за редчайшими исключениями не ведет к перенаселению (С. х., 139).

перенаселения на негритянском Юге, и на Севере резервная армия белого пролетариата безудержно росла. Для предвоенного периода Вл. Войтинский определяет число безработных в САСШ «при нормальных условиях» в 1—1,5 млн., причем эти цифры непосредственно относятся лишь к той части пролетариата, которую охватывает синдикальная статистика, т. е. к рабочим и служащим промышленных и транспортных предприятий, и лишь в меньшей мере к остальным пролетарским элементам (в сельском хозяйстве, торговле и т. д.), которые всего сильнее страдают от сезонной безработицы¹⁹. По данным бюро цензов, использованным Кучинскими, средний процент безработных в промышленности САСШ составлял в 1909 г.—9,5 (по месяцам от 4,25 до 15,1 %) и в 1914 г.—8,8 (по месяцам от 6,2 до 14%)²⁰.

Про Австралию Маркс также указывал, что «бесстыдное расточение невозделанных колониальных земель, раздаваемых английским правительством аристократам и капиталистам..., в соединении с потоком людей, привлекаемых золотыми приисками, и с конкуренцией, которую ввоз английских товаров создает даже самому мелкому ремесленнику, все это породило особенно в Австралии достаточное «относительное перенаселение» рабочих», так что почти каждая почта приносит печальные вести о переполнении австралийского рабочего рынка... и проституция расцветает там местами так же пышно, как на Лондонском *Naumarket*»²¹. В последующие десятилетия положение в Австралии несомненно не улучшилось. В последние довоенные годы (1906—1913) среди членов австралийских тредьюнионов в среднем было 5,9% безработных—больше чем в Англии.

Мы привели лишь несколько иллюстраций. Число их легко может быть увеличено во много раз. Вопрос о положении пролетариата во второй половине XIX в. несомненно еще ждет марксистского исследователя, который, собрав весь имеющийся материал и критически его рассмотрев, даст законченную объективную картину и тем самым раз навсегда пересечет всякие попытки «модифицировать» Маркса в этом вопросе. Здесь нам важно лишь подчеркнуть, что ни Фр. Штернберг, ни его единомышленники не пытались проанализировать даже общеизвестный материал, непосредственно характеризующий динамику перенаселения. После этого чего стоят их безапелляционные утверждения об изживании перенаселения в Англии и в европейских странах во второй половине XIX в. и об отсутствии его во Франции и странах иммиграции чуть ли не до наших дней?

О ФАКТОРАХ, «МОДИФИЦИРУЮЩИХ» ЗАКОН

Исходным пунктом своих построений характеризуемые нами ревизионистские теоретики берут указание Маркса, что всеобщий закон капиталистического накопления «подобно всем другим законам в своем осуществлении модифицируется многосложными обстоятельствами». Эту фразу и Штернберг и Р. Новицкий с соавто-

¹⁹ Войтинский Вл., *Весь мир в цифрах*, кн. II, Берлин 1925, с. 356—357

²⁰ Кучинские Ю. и М., *Фабричный рабочий в американском хозяйстве* М.—Л. 1930, с. 48—49.

²¹ «Капитал», т. I, с. 734.

рами повторяют многократно и именно из этого утверждения они разворачивают свои теории. Однако модификации, о которых писал Маркс, ничего общего не имеют с утверждениями его «продолжателей» о том, что действие всеобщего закона парализовалось во всех развитых капиталистических странах в течение доброй половины их капиталистического бытия. Это достаточно ясно уже из вышесказанного. Но это станет еще яснее, когда мы проанализируем влияние тех факторов, которые по мнению ревизионистов парализуют действие всеобщего закона.

Заселение незанятых территорий несомненно является одним из основных «неблагоприятных условий», которые препятствуют созданию промышленной резервной армии, вместе с нею и абсолютной зависимости рабочего класса от класса капиталистов²². Но при каких условиях? Маркс этот вопрос специально разъяснил там, где он говорит о колониях: это может иметь место тогда, когда освоение земель производится самостоятельными до-капиталистическими фермерами, когда отряды резервной армии, привозимые из капиталистических стран, в колониях поглощаются не капиталистическим, а докапиталистическим производством, в котором рабочий является владельцем условий своего труда. Если бы этот процесс в новейшее время имел то широкое значение, которое приписывают ему ревизионисты, то это значило бы, что в широких размерах происходит рост докапиталистического производства за счет капиталистического.

В действительности дело обстоит иначе. Уже Маркс отметил, что капитализм в колониях развивается исполинскими шагами. Но по мере того как колонии из стран докапиталистического независимого фермерства превращались в страны преимущественно капиталистические, постольку вступал в силу всеобщий закон капиталистического накопления со всеми теми последствиями, о которых говорил Маркс. Уже когда писался «Капитал», притягивание населения незанятыми территориями в САСШ происходило в меньших размерах, чем приток иммигрантов. Таким образом в результате действия этих двух процессов действие всеобщего закона усиливалось, а не ослаблялось.

Некоторое представление о роли и соотношении этих процессов с середины XIX в. дает следующая таблица²³. Несмотря на далеко не точный характер этих данных, они все же позволяют утверждать, что отвлечение населения на незанятые земли захватывало лишь незначительную часть всего прироста населения, причем за исключением 70-х гг. этот процесс фермерской колонизации перекрывался притоком в САСШ иммигрантов. Цифры таким образом полностью подтверждают Маркса, но отнюдь не его «толкователей».

²² «Капитал», т. I, с. 604.

²³ Общий прирост населения и иммиграция по официальным данным (см. «Statistical Abstract of the U. S. A.»). Прирост фермерского населения исчислили мы, исходя из динамики числа ферм в тех районах (тихоокеанский, горный, юго- и северо-западные и северо-восточный центральный), где происходил прирост фермерской площади, и предполагая, что в среднем ферма имела 5 человек (согласно цензу 1920 г.). Наш подсчет дает несомненно преувеличенные представления о притоке фермерского населения на незанятые земли, так как фермерское население возрасало и там, где уже задолго до этого вся земля была освоена.

Показатели (в тыс. человек).	1850—1860	1860—1870	1870—1880	1880—1890	1890—1900	1900—1910	1910—1920
Общий прирост населения в САСШ	8 251	7 115	11 597	12 792	13 047	15 978	13 738
Прирост фермерского населения в зап. районах	2 095	2 030	3 935	2 005	3 475	1 870	560
Иммиграция	2 511	2 377	2 812	5 247	3 688	8 795	5 736

Может ли эмиграция вызвать длительное улучшение в положении рабочего класса в капиталистических странах? Новицкий и его соавторы (так же как Штернберг) думают, что может, и в подтверждение ссылаются на ряд высказываний Маркса. Но что говорит Маркс? Мы уже выше привели цитату из Маркса, относящуюся к Ирландии. Примерно то же, что и здесь, Маркс говорит во всех случаях.

Но Маркс не только доказывает, что эмиграция не может привести и никогда не приводила к изживанию перенаселения и длительному улучшению в положении пролетариата. Он идет дальше, указывая, что в тех случаях, когда эмиграция могла бы привести к сокращению резервной армии, необходимой капиталистам, последние всячески препятствуют выселению рабочих. Маркс приводит следующий пример: «Как известно, под влиянием гражданской войны в Америке и сопровождавшего ее хлопкового голода большинство рабочих хлопчатобумажного производства в Ланкашире и других местах были выброшены на улицу. Из недра самого рабочего класса и из других слоев общества раздался призыв организовать эмиграцию избыточных рабочих в английские колонии САСШ»²⁴. Но опасаясь, что при возобновлении производства может нехватить рабочих, «господа фабриканты старались всевозможными мерами, даже при содействии государственной власти, воспрепятствовать эмиграции фабричных рабочих»²⁵.

Если капиталистам не приходится часто прибегать к подобному рода рестрикционным мерам, то это лишь потому, что в обычных условиях им не приходится опасаться нежелательного им сокращения резервной армии в связи с эмиграцией.

Особенно много внимания уделяют ревизионисты и пользуются к колониям как фактору, уменьшающему перенаселение. Если, овладевая колониальным рынком, метрополия развивает свое производство, то в метрополии это не только не приводит к росту перенаселения, но наоборот ведет к поглощению части резервной армии. Так думают ревизионисты. Правда, Р. Новицкий и соавторы думают, что сокращение резервной армии метрополии перекрывается ростом перенаселения в колониях, а Фр. Штернберг и с этим не согласен, утверждая, что в отличие от метрополии в колониях (в частности в Индии) экспроприруемые ремесленники в первое время шли не в промышленную резервную армию, а на землю (II, 83).

²⁴ «Капитал», т. I, с. 539.

²⁵ Там же, с. 422.

Это разногласие означает лишь, что Штернберг является апологетом в квадрате, и что он не понимает того, что скрытое перенаселение есть лишь одна из форм перенаселения. Но апологетично и ошибочно также утверждение Р. Новицкого и др., ибо экспорт английских фабрикантов не только создавал острое перенаселение в Индии; но и в самой Англии он никакого влияния на действие всеобщего закона капиталистического накопления оказать не мог. Расширяется ли промышленность в связи с ростом внутреннего рынка или в связи с приобретением внешних рынков, — капиталистическое накопление от этого не меняется, равно как и все законы, характеризующие это накопление, не перестают действовать.

Штернберг чувствует это и выдвигает новый довод: ограбление колоний обеспечивало капиталистам такие барыши, что они соглашались на некоторое увеличение заработной платы и сокращение резервной армии, не отвечая на это рационализацией производства и повышением органического состава капитала (II, 88, 214 и др.). Но ни Штернберг, ни кто другой не пытались при помощи фактического материала доказать такую миролюбивую политику капиталистов. Факты же по любой капиталистической стране говорят против ревизионистов.

Возьмем основную отрасль английской промышленности, работающую на колониальные рынки, — текстильную (которую многократно в качестве примера приводят и Штернберг и Новицкий с соавторами). Развитие ее с середины XIX в. отражает следующая таблица ²⁶.

Показатели	1850—1852	1860—1861	1870—1872	1880—1882	1890—1892	1900—1902	1910—1912
Экспорт хл.-бум. тканей в млн. ярдов	1 477	2 670	3 407	4 970	4 970	5 242	6 528
Ввоз хлопка в млн. ф.	784	1 324	1 509	1 697	1 854	1 802	2 328
Число занятых лиц в текстил. промышл. в тыс.	1 672	1 502	1 446	1 337	1 391	1 302	1 428

Эти данные заставляют предполагать, что повышение органического состава капитала и связанный с ним рост производительности труда происходили непрерывно в английской текстильной промышленности ²⁷. Но этот рост органического состава (в полном соответствии с теорией Маркса) принимал особенно бурный характер как раз в те периоды, когда освоение внешних рынков форсировало расширение продукции. В эти периоды, несмотря на значительное расширение производства, число занятых рабочих абсолютно сокращалось ²⁸.

²⁶ Page W., Commerce and Industry, L. 1919, p. 3, 140—41, 150.

²⁷ Потребление хлопка отражает неточно рост производства, так как по мере перехода на более тонкие и дорогие сорта, из одного килограмма хлопка получают больше пряжи и ткани.

²⁸ Начало этого процесса сокращения занятого пролетариата в ряде отраслей английской промышленности отметил еще Маркс. См. «Капитал», т. I, с. 594, прим. 78.

Таким образом неизменный (или медленно развивающийся) органический состав капитала—это выдумка ревизионистов²⁹.

По Ленину основной предпосылкой империализма была высокая концентрация капитала, достигнутая в предшествующий период. Тот, кто считает, что во второй половине XIX в. приостановился или резко замедлился рост органического состава капитала, должен притти к какому-либо иному неленинскому пониманию империализма. У Фр. Штернберга так дело и обстоит.

Так же как ссылка на колонии, совершенно вздорно и указание на то, что «быстрое развитие производства средств производства, именно машин», уменьшало во второй половине XIX в. перенаселение. Это прежде всего также требует фактического подтверждения. А факты говорят, что в Англии быстрое развитие машиностроения в конце XIX в. перекрывалось резким замедлением в росте других отраслей (уголь, текстиль), так что в целом английская промышленность с 1870-х гг. чувствительно замедлила, но отнюдь не ускорила свое поступательное движение. В других промышленных странах вторая половина XIX в. также не принесла ускорения промышленного роста. Если взять развитие мировой железодельательной промышленности, то получим такую картину.

Мировая выплавка чугуна

Годы	1820.	1830	1840	1850	1860	1870	1880	1890	1900	1910
В тыс. тонн . .	1 026	1 610	2 723	4 492	7 295	12 100	18 584	27 870	41 160	66 187
Прирост в % . .	—	+ 57	+ 69	+ 65	+ 62	+ 66	+ 54	+ 50	+ 48	+ 61

Эти данные повидимому в основном правильно отражают темпы роста всей капиталистической промышленности. В течение первой половины XIX в. другие важнейшие отрасли—текстильная и каменноугольная в своем росте не только не отставали от железодельательной, но даже шли впереди. В последней четверти XIX в. и в XX в. текстильная, каменноугольная и ряд других старых отраслей резко замедлили свой рост, но зато ряд новых отраслей и прежде всего машиностроение развивались в это время быстрее, чем выплавка черного металла. В среднем рост выплавки чугуна повидимому соответствовал росту всей промышленности.

Таким образом «необычайное» ускорение промышленного развития во второй половине XIX в. в связи с ростом производства средств производства также является выдумкой ревизионистов. При этом любопытно, что ревизионисты даже не замечают того, что эта их выдумка находится в вопиющем противоречии с их же предыдущей выдумкой о замедлении роста органического состава капитала в этот же период. Такие противоречия неизбежны для всех, кто вместо объективного анализа фактов высасывает из пальца свои теории.

²⁹ Маркс в своем анализе рассматривает в качестве одного из мыслимых вариантов и такой случай, когда состав капитала не изменяется, а производство растет (см. первый раздел главы о всеобщем законе). Но Маркс отметил, что это могло иметь место лишь «в период детства капиталистического производства» что, с развитием капитализма «промежутки, на протяжении которых накопление действует как простое расширение производства на данном техническом базисе, все сокращаются» («Капитал», т. I, с. 593).

Но, предположим, что во второй половине XIX в. действительно ускорилось развитие капиталистической промышленности. По Марксу, «чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания..., тем больше промышленная резервная армия, тем обширнее упрочившаяся постоянная перенаселенность..., тем больше официальный пауперизм».

Поскольку ревизионисты доказывают, что ускорение промышленного развития во второй половине XIX в. (в связи с приобретением колониальных рынков и ростом тяжелой индустрии) улучшало положение рабочих, постольку можно утверждать, что, признавая всеобщий закон капиталистического накопления на словах, они на деле его отвергают.

Что это действительно так, видно и из того, что перенаселение ревизионисты объясняют не так, как Маркс. Маркс объяснял его основными особенностями капиталистического способа производства³⁰. Штернберг вместо этого строит свою теорию шести факторов перенаселения. Р. Новицкий и соавторы критикуют Штернберга. Но как? Вместо того, чтобы вскрыть эклектический характер его теории, соединяющей Маркса с Мальтусом, они доказывают, что почти все перечисленные Штернбергом факторы—естественный прирост населения, экспроприация мелких производителей—«были предусмотрены в самой формулировке закона Маркса»³¹.

Вряд ли надо доказывать, что объяснение относительного перенаселения при капитализме естественным приростом населения ничего общего не имеет с марксизмом. О том, что происходит с мелкими производителями при развитии капитализма, Маркс обстоятельнейшим образом изложил в разделе о первоначальном накоплении. Но Марксу важно было показать, что само капиталистическое производство в своем развитии создает относительное перенаселение. Это и формулировано во всеобщем законе. В разделе о всеобщем законе Маркс об экспроприации мелких производителей ничего не говорит и поступает совершенно правильно.

Иначе толкуют это ревизионисты: «Совершенно очевидно, что Маркс о вытеснении постоянным капиталом переменного говорит в распространительном смысле, подводит под вытеснение постоянным капиталом переменного всякое вытеснение технически более высокой (совершенной) формой производства технически

³⁰ Но отнюдь не только повышением органического состава капитала, как это думает Штернберг. Маркс например указывает в качестве одной из причин безработицы тот факт, что «абсолютный интерес каждого капиталиста заключается в том, чтобы выжать определенное количество труда из меньшего, а не из большего числа рабочих, хотя бы последнее стоило так же дешево, или даже дешевле» («Капитал», т. I, с. 592). Указываемое Марксом все большее вовлечение в производство женщин и подростков действует в том же направлении и т. д.

³¹ Таким же образом Р. Новицкий и соавторы «критикуют» и Бернштейна. По поводу главного аргумента, направленного последним против учения Маркса, ссылки на улучшение положения пролетариата во второй половине XIX в., Р. Новицкий и К^о пишут: «Этот факт, на который ссылаются ревизионисты, заслуживал серьезного внимания. Но он был уже очень хорошо известен Марксу, когда он писал I том «Капитала», и был принят им во внимание при формулировке всеобщего закона капиталистического накопления». (U.D.B., 47). Так стирается граница между Марксом и Вернштейном.

более низкой (несовершенной), причем в подавляющем большинстве случаев вытесняющей является капиталистическая форма производства, а вытесняемая может быть и капиталистической и докапиталистической» («С. х», 133). Помилуйте, товарищи! Можно как угодно «распространительно» толковать Маркса. Но нельзя приписывать ему явную безграмотность, говоря, что понятие «постоянный и переменный капитал» он распространяет и на докапиталистическое производство.

Свою главу о всеобщем законе Маркс начинает следующими абсолютно точными и ясными словами: «В этой главе мы рассматриваем то влияние, которое увеличение капитала оказывает на судьбу рабочего класса. Важнейший фактор этого исследования—состав капитала и те изменения, которые претерпевает он в ходе процесса накопления»³². Толковать расширительно марксов закон, говорить об изменении положения «рабочего класса и др. угнетенных классов», как это делают Новицкий и соавторы, это значит отойти от Маркса и строить свой собственный закон.

Честнее поступает Фр. Штернберг, когда он прямо говорит, что Маркс не упомянул в числе факторов перенаселения экспроприацию мелких производителей так же, как естественный прирост населения и ряд других моментов потому, что он анализировал не реальный, а «чистый капитализм». Но эта честность» Штернберга вместе с тем свидетельствует о том, что в методе Маркса, равно как и в его всеобщем законе капиталистического накопления, Штернберг абсолютно ничего не понял.

Отнюдь не случайным является то, что ревизионисты усиленно ищут причины перенаселения вне капитализма—в докапиталистическом хозяйстве, в естественном приросте населения и т. д. Это испытанный путь, по которому прошло много поколений вульгарных экономистов от Мальтуса до современных «марксистов» типа П. Маслоу. Объективный смысл писаний всех их заключался в отвлечении внимания от противоречий капиталистического строя, в замазывании этих противоречий. Такой же характер носят и теоретические изыскания Эд. Бернштейна и работы экономистов, разбираемые в данной статье.

Мы перебрали все основные факторы, которые якобы парализовали действие всеобщего закона. Мы видим теперь, что одни из них вообще не имели места, другие же, хотя и имели место, но не могли оказать длительного и значительного влияния на действие всеобщего закона. Маркс упоминал о некоторых из этих факторов, но именно для того, чтобы показать, что они не могут парализовать действие всеобщего закона, что «самый механизм капиталистического процесса производства устраняет те проходящие препятствия, которые он создает».

Например, как в главе о всеобщем законе, так и в разделе о ренте Маркс упоминает о повышении заработной платы земледельческих рабочих Англии в 1849—1859 гг. «вследствие стечения ряда мощных обстоятельств: эмиграция из Ирландии, прекратившая приток оттуда земледельческих рабочих, необычайное поглощение земледельческого населения фабричной промышленностью, спрос

³² «Капитал», т. I, с. 575 (разрядка наша—Л. З.).

на солдат для войны и др. причины»³³. Но при этом Маркс отмечает, что это повышение заработной платы было «фактически чисто номинальным»³⁴, и, главное, он исследует, что произошло вслед за повышением заработной платы. Фермеры, пишет Маркс, «искали выхода в понижении издержек производства, средством для чего служило между прочим широкое применение паровых локомотивов и новых машин, которые..., освобождая земледельческих рабочих, вызывали искусственное перенаселение, а потому и новое понижение заработной платы»³⁵. Совершенно ясно, что Маркс здесь показывает, как действует всеобщий закон, а не как он парализуется.

Маркс всюду доказывает, что относительное перенаселение является «необходимым продуктом» и в то же время «условием существования капиталистического способа производства». «Даже Мальтус,—замечает Маркс,—в перенаселении признает необходимость для современной промышленности». А по мнению «толкователей» Маркса основные капиталистические страны в течение длительного периода не только не страдали от перенаселения, но даже имели «недонаселение»³⁶.

Полный разрыв с Марксом и отказ от его методологических установок и в то же время полный отрыв от действительности, такова платформа «модификаторов».

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ЖИЗНЕННЫЙ УРОВЕНЬ ПРОЛЕТАРИАТА

Выше мы указали, что Штернберг и его соратники уклонились от анализа материала, непосредственно характеризующего динамику перенаселения. Единственный материал, на котором юни строят свои теории о длительном улучшении положения пролетариата в решающих капиталистических странах, это данные А. Боули, К. Тышки и др. о динамике реальной заработной платы в ряде стран³⁷.

Эти данные используются ими совершенно некритически, без учета того, что статистика заработной платы обычно отражает лишь положение лучше обеспеченных слоев пролетариата (подобно тому, как крестьянские бюджеты чаще всего показывают лишь состояние зажиточных крестьянских хозяйств), без рассмотрения того, насколько отражают реальное потребление рабочих те индексы, по которым номинальная заработная плата переводится в реальную. Буржуазная статистика заработной платы—это та область, где фальсификация является правилом, а добросовестно сработанный продукт—редким исключением.

•

³³ «Капитал», т. III, ч. 2, с. 139.

³⁴ Р. Новицкий и К⁰ скрыли от читателя эту оговорку Маркса.

³⁵ «Капитал», т. I, с. 597.

³⁶ Мы не можем отказать себе в удовольствии привести определение этого выдуманного ревизионистами понятия: «Недонаселением считаем превышение спроса на рабочие руки над предложением их на рынке труда, т. е. количество пролетариев, которых в стране нехватает для экономического рентабельного в изучаемый момент времени оплодотворения производства». («С. х.», 147).

³⁷ См. указанные работы Штернберга и статью Р. Новицкого и Н. Толоконского, Заокеанская эмиграция и влияние ее на условия существования пролетариата Европы в XIX и XX вв. («Статистическое обозрение», 1929, № 10), на которую ссылаются они сами.

В задачу данной статьи не входит специальное исследование вопроса о динамике реальной заработной платы мирового пролетариата. Мы должны лишь указать, что даже буржуазные статистики и экономисты далеко не всегда приходят к тем розовым выводам, которые вытекают из подсчетов Боули и Тышки и на которых ревизионисты основывают свои теории.

Ленин, как указывалось выше, ссылаясь на подсчеты буржуазных ученых, по которым реальная заработная плата в Германии за последние два десятилетия XIX в. и за первое десятилетие XX в. значительно снизилась.

Каутский в одной из своих работ ссылаясь на подсчеты рабочего бюро в Вашингтоне, по которым реальная заработная плата промышленных рабочих в САСШ в течение 1890—1907 гг. не выявила тенденции к росту³⁸. По данным, разработанным Кучинскими, реальная заработная плата американских рабочих за пятнадцатилетие 1899—1914 гг. снизилась на 10%³⁹.

Но правильно ли вообще судить о действии всеобщего закона капиталистического накопления по динамике средней реальной заработной платы? Случайно ли, что Маркс в своей формулировке всеобщего закона капиталистического накопления говорит лишь о «возрастании промышленной резервной армии, упрочившегося постоянного перенаселения, пауперизма», далее он говорит о «накоплении нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации». В проекте партийной программы, составленном Лениным в 1902 г., также идет речь о «росте безработицы, нищеты, гнета и принижения», но нет указаний на снижение заработной платы. Так же составлена программа Коминтерна.

Таким образом и Маркс и его последователи не отождествляли положение рабочего с уровнем заработной платы. У Маркса имеются и прямые указания на этот счет. Формулируя всеобщий закон, Маркс тут же указал: «По мере того как капитал накапливается, положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была высока или низка его оплата»⁴⁰. В «Критике Готской программы», где Маркс разъясняет отличие своей теории от «железного закона» Лассалля, он снова подчеркнул: «Система наемного труда есть система рабства, притом тем более сурового, чем более развиваются общественные производительные силы труда, все равно получают ли рабочие лучшее или худшее вознаграждение»⁴¹.

Отождествление жизненного уровня пролетариата с его реальной заработной платой (ошибка, повторенная т. Варга на X пленуме ИККИ и затем им самим признанная) неверно вследствие целого ряда обстоятельств.

Во-первых, динамика заработной платы различных слоев пролетариата не однородна. Средний уровень заработной платы может повышаться за счет роста заработка высокооплачиваемой верхушки при стабильности или даже снижении заработной платы большинства пролетариата. Как указал Энгельс (см. выше), это примерно имело место в Англии во второй половине XIX в.

³⁸ Каутский К., *Путь к власти*, Б.—М. 1923, с. 74—75.

³⁹ Кучинские Ю. и М., *Цит. соч.*

⁴⁰ «Капитал», т. I, М. 1909, с. 609 (разрядка наша—Л. З.).

⁴¹ Маркс, *Замечания на программу германской рабочей партии*, М.—П. 1923, с. 64.

Во-вторых, как неоднократно подчеркивал Маркс, рост заработной платы может происходить одновременно с стабильностью или с падением «цены труда». Параллельно с возрастанием заработной платы может происходить такое же или даже большее увеличение количества труда, выжимаемого из рабочего.

Колоссальное увеличение интенсивности труда во второй половине XIX в.—факт, вряд ли подлежащий сомнению. Наиболее показательным его результатом было укорочение трудоспособного возраста, а затем и жизни рабочего. Мы приведем лишь одну иллюстрацию этого процесса—данные профессиональных переписей в Германии ⁴².

Структура мужского населения Германии (в тыс.)

Возраст	Все население			В том числе имеющие самост. занят.			В том числе занятые в промышл.		
	1882	1895	1907	1882	1895	1907	1882	1895	1907
От 20 до 40 лет .	6 382	7 546	9 342	6 185	7 284	9 063	2 638	3 354	4 753
» 40 » 60 » .	3 997	4 479	5 345	3 822	4 244	5 014	1 354	1 678	2 242
Более 60 лет . .	1 698	1 823	2 106	1 173	1 236	1 268	325	354	406
То же в % к I группе (от 20 до 40 лет).									
От 20 до 40 лет .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
» 40 » 60 » .	62,7	59,3	57,2	61,6	58,1	55,4	51,3	50,0	47,2
Более 60 лет . .	26,6	23,6	22,5	18,9	16,9	14,0	12,3	10,6	8,5

Эти данные наглядно показывают, как происходит выбрасывание стариков из производства (прежде всего из промышленности) и как одновременно происходит их «вымирание». Когда из рабочего в течение 20 лет выжимается столько рабочей силы, сколько прежде он отдавал в течение 40 лет, то естественно заработная плата должна несколько повыситься. Штернберг, очевидно, думает, что рост заработной платы перекрывал этот усиленный износ рабочей силы. Но на чем основаны эти его предположения?

В-третьих, рост безработицы и пауперизма не только влияет на величину заработной платы, но и при неизменной заработной плате понижает жизненный уровень работающих, так как на них ложится в основном содержание лиц, не имеющих заработка ⁴³.

В-четвертых, и это особенно важно, при суждении об изменении уровня жизни особенно за длительный период необходимо сопоставлять динамику заработной платы с динамикой стоимости рабочей силы, с изменением состава

⁴² См. «Statistik des Deutschen Reiches». Bd. 211.

⁴³ Фр. Штернберг, игнорируя данные о движении безработицы в Англии и результаты специальных исследований пауперизма, упомянутых нами на с. 74, в качестве доказательства своей теории об улучшении положения английского пролетариата ссылается на уменьшение числа пауперов, официально зарегистрированных и получающих пособие. Между тем уже Маркс отметил, что «эффи-

и уровня потребностей, удовлетворение которых необходимо для нормального воспроизводства рабочей силы.

Предположим, что за изучаемый период изменилась требуемая от рабочих квалификация, а следовательно и требуемые для обучения издержки. Если при этом заработная плата (реальная) осталась прежней или даже возросла, но не настолько, чтобы компенсировать издержки обучения, то это означает, что для удовлетворения всех остальных потребностей рабочий теперь имеет меньше, чем имел раньше. Это значит, что рабочий беднеет, хотя заработная плата его растет. К аналогичным явлениям приводит не только появление или рост издержек обучения, но и появление и рост любых потребностей, удовлетворение, которых становится необходимым для воспроизводства рабочей силы нормального в данных условиях качества. В частности повышение стоимости рабочей силы неизбежно при повышении интенсивности труда.

Понижение реальной заработной платы всегда означает снижение жизненного уровня рабочих. Но о повышении их жизненного уровня можно говорить только в том случае, если рост заработной платы соответствует изменению стоимости рабочей силы или перекрывает его⁴⁴. Если же напр. у рабочих стало потребностью чтение газет, и если при этом их заработная плата возросла, но не настолько, чтобы покрыть полностью новый расход, то рабочие принуждены будут для того, чтобы иметь возможность читать газету, ухудшить питание или жилищные условия и т. п. Ясно, что в таком случае мы будем иметь снижение жизненного уровня, а абсолютное ухудшение положения рабочих, а не улучшение.

Если изучать динамику заработной платы берлинских рабочих за последние две трети XIX в., то какие бы данные ни взять и по каким бы индексам ни переводить, вероятнее всего мы получим повышение реальной заработной платы. Но в то же время «в 1836 г. на голову берлинского населения падало 105 фунтов мясного потребления, в 1852 г.—уже 91 ф., в 1855—73 ф. По новейшим данным, мясное потребление на голову населения Берлина составляло в 1894 г. 75 ф., в 1900—81 ф. и в 1903—75,5 ф.»⁴⁵. В то же время «картофельное потребление росло все время беспрерывно с 70-х годов (с какового периода имеются данные—Л. З.) и особенно было велико в последнее десятилетие (до 1903 г.), когда рост мясного питания приостановился». Какие бы при-

циальная статистика становится все более обманчивым показателем действительных размеров пауперизма». («Капитал», т. I, с. 617). Шгернбергу невдомек, что при фактическом увеличении пауперизма уменьшение числа бедняков, получающих пособие, означает лишь ухудшение положения пролетариата, так как содержание не имеющих средств существования в большей мере перекладывается на имеющих в данный момент работу.

⁴⁴ Мы стигаем нужным подчеркнуть, что следует говорить об изменении стоимости рабочей силы, а не увеличении ее, так как, несмотря на появление новых потребностей у рабочих, стоимость товаров, потребляемых ими, может понизиться благодаря техническому прогрессу. В связи с этим даже при таком повышении заработной платы, которое перекрывает изменение стоимости рабочей силы и таким образом повышает жизненный уровень рабочих, может иметь место снижение стоимости рабочей силы.

⁴⁵ Эти и последующие данные о положении берлинского пролетариата взяты из книги С. Солнцева «Рабочие бюджеты в связи с теорией объединения» М., Гиз, 1923.

входящие обстоятельства здесь ни сказывались, несомненно одно: ни о каком улучшении питания берлинского пролетариата, отражающем повышение его жизненного уровня, говорить не приходится. Тем более, что, во-первых, как это видно из выше приведенных средних данных, положение основных масс берлинского пролетариата было, несомненно, еще хуже ⁴⁶, во-вторых, интенсивность труда берлинских рабочих за рассматриваемый период сильно возрасла, в связи с чем для нормального воспроизводства рабочей силы было необходимо улучшение питания.

Аналогичны данные и о жилищных условиях берлинского пролетариата. Число «ночлежников-коечников», имеющих право только переночевать в своем углу, в переполненной другими такими же комнате, составляло (в тыс. и в % ко всему населению):

1867	1875	1880	1895	1890	1895	1900
42,5	78,7	59,1	84,7	95,4	79,4	93,8
6	8,1	5,3	7,5	6	4,9	5,2

Где здесь, гг. ревизионисты, улучшение положения пролетариата во второй половине XIX в.? Этого улучшения не было.

Неправильно отождествляя жизненный уровень рабочего класса только с уровнем реальной заработной платы, ревизионисты вместе с тем не понимают характера связи между заработной платой и безработицей. Они исходят из указания Маркса, что «в общем и целом широкие колебания заработной платы регулируются исключительно расширением и сокращением промышленной резервной армии, соответствующим смене периодов промышленного цикла». Это указание Маркса, многократно цитируемое и Штернбергом, и Новицким с соавторами, как ясно из подчеркнутых нами слов, имеет в виду лишь колебания заработной платы, связанные с промышленным циклом, а отнюдь не движение заработной платы вообще. Законы, регулирующие последнее, выяснены Марксом обстоятельнейшим образом в разделах, посвященных заработной плате и абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Р. Новицкий и др. толкуют «распространительно» приведенные выше указания Маркса, утверждая, что «Маркс стоял на точке спроса и предложения труда» и что в этом отношении он «исходит из общеизвестного в экономической науке положения», установленного еще экономистами XVII в. и разделяемого «наукой второй половины XIX в.» («УДВ», 48—49). Штернберг так открыто не рвет с теорией заработной платы Маркса, но по существу и он исходит из того, что все движение заработной платы определяется исключительно величиной промышленной резервной армии.

Излишне доказывать, что это не так. На стоимость рабочей силы могут оказывать влияние многочисленные факторы, совершенно не зависящие от величины перенаселения. И уже это может приводить к изменениям заработной платы. Поэтому при изучении длительных периодов нельзя ставить знак равенства между динамикой безработицы и изменением уровня заработной платы.

⁴⁶ Сколь велико было различие в положении отдельных слоев пролетариата, видно хотя бы из того, что в 1903 г. семья берлинского рабочего, получающего 1—1,5 тыс. марок в год, тратила на мясо 21—23 м. в год, а семья с годовым доходом в 2 600—2 700 м. расходовала на мясо в месяц 51,9 м.

Характер связи между величиной относительного перенаселения, уровнем заработной платы и жизненным уровнем пролетариата не так прост, как это думают ревизионисты. Если бы они постарались разобраться в этом вопросе и объективно разобрали фактический материал, они убедились бы, что марксов закон вполне верен, что он не требует никакого «распространительного» толкования, и что он полностью подтверждается фактами. Они убедились бы, что в точном соответствии с марксово́й теорией во всех капиталистических странах в течение всей их капиталистической истории имело место расширенное воспроизводство промышленной резервной армии, упрочившегося относительного перенаселения и пауперизма. А вместе с тем и жизненный уровень основных масс пролетариата имел тенденцию к абсолютному снижению, хотя средняя реальная заработная плата в связи с повышением оплаты рабочей аристократии, с ростом интенсивности труда и изменением стоимости рабочей силы в отдельные периоды могла обнаруживать некоторый рост.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕВИЗИИ ВСЕОБЩЕГО ЗАКОНА

У некоторых может возникнуть вопрос: так ли важно, что Штернберг и иже с ним имеют неправильное представление о положении пролетариата во второй половине XIX в. Ведь относительно настоящего времени они правильно считают, что происходит абсолютное ухудшение в положении рабочего класса. Стоит ли при этом дискуссировать по «историческим вопросам»?

Такая постановка вопроса в корне неправильна. Во-первых, мы показали выше, что неверное представление о прошлом связано с в корне ошибочными теоретическими установками, а последние неизбежно приводят к неправильной оценке и современных явлений.

Приведенные выше цитаты показывают, что и современное положение пролетариата ревизионисты оценивают неправильно. Прикрашивая положение рабочего класса в прошлом, они неизбежно приходят и к прикрашиванию его современного положения (см. вышеприведенные цитаты о незначительном перенаселении в странах иммиграции в настоящее время и достаточно мягкие характеристики положения в др. странах). Апологетический характер ревизионистских теорий здесь вырисовывается во весь рост.

Но дело не только в тех выводах, которые Штернберг и другие сами делают из своих теорий. Объективно их утверждения о том, что освоение незанятых территорий, эмиграция, захват колоний и т. д. могут парализовать действие всеобщего закона и привести к длительному улучшению положения рабочего класса при капитализме, подводят теоретическую базу под оппортунистическую политику, политику отвлечения пролетариата от борьбы за уничтожение капиталистического строя.

Основная задача оппортунистических теоретиков и практиков всегда заключалась в том, чтобы доказать пролетариату возможность существенного улучшения его положения при капитализме. Фр. Штернберг и Р. Новицкий с соавторами доказывают то же применительно к прошлой истории капитализма. Они заявляют, что в настоящее время положение изменилось, что в современных условиях нет предпосылок для серьезного улучшения в положении

рабочих. Но прежде всего эти их заявления имеют какой-то половинчатый характер.

Р. Новицкий и К^о сами считают, что их исследование сложнейшего всеобщего закона в прошлом важно потому, что оно позволяет судить о том, «в какой степени вероятны дальнейшие задержки в проявлении закона капиталистического накопления («UDB», 39). Уже из этих слов видно, что авторы стоят на позиции, далеко не совпадающей с установками марксистов-ленинцев.

Маркс ставил перед собой задачу: доказать, что развитие капитализма неизбежно приводит к обнищанию пролетариата. Одним из основных положений, из которых исходят в своей работе компартии, является признание того факта, что в эпоху империализма и особенно в период всеобщего кризиса капитализма обнищание пролетариата происходит ускоренным темпом.

Ревизионисты выступили против Маркса в XIX в. Они уже тогда старались доказать, что обнищания пролетариата не происходит, что его положение улучшается, что марксов закон или неверен, или парализуется, «модифицируется». Ревизионисты нашего времени, исходя из этих же установок их предшественников, интересуются тем, в какой мере возможно парализование марксова закона в настоящее время.

Уже сама по себе постановка этого вопроса насквозь оппортунистична. Наши ревизионисты так же, как и наиболее реакционные адвокаты буржуазии, внушают рабочим, что источником их бедствий является не капитализм как таковой, а тот факт, что эмиграция, колонизация пустыющих земель и т. д. теперь не могут получить широкое распространение и тем самым парализовать действие всеобщего закона. Эти рассуждения приводят к реакционнейшим утопическим идеям, к поискам выхода в форсировании эмиграции и т. д. И если даже рабочие поверят нашим горе-теоретикам в том, что в современных условиях эмиграция, заселение пустыющих земель и т. д. не могут «парализовать» действие всеобщего закона, то и это ничего по существу не изменяет. Если во второй половине XIX в. эти моменты преодолели сформулированный Марксом закон, то теперь он может быть парализован какими-либо другими факторами.

Сознают это Фр. Штернберг и Р. Новицкий с соавторами или нет, но объективно именно эти выводы вытекают из их писаний, именно к этому неизбежно приводит их отказ от методологических установок Маркса и от объективных исследований фактического материала.

Е. ГРОМОВ

ОБ ИСТОЧНИКЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЫ ¹

I

Сфера капиталистического земледелия одна из наиболее сложных отраслей общественного хозяйства, где экономические категории, т. е. явления социально-исторического порядка, принимают видимость естественных категорий. Правда, поверхностный наблюдатель, человек, руководством которому служит «трезвый человеческий рассудок» и в сфере индустрии плавает на поверхности явлений; для него, как говорит Маркс, нет ничего таинственного в противоречивости и иррациональности тех «форм, в которых выступают и резюмируются для практических потребностей определенные экономические отношения»; он нисколько не спотыкается о них, так как настолько сжился с ними, что принимает их как закон.

Но тем больше оснований встать на ложный путь там, где общественные отношения проделывают головокружительные *salto mortale* и выступают на поверхности общественной жизни в причудливых формах, распознать за которыми положительное зерно истины удастся лишь посредством научной абстракции.

Самая иррациональная формула капиталистических отношений—это «земля—земельная рента» (Маркс впрочем считает, что самой иррациональной формулой капитала есть формула—«капитал—процент», и это постольку верно, поскольку Маркс имел в виду выведение основной формулы капиталистического производства, т. е. того, что *ipso* оправдывает самый капитализм—прибавочную стоимость. Но с точки зрения отношения друг к другу таких категорий капиталистического хозяйства, как «капитал—процент», «труд—заработная плата», «земля—земельная рента»—последняя формула является самой нелепой, самой иррациональной формой выражения общественных отношений, но «здравый рассудок» нисколько не спотыкается об этот неестественный вид связи, в котором земля стоит как источник стоимости и прибавочной стоимости. Мы в дальнейшем покажем, что и такой плодовитый экономист, как Любимов, тоже не освободился от оков здравого смысла, заставляя землю, вопреки «естеству», родить не большее или меньшее количество пшеницы, а большую или меньшую стоимость.

Как бы там ни было, а раз критический анализ экономических явлений заменяется доктринерским истолкованием в духе здравого смысла, ни о какой науке не может быть и речи. Последняя

¹ В дискуссионном порядке.

предполагает вскрытие сущности явлений; за явлением вещи она ищет сущности вещи, хотя последняя может находить себя в явлении лишь наподобие отражения в кривом зеркале. «Здравый смысл» наоборот принимает видимость за действительность, поверхностное впечатление за закон. Для здравого смысла нет науки для него явления и сущность тождественны, а раз «формы проявления и сущность вещей непосредственно совпадают, то всякая наука излишня» (Маркс).

Дифференциальная рента есть специфическая категория капиталистического хозяйства. Ее базис—неодинаковость естественного плодородия различных участков земли, вошедших в сферу капиталистического земледелия. Маркс различает три вида дифференциальной ренты:

а) Первая форма дифференциальной ренты, которая «происходит из различия в естественном плодородии почвы, данного для каждой данной ступени развития культуры, следовательно из ограниченности размера лучших земель, из того обстоятельства, что одинаковые капиталы приходится затрачивать на обработку неодинаковых земель, которые, следовательно, при затрате одинаковых капиталов дают неодинаковое количество продуктов»².

б) Вторая форма дифференциальной ренты происходит из различия производительности последующих вложений капитала в лучшую (или даже худшую) почву на одинаковых по размерам участков земли.

в) Третьей формой дифференциальной ренты является рента, получаемая вследствие различного расположения, различного расстояния, в которых находятся те или другие участки земли от рынка сбыта.

Для цели нашего исследования важна первая форма дифференциальной ренты, как основная и потому наиболее общая категория капиталистического земледелия. Тот факт, что наряду с первой формой ренты существует и вторая, повидимому отличная от первой формы, еще ничего не говорит за необходимость особого исследования тех законов и тех условий, которые лежат в основе ее образования.

Вторая форма дифференциальной ренты «является лишь другим выражением дифференциальной первой формы ренты, а по существу совпадает с нею» (Маркс).

И первая и вторая формы дифференциальной ренты постольку совпадают, поскольку способы их образования (базис, и общие законы капиталистической конкуренции одинаковы для них обеих: лишь порядок, в котором располагаются капиталы при образовании первой и второй формы дифференциальной ренты, различен. Но это уже имеет значение лишь тогда, когда мы переходим к выяснению того влияния, которое оказывает каждая из данных форм ренты на движение (рост или падение) общей суммы или нормы ренты в земледелии.

Для большей ясности приведем одну цитату, где Маркс с достаточной полнотой и четкостью устанавливает соотношение этих двух форм ренты. Маркс пишет:

«Основой и исходным пунктом этой формы ренты (второй формы—Е. Г.) не только исторически, но и поскольку дело идет

² «Капитал», т. III, ч. 2, с. 198.

юб ее движении во всякий данный момент, является дифференциальная рента I, т. е. одновременное возделывание расположенных последовательно в пространстве земельных участков, различных как по своему плодородию, так и по положению, т. е. одновременное, последовательное в пространстве применение различных составных частей всего земледельческого капитала на землях различного качества»³.

Мы в одинаковой степени можем представить как несколько участков земли различного плодородия, где капиталы равной величины, одинакового органического состава, при равной норме эксплуатации рабочей силы, реализуют неодинаковое количество прибавочной стоимости, так и один участок земли среднего или лучшего плодородия, где такие же капиталы, при тех же прочих условиях, но вложенные последовательно друг за другом, тоже приносят различное количество прибавочной стоимости.

Пусть находятся в обработке три сорта земли—А, В, С, причем земля А—наихудшая земля, не приносящая ренты, земля В—среднего плодородия, а С—наилучшего. Пусть также, для простоты, каждая из последующих земель плодородней предыдущих: В в отношении А на 100%, а С в сравнении с В на 50%, тогда, если иметь в виду вложение равных капиталов, равную норму эксплуатации и норму прибыли=20%, дело представится следующим образом:

Сорт земли	Колич. продукт. (в единицах)	Рыночная цена (в р. б.)	Сумма вложен. капит. (в р. б.)	Прибыль		Рента	
				В единицах прод.	В деньг. (руб.)	В единицах прод.	В деньг. (руб.)
А	10	100	80	2	20	—	—
В	20	200	80	12	120	10	100
С	30	300	80	22	220	20	200

В этом примере равновеликие капиталы затрачены в различные по естественному плодородию участки земли, так сказать в горизонтальном порядке. Цена производства (издержки+средняя прибыль) единицы продукта на самой худшей земле, являясь регулирующей рыночной ценой (мы пока не будем заниматься анализом причин того, что делает цену производства на худшей земле регулирующей рыночной ценой), определяет собой высоту земельной ренты для более плодородных участков, что в соответствии с нашим примером будет означать для В=100 руб. ренты и для С=200 руб. ренты.

Но, по существу говоря, ничего не изменится, если эти три капитала по 80 р. будут вложены только в один участок, напр.—С. Если предположить, что кроме этого участка земель, занятых под обработку, нет и что каждое последующее вложение дает уменьшение производительности соответственно той градации плодородия, которая указана в нашем примере, то способ образования земельной ренты происходил бы так, как если бы порядок

³ «Капитал», т. III, ч. 2, с. 255.

поступления земельных участков в обработку шел не по восходящей линии (от худших к лучшим землям), а по нисходящей (переход от лучших к худшим).

В данном случае конкретно дело совершалось бы таким образом: вложение I дало бы 30 ед. продуктов по цене производства $=3\frac{1}{3}$, общая цена производства всего продукта $=100$ р. ($80+20$, рента $=0$); вложение II дало бы 20 ед. продуктов по цене производства единицы $=5$, общая цена всего продукта $=100$, рента $=0$, но для первого вложения, вследствие повышения цены производства на единицу продукта с $3\frac{1}{3}$ до 5, образовалась бы рента, равная 50.

Теперь, если в результате усилившегося спроса на продукты земледелия образуется возможность реализации той цены производства, которое дает последнее наименее производительное вложение, а именно цену производства на единицу $=10$, тогда создастся рента и во втором вложении; вложение III дает 10 единиц продуктов по цене производства $=10$ р., общая цена всего продукта $=100$ р., рента $=0$, но для II создастся уже рента, равная 100, а для первого рента поднялась с 50 р. до 200 р.

Порядок, в котором располагаются капиталы в земледелии, ничего не изменяет в сущности дифференциальной ренты. Как в первом, так и во втором случае, рента происходит из различной производительности одинаковых по размерам вложений, из того обстоятельства, что единица товара, в котором овеществились меньшие издержки производства и меньшая сумма прибавочной стоимости, реализует на рынке более высокую цену производства, которая соответствует капиталу, вложенному в участок с меньшей производительностью. Следовательно рента, если иметь в виду ее общую сумму и в первом и во втором случае, есть только часть добавочной стоимости, остающейся за вычетом средней прибыли на авансированный капитал. Эту часть добавочной стоимости улавливает собственник земли, социальная функция которого в капиталистическом обществе в том и состоит, что он как птица не сеет и не жнет, но захватывает себе львиную долю общественной прибавочной стоимости.

Третья форма дифференциальной ренты — рента расположения — также по существу не отличается от первых двух. Дальность или близость расположения того или иного участка земли от рынка сбыта имеет значение «для последовательности, в которой могут поступать под обработку земельные участки один за другим» (Маркс), и кроме того, для развития и роста самой ренты, в процессе которых рента плодородия и рента расположения могут влиять друг на друга в противоположных направлениях. Но это уже специфические следствия этой формы ренты, но никак не ее сущность. Последняя, также будучи фиксированным излишком рыночной цены над ценой производства, по существу совпадает с той формой ренты, которая обрисована нами под рубрикой I и II.

II

Если отвлечься от тех конкретных особенностей земледелия, т. е. того, что превращает излишек прибавочной стои-

мости над средней прибылью в ренту, а именно—от частной собственности на землю⁴, останется задача исследовать законы образования добавочной прибыли в земледелии, т. е. те общие законы капиталистического земледелия, которые порождают добавочную прибыль, фиксируют ее (т. е. делают постоянной) категорией капиталистического сельского хозяйства), а фиксируя, готовят для отчуждения ее в форме ренты в руки владельцев земли.

Однако с точки зрения всего общественного процесса производства это исследование усложняется тем, что распределение прибавочной стоимости, которое происходит в пропорциях, соответствующих величине авансированных капиталов (средняя норма прибыли), предполагается данным наперед. Ибо вообще было бы очень странным говорить о дифференциальной ренте, как излишке над средней прибылью, если последняя еще не существует и не выступает в качестве регулятивного фактора в капиталистическом хозяйстве.

Маркс прямо говорит, что «для того, чтобы вообще можно было говорить об избытке над средней прибылью, необходимо, чтобы вообще сложилась сама эта средняя прибыль в качестве масштаба и—как при капиталистическом способе производства—в качестве регулятора производства. Следовательно при таких общественных формах, где еще нет капитала, который выполняет ту функцию, что вынуждает весь прибавочный продукт и присваивает в первую очередь себе всю прибавочную стоимость, следовательно где капитал еще не подчинил себе общественного труда или подчинил его лишь местами, вообще не может быть речи о ренте в современном значении слова, о ренте как излишке

⁴ Ведь методологически будет неправильным предположение, ставящее всякую добавочную прибыль, даже фиксированную, в разряд ренты. Земельная рента в собственном смысле слова есть часть общественной прибавочной стоимости, которую захватывает собственник земли. И если допустить, что частная собственность на землю при сохранении капиталистического способа производства исчезла, то не было бы и ренты, как формы производственных отношений между классом капиталистов и землевладельцев. Отсюда бы ее субстанция—добавочная прибыль, которая в виде добавочной прибыли или налога могла быть присвоена или самим капиталистом или государством. В последнем случае то, что обзывает субстанцию, ренты выступало бы в другой, гл. об. отличной от ренты форме, отражая собой совершенно иной вид общественных производственных отношений.

Можно только удивляться глубокомыслию тех, к сожалению, многочисленных экономистов, которые, не вникая в смысл сказанных Марксом и Лениным слов, повторяют, что дифференциальная рента как рента не уничтожима при капиталистическом способе производства. Они забывают, что как стоимость в мистифицированной и фетишизированной форме выражает общественное отношение между агентами простого товарного хозяйства, так и рента есть лишь форма общественных отношений между двумя классами капиталистического хозяйства. Исчезновение одного из этих классов (землевладельцев) знаменует собой и уничтожение той формы, в которой проявлялась и реализовывалась в практической жизни их общественная функция. Впрочем это смещение субстанции и формы ренты и вытекающая отсюда путаница понятий более простительны, нежели фантастический бред т. Берзтыса насчет дифференциальной и абсолютной ренты в СССР. У первых рента имеет все же определенные исторические рамки, она ограничена у них историческим типом общественного хозяйства—капитализмом, у т. Берзтыса рента продлевается утомительное путешествие и, если не ошибаюсь, остается здравствовать даже при социализме.

над средней прибылью, т. е. над пропорциональной долей всякого индивидуального капитала в прибавочной стоимости, произведенной всем общественным капиталом»⁵.

Средняя форма прибыли в земледелии конституируется не независимо то нормы прибыли в промышленности, а под непосредственным влиянием последней. Не земледельческая прибыль определяет промышленную, а наоборот. Это в значительной степени объясняется тем, что массы капитала в сфере индустрии применяются в относительно больших размерах, т. е. доля всей массы общественного капитала, падающего на промышленность, гораздо больше, чем доля, падающая на капиталистическое земледелие⁶.

Когда владелец еще незанятого капитала намеревается авансировать последний в земледелие, он снимет в аренду только такой участок земли, который гарантирует ему получение средней нормы прибыли, т. е. той суммы дохода, которую он сможет получить на каждую сотню рублей в промышленности. Если же участок не гарантирует ему получения средней нормы прибыли, он сможет вложить свой капитал туда, где эта норма будет гарантирована ему. Способы мобилизации капитала, привлечения его в сферу индустрии настолько эластичны и гибки, что даже владелец небольшого по размерам капитала, недостаточного для основания собственного предприятия, не будет иметь недостатка в объектах для его приложения.

Обстоятельство, усложняющее анализ источников дифференциальной ренты, а именно: предварительное уравнение прибавочной стоимости пропорционально величинам авансированных капиталов, и есть та главная трудность, которая стоит на пути того, кто собирается исследовать источники этой формы ренты.

«Трудность заключается в том, чтобы показать, откуда после того, как прибавочная стоимость уравнилась между различными капиталами в среднюю прибыль, в соответствующую их относительным величинам пропорциональную долю всей прибавочной стоимости, произведенной всем общественным капиталом во всех сферах производства,—откуда после этого уравнения, после уже совершившегося распределения, повидимому, всей прибавочной стоимости, которая вообще может быть распределена, откуда же берется еще та избыточная часть этой прибавочной стоимости, которую капитал, вложенный в землю, уплачивает в форме земельной ренты земельному собственнику»⁷.

Специфическая особенность дифференциальной ренты в отличие от абсолютной та, что образование ее происходит независимо от частной собственности на землю, тогда как абсолютная рента создается как бы самим землевладением.

Процесс образования излишка цены над ценой производства,

⁵ «Капитал», т. III, ч. 2, с. 319.

⁶ Уже Родбертус понимал, что норма прибыли в промышленности определяет норму прибыли в земледелии: «получаемая в промышленных производствах норма прибыли будет определять ее и рму и в сельском хозяйстве еще и потому, что в промышленности «исход к имуществу» может высчитываться только на капитал и ни на что другое, и кроме того в промышленности прилагается гораздо большая часть национального капитала, чем в сельском хозяйстве». (3-е письмо к Фон-Киркману, рус. пер. «Гос. соц. Лассаль и Родбертус», с. 196.)

⁷ «Капитал», т. III, ч. 2, с. 318.

заклученной в продукте земледельческого капитала, совершается исключительно в силу законов капиталистической конкуренции, т. е. благодаря тому способу реализации стоимости товара, который свойственен капиталистическому хозяйству. Это собственно и нужно исследовать, поскольку само конституирование дифференциальной ренты происходит как бы в сфере реализации.

«Главное в вопросе о ренте то, что она родится благодаря равенству цен, уплачиваемых за результаты различных издержек производства, и что этот закон рыночной цены есть не-что иное, как закон буржуазной конкуренции»⁸.

При абсолютной ренте, в самой реализации товара уже антиципирован, момент распределения, антиципирован тем обстоятельством, что монополия частной собственности на землю заранее устанавливает свою долю прибавочной стоимости. Она в данном случае принимает активное участие в образовании излишка части стоимости над общественной ценой производства продуктов земледельческого капитала. Низкий органический состав последнего составляет как раз ту основную предпосылку, благодаря которой и только делается возможной абсолютная рента. Земельная собственность выполняет здесь активную роль в том смысле, что отвлекает земледельческий капитал от общего процесса уравнивания прибылей и тем самым вынуждает земледельческих капиталистов (арендаторов) реализовать товар.

Дифференциальная рента меньше всего может быть выведена из частной собственности на землю. Насколько верно, что при абсолютной ренте причиной, порождающей ее, является земельная собственность, настолько неверно такое предположение для дифференциальной ренты. Последняя только потому и постольку имеет связь с земельной собственностью, что она является рентой, то есть той своеобразной формой дохода, который получает класс землевладельцев.

Дифференциальная рента, точнее субстанция дифференциальной ренты—добавочная прибыль—есть следствие законов капиталистической конкуренции, и она является следствием этих законов благодаря тому, что последние имеют своей предпосылкой неодинаковость естественного плодородия поступивших в обработку участков земли, следовательно неодинаковую производительную силу равных по своему размеру и органическому составу капиталов, применяемых на участках различного плодородия.

Различный результат, который дают одинаковые капиталы, примененные на землях неодинакового плодородия, результат в смысле реализации различных масс стоимостей, нельзя отнести к свойствам почвы, как нельзя отнести напр. ошибки наших доморощенных теоретиков ренты к свойствам той бумаги, на которой они пишут.

Если предположить, что товары продаются по их индивидуальной стоимости и что на рынке выступают одинаковые по размерам и составу капиталы, но дающие неодинаковые массы

⁸ К. Маркс и Фр. Энгельс, Письма, см. с. 151.

товаров, скажем, пшеницы,—еще совсем не значит, что капиталы, вложенные в лучшую почву, а потому обладающие и более производительной силой, дадут большую стоимость, чем капиталы, вложенные в худшие земли. Капиталы по 80 руб., примененные на почвах А и В. и дающие потому неодинаковые массы продуктов—на $A=10$ ед. и на $B=20$ ед., продадут свои товары каждый за 100 руб., если норма прибыли для этих капиталов будет 20%. Вся разница только в том, что индивидуальная стоимость (или индивидуальная цена производства) единицы товара, производимого капиталом на почве А, будет равна 10 р., тогда как индивидуальная стоимость единицы товара капитала, примененного на почве В, будет равна 5. Следовательно повышенная производительность тех капиталов, которые применяются на лучших почвах, находится в обратной пропорции к тому количеству общественно-необходимого труда, которое овеществлено в каждой единице произведенного ими товара.

Чем выше производительность, тем меньшая сумма индивидуальной стоимости падает на единицу, хотя общая сумма стоимости всего произведенного товара остается одной и той же. Значит повышенное плодородие никак не может быть источником добавочной стоимости, как в равной степени земля не может быть источником стоимости вообще. Повышенное плодородие земельного участка, поступившего под обработку, обеспечивает капиталу, вложенному в него (при том условии, что он используется рационально и умело), лишь более высокий «производительный эффект», но отнюдь не большую массу стоимости и прибавочной стоимости⁹. Последние суть чисто общественные категории и ни в каком родстве с землей и ее качеством не состоят.

Доктринеры из числа тех, кто за буквой книжки не видит живой мысли, склонны порой отождествлять относительно повышенную «производительную силу» капитала, сообщаемую ему более плодородной землей, с производством большей массы стоимости, а следовательно и прибавочной стоимости. Так проф. Любимов, автор объемистого, но довольно поверхностного труда о земельной ренте, пишет следующее:

«На лучшей земле производится при той же затрате труда (и капитала) большее количество килограммов пшеницы. А так как стоимость килограмма хлеба определяется тем количеством труда, который идет на выращивание килограмма его на худшей общественно-необходимой земле, то следовательно, на лучшей земле производится (?!—Е. Г.) большая стоимость, чем на худшей».

Далее, так как цена производства пшеницы в обоих случаях одинакова, то выходит, что на лучшей земле выжимается (??—Е. Г.) еще добавочное количество прибавочной стоимости. Эта добавочная прибавочная стоимость и есть рента¹⁰.

Здесь, что ни слово, то путаница, и притом путаница, свидетельствующая о полном непонимании Любимовым Маркса. За

⁹ «Сила природы—не источник добавочной прибыли, а лишь ее естественный базис, так как это — природный базис исключительно повышенной производительной силы труда» («Капитал», т. III, ч. 2, с. 187).

¹⁰ Любимов, Учение о ренте, с. 117—118.

марксистской экономической фразеологией, у него скрыта самая настоящая вульгарно-натуралистическая точка зрения, которая, правда, может свидетельствовать о беззаботном характере «теоретика ренты», но отнюдь не о его глубоком знакомстве с Марксом.

В приведенном отрывке учение Маркса о ренте представлено поистине в столь изуродованном виде, что его трудно узнать. Во-первых, Любимов подменяет учение Маркса о ценах и рыночной стоимости самой стоимостью; во-вторых, Любимов «заставляет» землю быть источником стоимости вообще и добавочной стоимости в частности; в-третьих, источник ренты у Любимова выступает в той иррациональной формуле—«земля—земельная рента», которую Маркс с беспощадной едкостью высмеял на страницах III тома «Капитала».

Конечно, утверждение Любимова, что более плодородная земля, при одинаковой затрате труда и капитала (под капиталом Любимов понимает мертвый труд, материализовавшийся в машинах, удобрениях и т. д.), дает «большее количество килограммов пшеницы»—совершенно верное утверждение, но оно как будто обязывало Любимова сделать тот вывод, что индивидуальная стоимость единицы товара, произведенного на более производительном участке ниже, чем на менее производительном. Однако, Любимов не сделал того вывода, и у него повышенная производительность превратилась в отправной пункт для совершенно неправильного вывода и утверждения, что на лучшей земле производится большая стоимость, чем на худшей.

Правда, Любимов не выводит прямо из земли «большую стоимость», она получается у него через посредствующее звено, а именно, через определение стоимости килограмма хлеба, произведенного на лучшем участке земли, стоимостью килограмма хлеба, произведенного на худшем участке где вложенный капитал дает менее производительный результат. Но такое отождествление индивидуальных стоимостей порождает еще большую путаницу и неразбериху. Любимов здесь путает индивидуальную стоимость с рыночной стоимостью, именно поэтому, у него и получается, что на лучшей земле производится большая стоимость.

Любимов не понимает, что рыночная стоимость в том смысле, как ее понимал Маркс, есть специфический продукт капиталистической конкуренции, что смешивать ее с индивидуальной стоимостью товарной массы, производимой капиталами различной производительной силы,—нельзя. Этим лишь закрывается доступ к правильному пониманию действия самого закона стоимости, который в чистом виде никогда не выступает в капиталистическом хозяйстве.

Преобразование индивидуальной стоимости в рыночную стоимость, как таковую, происходит не в сфере производства, а в сфере капиталистического рынка, где закон буржуазной конкуренции сводит и рыночную стоимость и цены однородных товаров к одинаковому уровню. Мы уже приводили то место из Маркса, где он говорит, что рента родится благодаря равенству цен. Но было бы в высшей степени наивным полагать, что так как цена есть выраженная в деньгах стоимость товара, то и продукт с лучшей, более плодородной земли содержит столько

же общественно-необходимого труда, сколько и продукт с худшего участка земли, раз тот и другой продаются по одной и той же цене.

К вящей славе профессора Любимова нужно заметить, что точка зрения на характер образования стоимости продуктов капиталистического сельского хозяйства, которую он защищает, имеет столько же общего с теорией Маркса, сколько и все «учение Любимова о ренте». Любимов просто подменил теорию Маркса теорией Рикардо. Не первый, а второй придерживается того взгляда, что раз товар, произведенный в более благоприятных условиях, продается по относительно дорогой цене, то в нем следовательно заключается и больше стоимости.

«Меновая стоимость всех товаров—будут ли то фабричные изделия, или продукты рудников, или земледельческие произведения,—никогда не регулируется наименьшим количеством труда, необходимым для их производства при очень благоприятных условиях... Напротив, она регулируется наибольшим количеством труда, необходимо затрачиваемым на их производство теми... кто продолжает производить при самых неблагоприятных условиях...»¹¹. И дальше: «Стоимость хлеба регулируется количеством труда, затраченного на производство его на земле того качества или с той долей капитала, которая не платит ренты»¹².

Реализация большего количества рабочего времени чем то, которое на самом деле заключено в товаре, еще не означает однако, что товар действительно обладает высокой имманентной (индивидуальной) стоимостью, полное денежное отражение которой находится в данном размере цены. Такого рода представление не имеет ничего общего с капиталистической действительностью, где цена есть выражение не абсолютной величины стоимости, заключенной в товарах данного рода, а превращенной формы их,—цены производства».

Конкуренция капиталов создает цену, производства, но эта конкуренция есть конкуренция капиталов различных сфер капиталистического производства, и в этом смысле мы имеем сложный процесс распределения и перераспределения всего прибавочного труда среди вступивших в конкурентную борьбу капиталов, обладающих различной величиной и неодинаковым органическим составом.

Но рыночная стоимость и рыночная цена образуются, если можно так выразиться, в нижних этажах капиталистической конкуренции, т. е. там, где еще выступают капиталы не различных сфер, а капиталы одной сферы.

Если конкуренция капиталов различных сфер стремится уравнять норму прибыли, то конкуренция капиталов внутри одной сферы стремится свести цены и рыночную стоимость товаров к одному уровню. Если в первом случае средняя норма прибыли отражает право капиталиста принимать на равных началах с другими капиталистами участие в эксплуатации всего рабочего клас-

¹¹ Давид Рикардо — Начала политической экономии и податного обложения, Гиз. 1929 г., с. 36.

¹² Там же, с. 38.

са¹³, и тем самым получить соответствующую величине его капитала долю прибавочной стоимости, полученную всем классом капиталистов, то во втором случае равенство рыночной стоимости и цен товаров одного рода не означает ничего другого как скрытый за этим равенством «способ, посредством которого на базисе капиталистического способа производства и вообще производства, покоящегося на обмене товаров между отдельными производителями, проявляется общественный характер стоимости»¹⁴.

Рыночная стоимость есть средняя стоимость однородных товаров. Она может быть выше и ниже индивидуальных стоимостей, товара, а также может совпадать с ними. Капиталы, в которых применяется труд более высокой производительности, и капиталы с пониженной производительностью применяемого труда, хотя они и равного размера и одинакового строения, будут давать различные индивидуальные стоимости единицы товара, одинаковые индивидуальные стоимости всей массы товара, но различные рыночные стоимости этой же массы товара.

Допустим, функционируют четыре капитала одинаковой величины, но с различной производительностью применяемого труда, причем величина первоначально авансированной стоимости равна 80 р., прибавочная стоимость равна 20 р., а производительность каждого последующего вложения из первых трех на 100% выше предыдущего. При таком предположении мы получим следующую картину:

Капиталы	Велич. капит.	Прибав. стоим.	Общ. стоим.	Колич. един.	Индив. стоим.
A	80	20	100	100	1
B	80	20	100	200	0, 5
C ₁	80	20	100	400	0,25
C ₂	80	20	100	400	0,25

Хотя общее количество единиц товара для капиталов. А, В и С различно, но индивидуальные стоимости всей массы товара каждого капитала равны. Для А=100, для В=100 и для С₁ и С₂ также по 100. Индивидуальные же стоимости единицы товара различны для капиталов А, В и С. Теперь, если предположить, что регулирующая рыночная цена определяется индивидуальной стоимостью единицы товара С₁ и С₂, то и рыночные стоимости массы товаров для капиталов А и В резко уменьшатся; для капитала А стоимость товара упадет со 100 до 50. Этим примером мы хотим сказать, что рыночная стоимость товара есть такая его стоимость, которая определяется индивидуальной стоимостью товаров, произведен-

¹³ Каждый отдельный капиталист точно так же как и совокупность капиталистов каждой отдельной сферы производства участвует в эксплуатации всего рабочего класса всем капиталом, и в степени этой эксплуатации участвуют не только в силу общей классовой симпатии, но и непосредственно экономически; потому, что, предполагая данными все прочие условия, в том числе стоимость в его авансированного и постоянного капитала, средняя норма прибыли зависит от степени эксплуатации всего труда всем капиталом». («Капитал», т. III, ч. 2, с. 176).

¹⁴ Там же, с. 201.

ных капиталами «обычной» производительности; т. е. произведенных в таких условиях производства, которые соответствуют «нормальному» уровню при данной технике, и потому являются господствующими.

Относительно легкая воспроизводимость промышленных товаров устраняет возможность образования в сфере промышленного капитализма постоянных добавочных прибылей, могущих возникнуть в результате понижения издержек, в сравнении со средним уровнем их для товаров данного рода. Однако, то, что существует в виде закона для промышленности, оказывается неприменимым к земледелию, ибо в последнем в качестве базиса производства, точнее говоря, необходимой и составной частью его выступает земля с дифференцированным плодородием, т. е. с той пестротой химического и физического состава ее коры, которая как раз и служит объектом обработки.

В промышленности технический базис производства заключен не в земле, а исключительно в орудиях и средствах производства, произведенных самим человеком. В земледелии основной частью технического базиса является земля, качества и свойства которой лишь в небольшой степени зависят от человека¹⁵. Таким образом технический базис промышленности сравнительно легко воспроизводим, в земледелии же воспроизводство технического базиса ограничено общими естественными условиями.

Всегда, менее плодородная земля даст меньшее количество продуктов, чем лучшая, если способ обработки, состав и количество химических удобрений одинаковы для обоих участков земли. Естественные законы дадут знать о себе. И несмотря на то, что абсолютное плодородие худшего и лучшего участка повысилось, относительное плодородие может остаться одним и тем же или даже измениться в пользу лучшей земли. Дифференцированное плодородие и есть предпосылка образования постоянных добавочных прибылей в земледелии, хотя и не является их источником.

Именно потому, что земли, поступившие в обработку; неодинакового плодородия, а более плодородные участки—т. е. лучшие земли—ограничены, их нельзя производить так, как скажем производят усовершенствованные машины, именно поэтому, в земледелии капиталистический закон конкуренции изменяется, суживается, в известной мере теряет ту эластичность, которой он обладает в сфере промышленного капитализма.

Ограниченность лучших земель—сообщающему вложенному в них капиталу более высокую производительную силу—играет здесь ту роль, что земледельческий товар реализуется не по средней своей стоимости, т. е. не в той форме рыночной стоимости, ка-

¹⁵ Между прочим, для нашего времени такое утверждение очень относительно, так как человек далеко продвинулся вперед по части умения изменять естественное качество земной коры: там где рос ковыль и где общие климатические и почвенные условия не позволяли разводить культурные растения,—человек собирает благодаря выросшей технике богатейшие урожаи технических и хлебных культур. Тут же однако надо заметить, что эта относительность все же не меняет существа нашего утверждения, ибо как бы ни повысилось абсолютное плодородие худших земель, все равно их естественные свойства дадут о себе знать, как только человек перестанет вводить в них технические удобрения.

кая свойственна товару промышленной сферы, а по ценам производства, которые дает капитал, примененный на худшем участке земли¹⁶. Таким образом капиталы с лучших земель имеют самостоятельную возможность реализовать добавочную прибыль.

Фиксированность различия индивидуальных форм прибылей, а следовательно и фиксированность добавочных прибылей — вот что отличает земледелие от промышленности¹⁷. Но такое постоянство добавочных прибылей отнюдь необъяснимо самим фактом дифференциального плодородия и сводить к нему, как к источнику, получаемые добавочные прибыли в земледелии, значит сваливать в одну кучу природу и общественные отношения.

Но вернемся опять к Любимову. Чувствуя нелепость своей первой формулировки, он ищет выхода в другом направлении; в повышенной норме эксплуатации рабочих на землях высшего качества. В статье, направленной против критических замечаний Познякова, он пишет:

«Положение, что на лучшей земле выжимается больше прибавочной стоимости, вовсе не равносильно утверждению, что добавочное количество и выжимается из самой земли. Оно означает совершенно иное, а именно, что в капиталистическом обществе лучшая земля, подобно лучшей машине при определенных условиях, дает возможность повысить норму эксплуатации занятых в ней рабочих»¹⁸.

Любимов пытается таким образом свести дифференциальную ренту к форме относительной прибавочной стоимости. Но... увы, эта последняя потуга Любимова также остается бесплодной, как евангельская смоковница. Любимов несмотря на все свое «глубокомыслие», упустил из виду то простое обстоятельство, что рост относительной формы прибавочной стоимости (а тем самым и повышение нормы эксплуатации) возможен и при неизменной величине стоимости всей массы товаров. Изменяются лишь относительные доли стоимости (стоимость рабоч. силы и прибавочная стоимость), но отнюдь не величина всей массы стоимости, заключенной в товарах, которые произвели капиталы с повышенной производительностью.

¹⁶ «Эта ограниченность (ограниченность земли) — совершенно независимо от какой бы то ни было собственности на землю — создает известного рода монополию, именно: так как земля вся занята фермерами, так как спрос предьявляется на весь хлеб, производимый на этой земле, в том числе и на сам худший, и на самых удаленных от рынка участках, «то понятно, что цену хлеба определяет цена производства на худшей земле или цена производства при последней наименее производительной затрате капитала. Средняя производительность (в земледелии — Е. Г.) есть пустое арифметическое упражнение, ибо действительному образованию этой средней препятствует ограниченность земли (Ленин, соч., т. IX, с. 68).

¹⁷ «Сущее твоевание различных прибавочных прибылей или различных земельных рент на земельных участках различной плодородности не отличает земледелия от промышленности. Что отличает их, так это фиксирование этих прибавочных прибылей, потому что они покоятся здесь на естественном базисе, который, правда, может быть более или менее уравнен, тогда как в промышленности при одинаковой средней прибыли — прибавочная прибыль всегда появляется только мимоходом и всегда выступает только потому, что капиталисты хватаются за более производительную машину и улучшение труда». (К. Маркс, Теории прибавочной ценности, кн. II, с. 187.)

¹⁸ Любимов, «Плод недолгой науки» см. в журн. «Под знаменем марксизма» № 12, 1927, с. 95.

Особенность, же дифференциальной ренты та, что она возникает благодаря реализации на рынке большой стоимости, чем та, которая содержится в товарах с почвы высококого плодородия.

Впрочем, как следует из смысла всей статьи проф. Любимова, повышенную норму эксплуатации он усматривает в том, что товары, произведенные капиталом на лучшей земле, реализуют большую норму прибавочной стоимости. Но это уже вдвойне нелепо, ибо нелепо и дико переносить причины повышенной нормы эксплуатации из области производства стоимости и прибавочной стоимости в область реализации последних. Совершенно верно замечает С. Солнцев, что «норму эксплуатации Маркс всегда определял не по результатам реализации созданного продукта, а по действительным производственным отношениям, т. е. по данным имманентной стоимости продуктов»¹⁹.

От того,—как в случае с монопольной рентой,—что товар продается выше своей стоимости и переносит в руки своего владельца часть прибавочной стоимости других отраслей—очень далеко до утверждения об исключительно повышенной норме эксплуатации рабочих данной отрасли, хотя отношение между реализованным необходимым и прибавочным трудом стоит на-много выше «нормального». Для Любимова, видимо, не совсем ясен этот вопрос и потому он с такой легкостью оперирует понятием «норма эксплуатации». Но если бы даже апелляция к повышенной норме эксплуатации и была возможна и она объясняла бы, пусть частично, появление добавочной прибыли на лучшей земле, все равно это ни в малейшей степени не подвигало бы нас к разрешению проблемы дифференциальной ренты, не подвигало потому, что объяснение добавочной прибыли повышенной нормой эксплуатации касалось бы не ее источника вообще, а только одного из возможных источников и при том не главного.

Что повышенная норма эксплуатации не может быть главным источником добавочной прибыли, можно судить уже по одному тому, что появление добавочной прибыли происходит при том условии, что капиталы, функционирующие на участках с различным естественным плодородием, одинаковы по размерам, обладают одним и тем же органическим составом с равной нормой эксплуатации рабочей силы. Следовательно предварительное установление равенства норм эксплуатации исключает возможность апелляции исследователя к этому виду источника.

Одинаковая норма эксплуатации, данная для двух капиталов, не может выражаться в различной величине стоимости массы товаров, если капиталы равны и органический состав их однороден. Таким образом, если эти два капитала при всех прочих равных условиях и прилагаются на различных по плодородию участках, то общий результат в стоимостном отношении тоже не может быть разнороден. Производятся одинаковые массы стоимости но не одинаковые массы товаров. А так как повышенная производительность труда неизбежно понижает стоимость единицы товара²⁰, то продажа его по более высокой рыноч-

¹⁹ См. журн. «На аграрном фронте» № 10, 1923.

ной стоимости соответствующей индивидуальной стоимости единицы товара производимого на худшем участке земли, никак не может означать, что в нем заключается все-таки больше того, что на самом деле присуще ему и заключено в нем.

Любимов спутал рыночную стоимость с индивидуальной, а отсюда и все тщетные поиски того таинственного флогистона, который порождает добавочную прибыль на лучших землях. Этим флогистонам у Любимова оказалась повышенная норма эксплуатации, но вся беда в том, что чувство уверенности, с которым он оперирует этой «нормой», прямо пропорционально заблуждению Любимова на этот счет.

III

«Относительно дифференциальной ренты следует вообще заметить, что рыночная стоимость всегда превышает общую цену производства данной массы продуктов»... Мы имеем перед собой определение при посредстве рыночной стоимости в том ее виде, как она на базисе капиталистического способа производства проявляется при посредстве конкуренции; эта последняя порождает обманчивую социальную стоимость. Это вытекает из закона рыночной стоимости, которому подчинены продукты земледелия. Определения рыночной стоимости продуктов, следовательно и земледельческих продуктов есть общественный акт, хотя акт общественно-бессознательный и непреднамеренный, акт необходимостью основанный на меновой стоимости продуктов, не на качестве земли и различии ее плодородия²¹.

Этим утверждением Маркс дает ключ к выявлению не только источника дифференциальной ренты, но и к изучению внутренней механики процесса конституирования постоянных добавочных прибылей земледелия.

Маркс показывает, что в проблеме дифференциальной ренты форма стоимости как бы отчуждена от своей непосредственной сущности, диалектически видоизменена. Именно вследствие этого преобразования и перехода ее из одной формы в другую, образование добавочной прибыли, отчуждаемой впоследствии в форме ренты земледельцу, нужно искать не непосредственно в процессе земледельческого производства и не в особых качествах земли, а в сфере реализации земледельческого товара, в тех законах капиталистической конкуренции, которые сводят сельскохозяйственные товары к рыночным стоимостям.

Рыночная стоимость отлична не только от цены производства но и от самой стоимости, взятой в своей первоначальной, а потому и элементарной форме²². Последняя в количественном отношении может быть представлена в рыночной стоимости полностью и частично, в зависимости от общих условий конкуренции капиталов в каждой данной сфере производства. Рыночная стоимость в той форме, в какой она выступает на поверхности капиталистического

²⁰ «Ценность товара обратно пропорциональна производительной силе труда» («Капитал», т. I, с. 216).

²¹ «Капитал», т. III, ч. 2, с. 200—201.

²² «Необходимо.. всегда отличать рыночную стоимость.. от индивидуальной стоимости отдельных товаров, произведенных различными производителями.» («Капитал»; т. III, ч. 1, с. 156).

рынка, есть уравненная конкуренцией индивидуальная стоимость товаров, производимых к а п и т а л а м и однородной отрасли производства.

Несколько ранее мы уже касались различия между рыночной стоимостью и ценой производства, т. е. тех специфически капиталистических категорий, за которыми скрываются определенные социальные отношения, но в том порядке изложения рыночная стоимость не составляла предмета специального исследования, т. к. для простого доказательства достаточно было взять ее в наиболее общей форме. Здесь же мы попытаемся подвергнуть ее несколько более подробному анализу, ибо только механика образования рыночной стоимости в капиталистическом хозяйстве объяснит, каким образом земледельческая сфера, благодаря своим природным особенностям, и, что самое главное, благодаря самим капиталистическим законам, получает фиксированную добавочную прибыль.

Рыночная стоимость более простая категория в диалектической цепи экономических категорий капитализма, она продукт менее сложного товарного хозяйства. Именно потому Маркс и говорит, что ее место в сложном и развитом товарном хозяйстве, т. е. капиталистическом обществе, заступает цена производства. Но рыночная стоимость хотя и является менее сложной категорией, чем цена производства, все же сохраняет свое значение и для капиталистического хозяйства, будучи односторонней формой проявления цены производства, т. е. тем непосредственным облачением цены производства, в котором последняя вследствие конкуренции капиталов одной сферы друг с другом выступает на поверхности капиталистического рынка. Рыночная стоимость в отличие от цены производства, есть продукт конкуренции одной сферы, где функционирующие капиталы производят массу однородных товаров и приблизительно одного качества, как говорит Маркс. (Земледелие, допустим производство пшеницы, есть тоже однородная сфера, где капиталы, вложенные в различные участки земли, конкурируют друг с другом на хлебном рынке. Следовательно, поскольку мы не рассматриваем действие закона стоимости с точки зрения всего общественного производства, а только проявления его в одной отрасли, которая может полагать среднюю норму прибыли уже данной наперед, постольку мы и будем иметь в виду только рыночные стоимости в той форме, как они складываются на рынке, оставляя цены производства в стороне.

Для исследования дифференциальной ренты можно предположить, что средняя норма прибыли совпадает с массой прибавочной стоимости и что поэтому товар, произведенный земледельческим капиталом, реализует свою полную стоимость. От того, что будет сделано такое предположение, результаты несколько не изменятся, как не изменится и тот порядок образования добавочных прибылей, который бывает в том случае, если товары реализуют свои цены производства²³.

²³ Цена производства может совпадать со стоимостью, если органический состав данного капитала совпадает со средним общественным. Таким образом, предположив для земледелия средний общественный состав, мы получаем возможность без всяких усложнений проследить уравнение товаров в рыночные стоимости и влияние повышенной производительности на порядок образования добавочных прибылей.

Каждый функционирующий капитал в данной отрасли производства, если он обладает неодинаковой с другими капиталами производительностью, но одинаковым размером и органическим составом, производит одинаковую массу стоимости, но неодинаковую стоимость каждой единицы товара. Об этом мы уже говорили раньше. На рынке промышленных товаров, т. е. таких товаров, которые легко воспроизводимы—там индивидуальные стоимости товаров уравниваются в такую рыночную стоимость, которая соответствует индивидуальной стоимости товаров, производимых капиталами средней производительности, господствующими на рынке.

Этот закон сведения индивидуальных стоимостей к средней, рыночной стоимости есть закон всякого товарного хозяйства, где установление при близительного равновесия между общественной потребностью²⁴ и размером производства и воспроизводства материальных благ совершается через посредство этой рыночной стоимости.

Легко воспроизводимые товары всегда будут продаваться по той рыночной стоимости, которая соответствует производительной силе капиталов, господствующих на рынке, если, конечно, общественный спрос не делает резких скачков вверх и вниз. В последнем случае, если общественный спрос настолько вырос, что прежние размеры предложения оказались недостаточными, могут образоваться такие условия, когда рыночная стоимость будет соответствовать индивидуальной стоимости товаров, производимых капиталами, обладающими наименее производительной силой. Таким образом регулирующей рыночной стоимостью явится самая высокая индивидуальная стоимость. Обратное будет в том случае, если спрос упадет. Однако и в том и в другом случае такое отклонение рыночных стоимостей от своей средней нормы останется не надолго, особенно кратковременным окажется блаженство того капиталиста, индивидуальная стоимость товара которого стала регулирующей рыночной стоимостью. Быстрое расширение производства заставит рыночную стоимость снизиться до прежних средних размеров, а впоследствии понизиться и ниже среднего уровня. Это в свою очередь вызовет необходимость реализации дорого стоящих товаров ниже их индивидуальной стоимости.

Одна из существенных сторон капиталистической конкуренции заключается в том, что она стихийно стремится установить равновесие между общественной потребностью и производством. То, что в плановом, организованном хозяйстве достигается посредством сознательного регулирования на основе статистического учета и подсчета, то в капиталистической системе достигается через постоянные изменения рыночных стоимостей, а через них и цен, через колебания этих последних вокруг своего стержня—стоимости, который в общем и целом всегда соответствует средней высоте общественной производительной силы труда.

Общественный характер рыночной стоимости состоит, между:

²⁴ Термин «общественная потребность» мы употребляемы здесь не в грубо натуралистическом, а следовательно, логическом смысле, но в смысле той исторической формы, своего проявления и того исторического содержания своего, которое у Маркса обозначено, как платежеспособный спрос.

прочим в том, что она (рыночная стоимость) выполняет роль одного из рычагов распределения общественного труда между различными отраслями производства. Это собственно и имел в виду Маркс, говоря о равенстве рыночных стоимостей, как форме проявления общественного характера стоимости.

Уравненные в среднюю индивидуальные стоимости товаров показывают, что каждый товар одного и того же рода и приблизительно такого же качества выступает на рынке как носитель равного количества труда. Что в нем заключено большее или меньшее количество труда чем то, которое он выражает в своей цене,—это безразлично, поскольку однородные товары, уравненные рыночной стоимостью, теряют свой специфический ярлык, показывающий принадлежность того или иного товара капиталу, с меньшей или большей относительной производительностью.

В простом товарном хозяйстве, где товары реализуются по своим стоимостям и где на рынке в качестве агентов акта купли и продажи выступают самостоятельные товаропроизводители, там рыночная стоимость представляет собой определенное количество общественно необходимого труда, которое при данном уровне технической умелости работника и технических возможностей вообще необходимо затратить на каждую единицу товара. И здесь тоже должно быть уравнение индивидуальных стоимостей в рыночную стоимость (конечно, при том условии, что в этом простом товарном хозяйстве разделение общественного труда достигло известной высоты, и что вследствие этого все отношения между производителями строятся на основе обмена), ибо отклонения от нормального технического уровня в производстве товаров отдельными производителями не только допустимо, но и неизбежно для простого товарного хозяйства. Рыночная стоимость в данном случае означает равенство общих условий производства для тех товаровладельцев, которые выступают на рынке как представители однородной отрасли, обособившейся и противопоставленной всем другим отраслям, благодаря общественному разделению труда.

В капиталистическом (сложном товарном) хозяйстве рыночные стоимости отражают уже не равенство общих условий производства индивидуальных товаропроизводителей одной сферы, а равенство производительной силы капиталов однородной отрасли.

В простом товарном хозяйстве, где товар выступает как продукт отдельного производителя, социальные отношения, которые скрыты за формой стоимости, свойственной товарам, не могут быть ничем иным, как отношением равенства хозяйствующих субъектов друг другу. Капиталистическое хозяйство усложняет и модифицирует внутреннее содержание товара. Последний выступает здесь не как продукт индивидуального товаропроизводителя, а как продукт капитала. Поэтому в равенстве рыночных стоимостей однородных товаров выражены более сложные отношения, отношения между капиталами однородных сфер.

Капиталистическая система включает в себя простое товарное хозяйство, как отвлеченный исходный пункт для анализа, который предпринимает субъект. В нем основные категории всякого товарного хозяйства даны в своей непосредственной форме, а то, что отражают они, носит явно элементарный характер, поскольку

имеется в виду обмен между индивидуальными товаропроизводителями. Таким образом капиталистическая система, где категории простого товарного хозяйства выступают на поверхности явлений в чрезвычайно усложненной и превращенной форме,—представляет собой в отношении простого товарного хозяйства прогрессивно усложненный ряд производственных отношений, в котором каждая отдельная ступень этого ряда находит свое объективированное выражение в той или иной категории явлений капиталистической действительности. Отсюда следовательно вытекает то, что товар как продукт капитала неизбежно должен стать носителем специфических капиталистических отношений.

Поскольку рыночная стоимость товара—продукт капитала—дана, постольку за ней, как за средней стоимостью, выведенной конкуренцией из индивидуальных стоимостей, скрывается тенденция однородных капиталов реализовывать в каждой единице товара то количество общественно необходимого труда (прибавочного труда в том числе), которая соответствует общественной потребности в данном роде потребительных стоимостей.

Если для покрытия общественной потребности необходимо затратить допустим 200 трудовых дней, а общая масса товаров, выброшенных на рынок, включает в себе 400 трудовых дней, то естественно, что рыночная стоимость каждой единицы товара стихийным путем будет сведена к такому уровню, чтобы общая сумма общественного труда, заключенного в массе товаров, превратилась бы в величину, эдэкватную общественной потребности.

«Чтобы товар мог быть продан по его рыночной стоимости, т. е. по цене пропорционально заключающемуся в нем общественно-необходимому труду, для этого все количество общественного труда, употребленного на производство всей массы данного вида товаров, должно соответствовать величине общественной потребности в них, разумеется, платежеспособной общественной потребности. Конкуренция, колебания рыночных цен, соответствующие колебаниям отношения между спросом и предложением, всегда стремятся свести к этой мере общее количество труда, затраченного на каждый вид товаров²⁵.

Впрочем это только одна сторона проявления общественного характера рыночной стоимости. Самый факт сведения индивидуальных стоимостей к рыночной стоимости говорит также о некоторых других тенденциях, присущих капиталистическому хозяйству.

Дело в том, что рыночные стоимости—не только регулятор распределения общественного труда, но, как это имеет место в капиталистическом хозяйстве, также и способ выражения равенства условий производства для капиталов однородной сферы, независимо от того, существует ли это равенство в отношении всех капиталов или нет. Однородная сфера капиталистического производства, как правило, предполагает функционирование таких капиталов, которые обладают более или менее одинаковым органическим составом, что, как известно, должно

²⁵ «Капитал», т. III, ч. I, с. 172. Разрядка моя — Е. Г.

соответствовать определенной высоте производительности труда, равной для всех капиталов этой сферы. (Технологический состав капиталов есть как-бы остов органического состава, ибо высокий или низкий органический состав, т. е. соотношения авансированных стоимостей на постоянные и переменные капиталы, всегда (за очень редким исключением) отражают определенное, повышенное или пониженное соотношение между живой рабочей силой и тем количеством средств и орудий производства, которые приходится на живую рабочую единицу. Высокий органический состав и высокий технический состав капитала всегда означают высокий уровень производительности труда; обратное свойственно низкому органическому и техническому составу капитала). Таким образом, если на рынке промышленных товаров регулирующей рыночной стоимостью выступает та, которую дает капитал с «нормальной» средней производительностью—это есть исключительно выражение того факта, что каждый капитал, функционирующий в каждой данной сфере производства, может реализовывать в единице товара только такую величину стоимости, которую дает капитал средней производительности этой сферы.

Равенство рыночной цены и рыночной стоимости однородных товаров есть необходимое и неизбежное следствие конкуренции капиталов, ибо в равенстве рыночных стоимостей отражена конкурентная способность капиталов, т. е. что каждый из них может дать то, что дает другой такой же капитал. Всякое отклонение цен от рыночных стоимостей (а мы здесь условились принимать цену производства равную стоимости, поскольку средняя прибыль совпадает с абсолютной массой прибавочной стоимости, производимой каждым капиталом данной сферы) вниз или вверх объясняет только—при всех прочих равных условиях—лишь относительно большую или меньшую производительность того или иного капитала. Большая производительность понижает стоимость единицы товара, и если рыночная стоимость выше индивидуальной стоимости данного товара, то владелец последнего может продавать его несколько ниже регулирующей рыночной стоимости и цены и все-таки получить добавочную прибыль.

Отличие земледельческой сферы производства от промышленной в значительной степени сводится к различному порядку образования рыночных стоимостей. В промышленности, точнее говоря, на рынке промышленных товаров, сведение стоимостей товаров к рыночной стоимости, как правило, основывается на установлении рыночной стоимости на том уровне, который соответствует индивидуальной стоимости товаров, производимых капиталами средней или высокой производительности. И наоборот, установление в качестве регулирующей рыночной стоимости, индивидуальной стоимости товаров, производимых капиталами с низкой производительностью, есть редкое исключение.

В земледелии порядок конституирования рыночных стоимостей стоит как бы на голове, находится в обратном отношении к тому порядку, который мы имеем на рынке промышленных товаров. То, что в промышленной сфере составляет эпизодическое явление и возможно лишь на очень короткий срок, в земледелии становится правилом, уничтожить и свести к нулю которое можно только с

уничтожением самого капиталистического способа производства. Естественные условия (т. е. ограниченность хороших, более плодородных земель, сообщающих повышенную производительную силу капиталам, вложенным в них) вносят некоторый корректив в порядок образования рыночных стоимостей на капиталистическом рынке, и в известном смысле ограничивают масштаб и характер проявления самих капиталистических законов. Это собственно единственный пункт, единственный узел, где капиталистические законы видоизменяются под влиянием естественных условий и где последние образуют своеобразную границу для первых.

Следовательно, именно потому, что базисом и необходимым условием капиталистического производства в земледелии является почва с дифференцированным плодородием, и вследствие того, что наименее плодородная земля, втянутая под обработку, есть общественно необходимая земля, регулирующая рыночная стоимость всегда как правило есть индивидуальная стоимость того товара, который производит капитал на наименее плодородной земле.

В таком случае общая сумма рыночных стоимостей земледельческих товаров (т. е. товаров, произведенных капиталами на лучших, средних и худших землях), всегда будет выше действительной стоимости их, или—принимая во внимание уравнение прибылей земледельческой сферы—выше действительной цены производства, всей массы товаров. Разница, образующаяся между рыночной стоимостью массы земледельческих товаров и их действительной стоимостью (равной цене производства в данном случае), переходит в руки землевладельца в форме ренты.

Как видим, рента возникает совершенно независимо от землевладельцев, как и независимо от самой земли, поскольку процесс увеличения рыночной стоимости товара лучших земель происходит не благодаря самой земле, а благодаря капиталистическим законам, следовательно благодаря тому обстоятельству, что общие естественные условия (ограниченность лучших земель) ставят лишь границы масштабу действия законов капиталистической конкуренции.

В общем мы уже показали, как образуется добавочная прибыль в земледелии, показали на примере превращение индивидуальных стоимостей в рыночные стоимости. Теперь задача заключается в решении второго вопроса, поставленного Марксом—откуда черпается фиксированная добавочная прибыль в земледелии, принимающая форму ренты.

Условия задачи даны в самом ходе нашего изложения, они сводятся к следующему: дифференциальная рента есть излишек цены земледельческого товара над его действительной ценой производства. Последняя предполагает уравнение прибылей капиталов в средние прибыли, что в случае с дифференциальной рентой может быть отождествлено с массой прибавочной стоимости, получаемой вообще в среднем каждым функционирующим в земледелии капиталом. Но раз только каждый капитал и с худшей и с лучшей земли полностью реализует стоимость своих товаров, следовательно реализует полностью и прибавочную стоимость как соответствующую часть стоимости товара,—то откуда же берется еще тот излишек стоимости, который остается после реализации товара. Та сумма прибавочной стоимости, которую произвел совокупный земледельческий капитал, реализована це-

ликом, следовательно нужно найти источник очутившейся в руках землевладельцев избыточной прибавочной стоимости.

Сама постановка вопроса уже предполагает отрицательное отношение к попытке искать этот источник внутри самого земледельческого производства. Ведь вопрос идет не об избыточном прибавочном продукте, а об избыточном прибавочном труде, реализованном в товаре.

Если капиталы А, В и С производят 100, 200 и 400 единиц продуктов, причем размеры капиталов одинаковы, а также одинаковы и нормы прибыли, то в каждой массе продуктов, хотя они и стоят в геометрической прогрессии друг к другу, заключено одинаковое количество труда. Однако то количество труда, которое они реализуют на рынке в форме рыночных стоимостей, на много превышает действительно заключенное в них количество.

Капиталы	Величина капитала	Прибыль	Общая сумма	Количеств. ед. прод.	Индивидуальная стоимость
А	80	20	100	100	1
В	80	20	100	200	0,5
С	80	20	100	400	0,25
Итого . . .	240	+ 60	300	700	—

Действительная стоимость продукции всех трех капиталов—300 труд. единиц, а реализовано в этой массе товаров 700 труд. ед., т. е. на 400 труд. ед. больше того, что на самом деле заключено в продукции этих трех капиталов. Итак, нужно найти тот резервуар, откуда земледельческая сфера имеет возможность черпать (через посредство законов капиталистической конкуренции) избыточную прибавочную стоимость.

Объяснять этот источник так, как объясняет Любимов—неверно потому, что нельзя плодородие земли, качество земной коры ставить на положение источника стоимости и прибавочной стоимости; кроме того это неверно потому, что предполагается реализация в массе товара стоимости авансированного капитала (если капитал потребляется целиком) и произведенной прибавочной стоимости, а так как капиталы равны во всех отношениях и равна норма эксплуатации, то и массы прибавочной стоимости равны. То, что капиталы произвели, то и реализуется на рынке, таким образом если все же получается значительный излишек общественного труда над тем, который на самом деле заключен в товарной массе, нужно искать его источники в другом месте, ибо наличные условия производства в данной сфере исключают возможность образования его внутри себя.

Одним словом любимовская версия, построенная на весьма относительных и шатких основаниях, не выдерживает критики, и потому ее нельзя принимать во внимание. Остается единственно возможное объяснение источника избыточной прибавочной стоимости земледельческой сферы—это масса общественной прибавочной стоимости, распределение которой происходит так, что земледельческие товары имеют возможность подцеплять часть ее в форме избытка для своих владельцев. Этот возможный способ объяснения непосредственного источника добавочной стоимости,

а именно известной диспропорциональностью распределения общественной прибавочной стоимости между сферами—потому единственно возможный способ, что всякое иное истолкование неизбежно должно привести или на путь Любимова, где земля выступает источником стоимости, или на путь таких же плоских вулгаризаторов экономической науки, у которых прибыль, а тем самым и добавочная прибыль рождается в обращении товаров. Но этот апологетический вздор давным-давно похоронен самой буржуазной экономией, и у нас тем меньше оснований заниматься его опровержением.

Любопытно, что у Маркса специальных указаний на характер источника дифференциальной ренты нет, а если кое-где и проскальзывают отдельные замечания, то они все же остаются недоработанными до конца. Именно поэтому заслуживает особого внимания попытка Солнцева найти решение этого вопроса. Солнцев, исследуя фонд образования добавочных прибылей, приходит к выводу, что «источник дифференциальной земельной ренты—прибавочные ценности всего общества, взятого в целом; из индустрии они переходят в земледелие вследствие вздутия ценностей продуктов земледелия, являющихся необходимыми предметами рабочего существования, и благодаря вызванному этим вздутием заработной платы индустриальных рабочих (равно как и земледельческих)»²⁶.

Методологическое основание того утверждения, что дифференциальная рента имеет своим непосредственным источником общественный фонд прибавочной стоимости, у Солнцева сводится в основном к следующему: он берет за отправной пункт своего исследования положение Маркса, что дифференциальная рента, поскольку она вытекает из законов капиталистической конкуренции, есть как бы ложная, обманчивая социальная стоимость, и это положение Маркса (которое, кстати сказать, он (Маркс) нигде не развивает и не поясняет) служит у Солнцева канвой для всех его изысканий источников дифференциальной ренты. Весь ход рассуждений и доказательств Солнцева в сжатом виде таков: простое воспроизводство имеет своей предпосылкой равенство рыночных стоимостей v и m первого подразделения и c второго подразделения, например:

$$\begin{array}{l} \text{I} \dots\dots 120c + 60v + 60m = 240 \\ \text{II} \dots\dots 120c + 60v + 60m = 240 \end{array}$$

Так как второе подразделение состоит из двух участков с капиталами по 90 р. (60+30) и равным уровнем производительности, то дифференциальных рент нет, ибо товары продаются по своим имманентным стоимостям. Иное получится, если эти два участка будут неодинакового плодородия. Тогда даже при том предположении, что общая масса потребительных ценностей не изменилась,—капитал с более плодородной земли будет приносить ренту. Общая рыночная стоимость в товарной массе будет превышать имманентную стоимость последних. При таком условии воспроизводство (восстановление условий для нового производственного цикла) может иметь место, если часть прибавочной стоимости капиталистов I и II подразделения будет передана в виде номинальной надбавки к зарплате рабочих (ввиду повысив-

²⁶ См. статью в журн. «На аграрн. фр.» № 10, 1928, с. 52.

шейся стоимости товарной массы сельскохозяйственных продуктов), а капиталисты на пониженную массу прибавочной стоимости приобретут пониженную массу потребительных ценностей. Таким путем получается тот остаток, который и переходит в руки землевладельца в форме ренты.

«Материально, как говорит Солнцев, продукт не изменился ни в машинах, ни в пшенице. Лишь возросла, «вздулась» ценность пшеницы..., благодаря возрастанию ценности килограмма пшеницы, происшедшему вследствие появления различных земельных участков с различной производительностью и установления рыночной ценности пшеницы по худшему участку»²⁷.

Нет никакого противоречия в том, что добавочная прибавочная стоимость, рождающаяся благодаря особому характеру образования рыночных стоимостей, реализуется в ущерб прибавочной стоимости, получаемой капиталистами всех отраслей общественного производства. Всякая рента всегда есть вычет из средней прибыли капиталистов всех сфер. Если продукт земледелия продается по своей полной стоимости и потому, как в случае с абсолютной земельной рентой, реализует излишек части стоимости над ценой производства,—это тоже есть вычет из средней прибыли капиталистов всех сфер, ибо в противном случае этот излишек стоимости над ценой производства (разница между $C+V+T$ и $C+V+P$) неизбежно вошел бы в процесс уравнивающего распределения прибавочной стоимости между капиталами всего общественного хозяйства.

Правда, отличительная особенность здесь есть, и она выражается в первую очередь в том, что «оттягивание» части прибавочной стоимости от процесса уравнивания в данном случае происходит благодаря земельной собственности, т. е. благодаря тому обстоятельству, что земельная собственность стоит здесь как прямая и непосредственная граница уравнивания прибылей.

В дифференциальной ренте сам закон проявления стоимости на рынке сельскохозяйственных товаров служит причиной вычета ренты из массы общественной прибавочной стоимости. Кое-кому может показаться, что, если предположить, что дифференциальная рента как излишек над средней прибылью, имеет своим источником фонд прибавочной стоимости и промышленных отраслей, то уже этим вычетом нарушается возможность выравнивания прибылей, поскольку вся масса распределяемой между капиталами прибыли (общая средняя) должна быть равна сумме всего неоплаченного труда. Но это только может быть ложным «теоретическим недоумением», основанным на непонимании характера всякой земельной ренты.

Дифференциальная рента (так же, как и абсолютная) составляет вычет из общественного фонда прибавочной стоимости, и этот вычет таким образом предполагает распределение между капиталами уже не всей массы прибыли, а сокращенной суммы последней, т. е. масса прибыли минус рента.

«Итак, когда мы говорим здесь о прибыли, как достоящейся капиталу доле прибавочной стоимости, то мы имеем в виду среднюю прибыль (равна предпринимательскому доходу плюс процент), которая уже сокращена вычетом ренты из

²⁷ Там же, с. 51.

всей прибыли (последняя по своей массе тождественна со всей прибавочной стоимостью), т. е. предполагается вычет ренты»²⁸.

IV.

Теперь остается еще сделать несколько замечаний насчет смысла марксова положения о ложной социальной стоимости. В самом деле функционирующие в обществе капиталы реализуют в своих товарах большую стоимость, чем на самом деле они произвели. Если общая сумма дифференциальной ренты равна, допустим, 100 р., то вся общественная стоимость товара всех капиталов поднимется на 100 р., хотя действительная стоимость этой товарной массы ниже той суммы рыночной стоимости, в которую включена рента. Но здесь опять-таки нет ничего удивительного, нет ничего того, что находилось бы в прямом противоречии с законом стоимости. Здесь только кажущееся противоречие, так как действительно трудно понять происхождение этого излишка в форме добавочной прибыли, если этот излишек образует стоимостную надбавку не только к стоимости товаров земледельческой сферы, но и надбавку к стоимости всего общественного продукта.

Если в земледелии функционируют два одинаковых во всех отношениях капитала, то стоимость массы товаров их равна. Однако, рыночная стоимость массы товаров будет выше индивидуальной стоимости этих же товаров в том случае, если функционирующие капиталы обладают не одинаковой производительностью. Рыночная стоимость представляет здесь, как удачно отмечает Солнцев, не действительную стоимость товаров, а «вздутую», «разбухшую» стоимость последних. Эта разбухшая стоимость только форма, за которой впрочем скрывается весьма реальное общественное отношение. Ее особое свойство заключается в том, что она не содержит в себе ни одного атома человеческого труда; то, что она носит в себе—только отраженный прибавочный труд общества, который она (возросшая рыночная стоимость) под видом действительной стоимости переносит в руки своего владельца²⁹.

²⁸ «Капитал», ч. 2, с. 358 (разрядка моя—Е. Г.)

²⁹ В своей, чрезвычайно путаной, написанной тарабарским языком брошюре Смолин, не будучи в состоянии объяснить положение Маркса о «ложной обманчивой социальной стоимости», просто лишает его всякого смысла. Отрицая, вопреки утверждениям Маркса, что в капиталистическом земледелии рыночная стоимость с.-х. продуктов безусловно выше, чем их общая индивидуальная (действительная) стоимость, Смолин естественно закрывает себе всякий доступ к пониманию специфического характера этой обманчивой общественной категории. Поэтому он с большим апломбом, пространно рассуждая о смешении стоимости и цены производства Позняковым и Преображенским, сам смешивает в конце концов условия образования дифференциальной ренты с рентой абсолютной. А в заключение, не поняв того, что запутался в тенетах собственной схоластической премудрости дает разительный по своему стилю и бессодержательности ответ на интересующий нас вопрос: «Он (Маркс—Е. Г.) назвал его (т. е. избыток рыночной стоимости над общественной ценой производства—Е. Г.) так потому, что избыток этот является реальной объективной основой видимости определения рыночной стоимости продуктов, затратой наименьшей производительности труда» (Смолин, «Стоимость сельскохозяйственных продуктов и закон ренты», М. Р., 1930 г., стр. 139). Вот и пойми, кто может! А ведь таким «академическим» стилем написана вся брошюра.

Например бумажные деньги тоже не заключают в себе той стоимости, носителями которой они являются; они лишь отражают ее. Форма стоимости оторвана от своей материальной субстанции, однако в этой форме товары реализуют не свои мистические и сверхъестественные качества, а вполне реальное и объективное содержание свое—общественный труд.

Возросшая рыночная стоимость в некоторой степени напоминает эти деньги своим разрывом формы и содержания. Это, конечно, не означает, что возросшая рыночная стоимость есть иллюзорный факт, голая видимость, не имеющая никакого реального значения в практической действительности. Как раз наоборот, существование класса землевладельцев—лучшее доказательство ложности такого представления.

Рента вообще есть вычет прибавочной стоимости из всего общественного фонда ее. Следовательно, чем выше рента, тем ниже массы прибыли, достаемые капиталистическим предпринимателям. Но отсюда никак не может быть выведена иллюзорность ренты, ибо она все-таки часть реального общественного труда, заключенного в вещественной оболочке (в товарной массе или деньгах).

Именно потому, что в форме ренты класс землевладельцев получает реальные ценности, объективность которых не подлежит сомнению,—именно поэтому нельзя говорить о «сверхъестественных» качествах и свойствах ренты. Однако, такая противоречивость формы и содержания дифференциальной ренты несколько не разрушает связи, в которой она находится с законами капиталистического хозяйства. Больше того, эта противоположность формы и содержания целиком вытекает из закона стоимости, отличительное свойство которого напоминает циркового трансформатора, способного в одно и то же время выполнять различные роли и появляться перед публикой в самых разнообразных костюмах ³⁰.

Можно на математическом примере доказать своеобразный характер дифференциальной ренты, ее специфическую форму, глубоко отличную от той формы стоимости, в которой выступает абсолютная рента. В образовании последней основную роль играет прибавочная стоимость земледельческой сферы, не поступающая в общий процесс уравнивания прибылей благодаря монополевой земельной собственности. Абсолютная рента равна разнице между ценой производства и стоимостью товара земледельческой сферы. И здесь абсолютная рента в той мере является вычетом из общественного фонда прибавочной стоимости, в ка-

³⁰ Необходимо отметить слабую разработку вопроса о форме дифференциальной ренты в нашей теоретической экономической литературе. Принято довольствоваться простым положением, что дифференциальная рента происходит из различия естественного плодородия, т. е. из того условия, что капиталы, затраченные в лучшую почву, реализуют на рынке избыток над средней прибылью. В лучшем случае, у некоторых это положение расширяется небольшим пояснением насчет источников ренты, но и это пояснение дальше голого утверждения, что дифференциальная рента имеет своим источником тот или другой «фонд» прибавочной стоимости, не идет. Механика перехода прибавочной стоимости из одной сферы в другую не показана и не вскрыта, как не вскрыт и не пояснен диалектический характер связи формы и субстанции ренты, а между прочим, на наш взгляд,—это важнейший методологический узел всей проблемы дифференциальной ренты как одного из наиболее сложных явлений капиталистического хозяйства.

кой прибавочная стоимость земледельческой сферы принимает участие в процессе образования средней нормы прибыли. Источник абсолютной ренты очевиден, он находится в сфере самого земледелия.

Дифференциальная рента выступает как непосредственный вычет части прибавочной стоимости из всего общественного фонда ее, но вычет ренты совершается в форме фиктивного возрастания стоимости всего общественного продукта. На примере Солнцева фиктивность возрастания стоимости общественных продуктов показана убедительно. Так, если взять пример общих условий простого воспроизводства, где второе подразделение (производство средств потребления) состоит из однородных во всех отношениях капиталов, то восстановление предпосылки для нового производственного цикла произойдет без какого-либо нарушения в величине стоимости всего общественного продукта.

$$\begin{array}{l} \text{I. } 240c + 120v + 120m = 480 \text{ (ср. произв.)} \\ \text{II. } \begin{cases} 120c + 60v + 60m = 240 \text{ (ср. потр.)} = 80 \text{ ед. прод.} \\ 120c + 60v + 60m = 240 \text{ (» »)} = 80 \text{ » »} \end{cases} \\ \hline 240c + 120v + 120m = 480 \text{ (ср. потр.)} = 160 \text{ ед. прод.} \end{array}$$

Капиталы двух подразделений, I и II, равны между собой; v и m первого подразделения равны c второго, воспроизводство совершается нормально. Капиталисты первого и второго подразделения приобретают 80 ед. продуктов земледелия; то же самое — рабочие обоих подразделений. Резкое изменение мы получим в том случае, если каждый капитал второго подразделения будет обладать не одинаковой производительностью, хотя общая масса земледельческих товаров не изменится:

	Цена произ.	Рыночная стоимость зем. товар.	Рента
$120c + 60v + 60m = 240$ (60)	4	240	0
$120c + 60v + 60m = 240$ (100)	2,4	400	160

В результате изменения производительной силы капиталов и того, что товары, производимые капиталом с более высокой производительностью, реализуют рыночную стоимость товаров с более высокой индивидуальной стоимостью, — общая рыночная стоимость всей массы товаров земледельческой сферы возросла с 480 р. до 640 р., т. е. на 160 р. Следовательно для того, чтобы возможно было восстановление условий простого воспроизводства без понижения реальной заработной платы рабочих, необходимо повысить номинальный размер ее. Это совершается посредством вычета соответственной части прибавочной стоимости из общей суммы прибыли, получаемой капиталистами каждого подразделения.

$$\begin{array}{l} \text{I. } 240c + 120v + 40v (= 160v) + 120m - 40m (= 80m) = 480 \\ \text{II. } 240c + 120v + 40v (= 160v) + 120m - 40m (= 80m) = 480 \end{array}$$

Реальная заработная плата рабочих сохранена, но понизились массы прибыли в каждом подразделении на 40. Это понижение вызвано тем, что для сохранения за рабочими количества необходимых для воспроизводства их рабочей силы потребительных

ценностей нужно было повысить их зарплату со 120 р. до 160 р., т. е. на 40 р., ибо, то, что раньше рабочие могли приобрести (40 ед. прод.) за 120 р., то теперь возможно приобрести за 160 р. Но сохранение за рабочими реальной заработной платы понизило как массу прибыли, так и платежеспособный спрос капиталистов; на оставшиеся 80 *m* прибыли капиталисты каждой сферы смогут приобрести только по 20 ед. земледельческих товаров. Общая сумма потребительных ценностей, падающая на обе отрасли производства, равна 120 (40+40+20+20=120), остающиеся 40 единиц, выраженные в рыночной стоимости=160 *m*, переходят в руки землевладельцев в форме земельной ренты.

Здесь важно для анализа то обстоятельство, что вся действительная стоимость, которая выражается в 480 р., уже реализована в процессе обмена между двумя подразделениями, тогда как эти 40 единиц, фигурирующие под титулом стоимости и равные 160 *m*, носят форму последней (т. е. стоимости) лишь по принуждению, в силу специфических свойств самого закона стоимости. Вот почему Маркс и называет ее обманчивой социальной стоимостью.

В этой постановке вопроса об источнике и характере дифференциальной ренты приобретает особый смысл известное положение Маркса о невозможности объяснить ренту одним фактом существования прибавочной стоимости³¹.

Те условия, которые объясняют прибавочную стоимость, не могут служить объяснением ренты, как совершенно особой и самостоятельной категории капиталистического хозяйства. Производство прибавочной стоимости и ее распределение не одно и то же; рента, предпринимательская прибыль, процент суть части прибавочной стоимости, но они объяснимы не общими условиями производства прибавочной стоимости, а характером распределения капиталистического дохода, участие в котором принимает не один класс промышленных капиталистов, а различные классы и классовые группы капиталистического общества (промышленные капиталисты, финансовые, землевладельцы и т. д.). Форму, в какой прибавочная стоимость выступает как доход того или иного класса, нельзя «сводить» просто к прибавочной стоимости, т. е. нельзя отождествлять ее с последней. Форма (прибыль, процент, рента) сама существует как объективированная категория капиталистического хозяйства, как категория, отличная от прибавочной стоимости и одновременно вытекающая из нее.

При объяснении прибыли и ренты метод редукции не применим, ибо «сведением» этих категорий к их простейшей субстанции—прибавочной стоимости—стирается специфический характер их, выхолащивается то особое качество, которое отличает

³¹ «Всякая земельная рента есть прибавочная стоимость, продукт прибавочного труда. В своей неразвитой форме, в форме натуральной ренты, она еще непосредственно является прибавочным продуктом. Отсюда то заблуждение, будто та рента, которая соответствует капиталистическому способу производства и которая всегда представляет излишек над прибылью, т. е. над той частью стоимости товара, которая сама состоит из прибавочной стоимости (прибавочного труда)—будто эта особая и специфическая составная часть прибавочной стоимости получает должное объяснение, раз будут объяснены общие условия существования прибавочной стоимости и прибыли вообще». («Капитал», т. III, ч. 2, с. 175).

данные категории от их непосредственной и общей субстанции—прибавочной стоимости.

По крайней мере на опыте анализа дифференциальной ренты мы имели возможность убедиться, что голое повторение той истины, что рента есть часть прибавочной стоимости, ничего не вносит нового в понятие ренты и не поясняет особый характер ее. Солнцев, поставивший вопрос об источнике ренты, дал только общее математическое выражение последней и дальше простой констатации фактов не сумел пойти. Больше того, он даже не подозревает, что задача заключается не только в умении математически обосновать способ вычета ренты из общего фонда прибавочной стоимости в процессе простого воспроизводства, но и в правильном объяснении специфического характера дифференциальной ренты, вытекающей из того исторического способа производства, основным законом которого выступает закон трудовой стоимости.

Я. ЛЕЙБМАН

ОБ ОДНОЙ ПРАВООППОРТУНИСТИЧЕСКОЙ «ТЕОРИИ» ВОСПРОИЗВОДСТВА В СССР

(По поводу брошюры И. Бялого «Проблема воспроизводства в хозяйстве СССР»)

Нельзя не согласиться с автором разбираемой брошюры, что проблема воспроизводства—одна из сложнейших проблем теории советского хозяйства. Без всякого понимания взаимоотношений классов, без правильной оценки соотношения экономики и политики в переходный период невозможно понять процесс воспроизводства в советском хозяйстве. На примере критикуемого автора мы сможем лишний раз убедиться в этом, как и в том, что неоднократные упоминания проблемы «кто-кого», при непонимании взаимоотношений пролетариата и крестьянства, Юньюд не спасают от ската на позиции оппортунизма.

Мы заранее оговариваемся, что совершенно не касаемся первой части книжки о воспроизводстве и кризисах в капиталистическом хозяйстве, поскольку она играет роль вступления к обоснованию безусловно правильной мысли о недопустимости механистического применения схем воспроизводства Маркса к условиям советского хозяйства. Нас в первую очередь интересует вопрос о том, как автор ставит и разрешает проблему воспроизводства в СССР с точки зрения тех классовых сдвигов, которые этот процесс означает и вызывает,—или, как говорит автор в предисловии, с точки зрения «социально-экономических моментов проблемы воспроизводства в условиях нэпа».

Советская экономика, будучи экономикой переходного периода от одной законченной общественной формации к другой, вместе с тем являет собой определенное единство. Отрицание за нашей экономикой единства при последовательном продумывании вопроса неизбежно должно привести на позиции, отстаивавшиеся в свое время т. Преображенским, изображавшим новую экономику как механическое соединение двух противодействующих сил (частное хозяйство и соц. сектор) и не видевшим всей сложнейшей системы взаимодействий, сопровождающих процесс переделки экономики переходной в социалистическую. С другой стороны, признание единства, нашей экономики при непонимании взаимодействия и борьбы, составляющих это единство противоположных и антагонистических сил, как показал опыт правого уклона, неизбежно ведет к оппортунизму. Известно, основная ошибка правого уклона заключалась в том, что, подчеркивая единство советской экономики, теоретики правого уклона забывали проблему «кто-кого», лежащую в основе

борьбы за социалистическое строительство. Это так сказать наиболее «чистая» форма проявления правого уклона. Но к не менее оппортунистическим выводам неизбежно приходит и тот, кто не понимает самую проблему «кто-кого», кто ставит исход этого поведения в зависимости от борьбы социалистических элементов лишь с капиталистическими элементами экономики, кто не понимает, что это борьба за руководство крестьянством, кто не видит, что обязательным условием благоприятного для социализма разрешения этой проблемы является борьба с капиталистическими элементами и преодоление товарно-капиталистической тенденции простого товарного хозяйства путем его социалистической переделки. При таком понимании проблемы «кто-кого», лишь как борьбы социалистических элементов с капиталистическими, — последняя (проблема «кто-кого») предстает перед нами в высшей степени упрощенной и в ходе дальнейших рассуждений, в применении к тому или иному вопросу советского хозяйства, незаметно выпадает.

Если исследователь, видя борьбу между социалистическими и капиталистическими элементами, не замечает вместе с тем известных противоречий и борьбы (иного рода, в иных формах) между социалистической тенденцией пролетариата и товарно-капиталистической тенденцией крестьянства, то неминуем приход его к теории самотечного вставания крестьянства в социализм со всеми вытекающими отсюда правооппортунистическими последствиями. Ибо проблема «кто-кого» не есть проблема борьбы социализма лишь с капиталистическими элементами, но и борьбы с товарно-капиталистической тенденцией простого товарного хозяйства, хотя характер и тип борьбы в этом случае иной: задача тут не в уничтожении, а в переделке. Если бы задача была только в уничтожении капиталистических элементов, взятых сами по себе, то удельный вес капиталистических элементов в нашей экономике не так уж велик, чтобы эта проблема стала основной решающей проблемой нашего продвижения к социализму. «Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет собой борьбу первых шагов коммунистически-объединенного в едином масштабе громадного государства труда с мелким товарным производством и с сохранившимся, а равно и с возрождающимся на его базе капитализмом»¹. Следовательно, учитывая совпадение интересов пролетариата и крестьянства в вопросах коренных и основывающуюся на этом возможность смычки и социалистической переделки крестьянского хозяйства, ни в коем случае не следует забывать, что простому товарному хозяйству присуща именно товарно-капиталистическая тенденция. Поэтому-то в социализм крестьянство может включиться не самотеком, как казалось теоретикам правых, а лишь в результате воздействия на него, руководства переделкой его со стороны пролетариата. «Можно ли, следовательно, сказать, что мелкотоварное крестьянское хозяйство в своей основе однотипно с социалистическим производством в городе? Очевидно, нельзя этого сказать, не разрывая с марксизмом» (Сталин).

Отсюда следует, что, рассматривая процесс воспроизводства в СССР, ни в коем случае не следует забывать о простом товарном

1 Ленин, Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата.

хозяйстве как самостоятельной социальной категории, которая вступает в определенные взаимоотношения как с капиталистическими элементами нашей экономики, так и с социалистическим сектором ее. Тот, кто в процессе анализа воспроизводства в СССР игнорировал бы это требование, пришел бы к неизбежному зачислению простого товарного хозяйства либо по «ведомству» капитализма («частное хозяйство»—Преображенского), либо по «ведомству» социализма (подоснова теории самотека—Бухарина). Мы увидим ниже, что существует «третий выход»—равномерное или не совсем равномерное распределение простого товарного хозяйства по обоим полюсам, очевидно, из соображений... облегчения анализа. Так или иначе, наличие в нашей экономике двух основных противоположных тенденций отнюдь не дает права рассматривать процесс воспроизводства в СССР как воспроизводства либо капиталистических, либо социалистических производственных отношений, как изменение соотношений лишь между этими двумя типами производственных отношений. Ибо при таком подходе проблема «кто-кого» будет разрешена чрезвычайно просто: без борьбы за крестьянство, либо в пользу капитализма (теория невозможности построения социализма в нашей стране), либо в пользу социализма («теория» не и з б е ж н о г о в р а с т а н и я к р е с т ь я н с т в а с а м о т е к о м в с о ц и а л и з м). Именно потому, что проблема «кто-кого» решается в зависимости от того, «за кем пойдет крестьянство», необходимо рассматривать процесс воспроизводства в свете 3 основных типов производственных отношений, изменений, происходящих в них самих, и изменений, происходящих в соотношении и взаимодействии каждого из них с другими типами отношений нашей экономики. При том надо иметь все время в виду руководящую, ведущую роль социалистического сектора, союз рабочего класса с основными массами крестьянства для преодоления товарно-капиталистической тенденции простого товарного хозяйства и направления его развития на социалистический путь, а также борьбу социалистических элементов с капиталистическими за руководство простым товарным хозяйством, за социалистическую переделку всей переходной экономики.

После этих предварительных замечаний можно приступить к изложению и критике центральных положений т. Бялого по этому вопросу. Правильно утверждая, что за схемами воспроизводства Маркса следует видеть классы капиталистического общества, правильно критикуя попытки механического перенесения этих схем в условия переходной экономики, правильно подчеркивая необходимость вскрытия за процессом воспроизводства в СССР взаимоотношений классов и передвижек в их соотношении, автор приходит к прямо-таки губительным для его теории выводам в положительном изложении. Говоря о связи госхозяйства с другими секторами, автор заявляет: «С абстрактно-производственной точки зрения нет принципиальной разницы в том, с кем связывается государственная промышленность: с середняком или с кулаком; и в том и в другом случае имеет место процесс установления разделения труда между городом и деревней. Однако, если отказаться от недопустимой абстрактно-производственной точки зрения и включить в анализ проблему воспроизводства производственных отношений, то указанные два варианта связи промышленности с сельским хозяйством окажутся двумя принципиально-отличными путями развития».

в первом случае будет иметь место включение средняцкого хозяйства в процесс социалистического накопления, в то время как во втором случае наоборот — использование прибавочного продукта государственной промышленности капиталистическим сектором в целях стимулирования воспроизводства капиталистических отношений» (с. 56—57). «...Поскольку хозяйства простых товаропроизводителей связываются с социалистическим сектором, способствуют его укреплению и развитию и вместе с тем сами развиваются под все усиливающимся влиянием с его стороны, они становятся фактором социалистического накопления, фактором воспроизводства социалистических отношений. На основании этого и возможно считать, что в настоящее время основная часть мелкотоварных хозяйств в той или иной форме и степени входит в процесс воспроизводства социалистических отношений»... (с. 59). «Совершенно ясно, что та часть простых товаропроизводителей, которая связалась не с социалистической промышленностью, а с капиталистическим сектором, входит составной частью в процесс капиталистического накопления». «...Воспроизводства отношений простого товарного производства как таковых в этом случае также не происходит» (с. 60).

Разберемся в этих рассуждениях т. Вялого. Автор утверждает, что 1) если благо из государственного хозяйства пошло в порядке связи не в кулацкое хозяйство, а в средняцкое, то тем самым имеет место включение этого средняцкого хозяйства в процесс социалистического накопления; 2) воспроизводство той части простого товарного хозяйства, которая связана с социалистическим сектором, должно быть включено при рассмотрении в сферу воспроизводства социалистических производственных отношений; 3) воспроизводство той части простого товарного хозяйства, которая связывается с капиталистическими элементами экономики, должно быть включено в сферу воспроизводства капиталистических производственных отношений; 4) воспроизводство отношений простого товарного хозяйства как таковых у нас не происходит; 5) отсюда — каждый новый производственный цикл означает, что простое товарное хозяйство одной своей частью служило делу социализма, другой — делу капитализма; 6) в настоящее время подавляющая масса простого товарного хозяйства должна быть рассматриваема как составная часть процесса воспроизводства социалистических производственных отношений.

Вот основные утверждения нашего автора по этому вопросу. Замечательно... «та часть, которая» и «та же часть, которая...». Совсем, как в коробочках. А не бывает разве так, что одна и та же «часть» простого товарного хозяйства связана и с социалистическим сектором и с капиталистическим? Разве не бывало и не бывает и сейчас, что крестьянин, сдав часть своей продукции государству по контракции, продает другую ее часть кулаку и спекулянту?

Тов. Бялый лишает нас всяких перспектив и надежд на отрыв этой «части» простого товарного хозяйства от капиталистического пути; она уже безоговорочно зачислена им в систему капиталистических производственных отношений. Тов. Бялый проделал тут в миниатюре (только «часть») то, что в применении ко всему,

простому товарному хозяйству проделал в свое время т. Преображенский. Но последний хотя бы объединил капиталистическое и простое товарное хозяйство понятием «частное хозяйство», между тем как т. Бялый прямо зачислил часть простого товарного хозяйства в систему капиталистических производственных отношений. Он очевидно забыл, что «конечно мелкокрестьянское хозяйство не есть еще капиталистическое хозяйство» (Сталин). Или т. Бялый считает, что включение в систему воспроизводства капиталистических производственных отношений не есть еще установление идентичности? Но понятно, не этот грех главный, хоть он и немаловажный: ведь вместо анализа действительного взаимодействия, скрещивания сил и борьбы за руководство простым товарным хозяйством получается... своеобразное разделение сфер влияния между социализмом и капитализмом в простом товарном хозяйстве.

Мы видим, далее, что автор некритически валит в одну кучу вопрос о воспроизводстве в период восстановительный и в период реконструкции, не различая никаких этапов в нашей переходной экономике. Возьмем например вопрос о воспроизводстве отношений простого товарного хозяйства. Автор считает, что такового вообще не происходит. Ну, для восстановительного периода, чтобы долго по этому вопросу не спорить, представим т. Бялому такой авторитетный документ, как решение XV партконференции: «Последние годы с полной ясностью обнаружили, что на основе национализации земли, экономической и общей политики советской власти (помощь бедняцкой и середняцкой массе крестьянства, рост кооперации, землеустройство, кредит, налоговая политика и т. п.), в условиях общего подъема народного хозяйства, происходит экономический подъем основных крестьянских масс, в том числе и значительной части бедняцких масс крестьянства (сокращение безлошадности и малопосевных хозяйств)». Нетрудно заметить, что т. Бялый своим утверждением о невозможности отношений простого товарного хозяйства попал в «острый конфликт» с приведенным решением XV партконференции. Мы постараемся ниже показать, что охват крестьянского хозяйства потребителско-сбытовой кооперацией в период восстановления отнюдь не означал еще того, что утверждает т. Бялый, будто не было воспроизводства отношений простого товарного хозяйства как таковых. Что касается периода реконструкции, то и он имеет свои этапы, и хотя основное ударение партия сейчас делает на коллективизацию, хотя 24,1% всех крестьянских хозяйств уже сейчас по СССР охвачены коллективизацией, хотя партия намечает завершение сплошной коллективизации к концу пятилетки, однако, это не значит, что даже на данном этапе реконструктивного периода не происходит процесса воспроизводства отношений простого товарного хозяйства (мы тут совершенно не касаемся суженное ли или расширенное это воспроизводство). Тов. Бялый в своих рассуждениях пытается опереться на высказывания Ленина о двух возможных путях развития крестьянского хозяйства и судьбах советского государства в зависимости от выбранного крестьянством пути. Нетрудно заметить, что Ленин никак не склонен поддерживать т. Вялого в его механистических рассуждениях. Понятно, что если бы крестьянство стало на капиталистический путь развития и победил бы капитализм в

нашей стране, то простое товарное хозяйство включилось бы в систему воспроизводства капиталистических производственных отношений, ибо оно превратилось бы в придаток к ведущему капиталистическому хозяйству. Но речь ведь идет о советской экономике, где ведущим укладом является уклад социалистический, который борется с капиталистическим укладом за крестьянство. Понятно, когда мы осуществим сплошную коллективизацию и на основе этого ликвидируем кулачество как класс, не будет воспроизводства отношений простого товарного хозяйства. Ибо хозяйство, бывшее таковым, стало социалистическим через обобществление, ибо вся экономика стала социалистической. Но ведь речь идет о воспроизводстве отношений простого товарного хозяйства в переходной экономике. И когда автор уже в этих условиях заявляет об абсолютной невоспроизводимости отношений простого товарного хозяйства, да к тому же подавляющее большинство простых товаропроизводителей зачисляет в круг воспроизводства социалистических производственных отношений, то он по меньшей мере принимает желаемое и возможное за сущее.

Но самое грубейшее, без преувеличений, правооппортунистическое извращение действительного процесса заключается в утверждении, что раз простое товарное хозяйство связано с социалистическим сектором, то оно тем самым включено в круг воспроизводства социалистических производственных отношений. Неужели т. Бялый не понимает того, что та или иная форма связи госхозяйства с единоличником еще не включает это единоличное простое товарное хозяйство в круг воспроизводства социалистических производственных отношений? Ведь под воспроизводством социалистических производственных отношений мы понимаем воспроизводство отношений, основанных на общественной собственности на средства производства. Ведь если сделать соответствующий вывод, то пожалуй получится, что достаточно простого систематического снабжения государственным хозяйством простого товарного хозяйства и связи с ним, чтобы последнее включилось в социалистический сектор. Неужели т. Бялый не замечает, что в приведенном им случае простое товарное хозяйство противостоит государственному хозяйству как владелец товара своего единоличного хозяйства, которым он обменивается с государственным хозяйством? Ведь этим своим утверждением т. Бялый вплотную подходит к утверждению правых, что достаточно развития производительных сил при «отпертом товарообороте», чтобы крестьянское хозяйство без коллективизации (ибо т. Бялый ведь включает в сферу воспроизводства соц. производственных отношений не колхоз, а простое товарное хозяйство) вросло в социализм. Тов. Бялый забыл, что для того, чтобы этот простой товаропроизводитель включился в систему социалистических производственных отношений, он до того должен, по удачному выражению т. Калинина на московском активе, сделать скачок из одной ипостаси в другую, т. е. должна быть преодолена товарно-капиталистическая тенденция, свойственная ему, путем обобществления. «Конечно,—говорит т. Сталин,—крестьянское хозяйство не есть еще капиталистическое хозяйство. Но оно в своей основе однопипно с капиталистическим хозяйством, так как опирается на частную собственность на средства производства. Ленин тысячу раз прав, когда он говорит в своих заметках по поводу

книжки т. Бухарина об «Экономике переходного периода» о «товарно-капиталистической тенденции крестьянства в противоположность социалистической тенденции пролетариата»... Ленин говорил, что крестьянство есть последний капиталистический класс. Верно ли это положение? Да, безусловно верно». По Бялому достаточно одной лишь связи с социалистическим сектором, чтобы эта товарно-капиталистическая тенденция простого товарного хозяйства была снята. Партия считает, что проблема «кто кого» может быть разрешена только при условии преодоления путем обобществления этой товарно-капиталистической тенденции. Для Бялого же эта товарно-капиталистическая тенденция простого товарного хозяйства, а следовательно, противоречия между пролетариатом и крестьянством, а следовательно, и проблема «кто—кого» во всей экономике уже снята, поскольку преобладающая часть простого товарного хозяйства уже связалась с социалистическим сектором. И не случайно, что по Бялому, как видно из приведенной выдержки, воспроизводство подавляющего большинства простого товарного хозяйства уже следует рассматривать как воспроизводство социалистических производственных отношений. Иначе говоря, проблема «кто—кого» разрешена уже не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. И разрешается она по Бялому даже без коллективизации. Несмотря на неоднократные упоминания проблемы «кто кого», т. Бялый, не понимая этой проблемы, не видя известных противоречий между пролетариатом и крестьянством, не видя товарно-капиталистической тенденции в простом товарном хозяйстве, пришел к теории самотечного вращения крестьянства в социализм. И тут т. Бялый пошел, пожалуй, дальше Бухарина и его учеников. Те хоть говорили о процессе вращения крестьянства в социализм. А т. Бялый просто зачислил подавляюще большую часть простого товарного хозяйства в «сферу воспроизводства социалистических производственных отношений». Сталин говорит: «Я думаю, что классовая борьба в нашей стране (если иметь в виду отношение между городом и деревней, между пролетариатом и крестьянством) имеет 3 главных фронта: а) фронт борьбы между пролетариатом в целом (в лице государства) и крестьянством по линии установления предельных цен на фабрикаты и сельскохозяйственные продукты, по линии нормализации налогового дела и т. п.»². Этот фронт ясно может быть снят только устранением товарно-капиталистической тенденции простого товарного хозяйства, через переход его в иное, социалистическое качество. Попробуйте найти этот фронт борьбы в концепции т. Бялого.

Скатившись на оппортунистические позиции в этом важнейшем звене проблемы воспроизводства в СССР, т. Бялый вынужден смягчить критику точки зрения правых в этом вопросе. Вот к чему он сводит ошибку правых: «Если троцкизм рассматривает простое товарное хозяйство как капиталистическое, то правые оппортунисты рассматривают капиталистическое хозяйство как простое товарное; утверждая, что кулак вращается в социализм, правые по существу исходят из того, что в нашей экономике имеет место единый тип воспроизводства производственных отно-

² «Вопросы и ответы», с. 26.

шений» (с. 63). И это все? И только в этом ошибка правых? Нет, т. Бялый, ошибка правых отнюдь не исчерпывается теорией вращающегося кулака в социализм. Вам должно быть известно, что в сокровищнице правых есть еще «теория самотека». Ведь по существу «теория мирного вращающегося кулака в социализм» вытекает из «теории самотека». Раз даны рамки диктатуры пролетариата, крестьянство неизбежно (как в условиях капиталистических в капитализме) вращается без всякой борьбы за него, без коллективизации, в социализм. А раз это так, раз у кулака никаких шансов на отрыв крестьянства от социалистического пути нет, то ничего не остается ему делать, как «сдаться на милость победителя» и... самому вращаться в социализм. Почему бы т. Бялому не критикнуть эту «теорию самотека»? Тем более, что она в плане его темы.

Неверно критикует т. Бялый, исходя из своей концепции и ошибки троцкистов в этом вопросе: «Троцкизм исходит из того, что социалистическое накопление, т. е. воспроизводство социалистических отношений происходит лишь в сфере социалистического сектора». Не в том ошибка троцкистов, что они видят воспроизводство социалистических производственных отношений только в социалистическом секторе, а в том, что они не видят возможности переделки простого товарного хозяйства на социалистический лад и тем самым возможность включения его уже с измененной социальной природой в систему воспроизводства социалистических производственных отношений. А т. Бялый ухитрился узреть ошибку троцкистов в том, что они... не последовали его примеру.

Нам представляется, что основной, отправной так сказать грех концепции т. Бялого заключается в том, что он спутал сферу воздействия, влияния и руководства социалистических командных высот со сферой воспроизводства социалистических производственных отношений. Тов. Бялый таким образом упустил, что в развитии простого товарного хозяйства при переходе его из сферы воздействия социалистического ведущего уклада в сферу воспроизводства социалистических производственных отношений лежит момент скачка, превращения этого простого товарного хозяйства в хозяйство социалистическое через обобществление и тем самым отрицание простого товарного хозяйства как такового. До этого же момента простое товарное хозяйство, все более подпадающее при правильной политике под руководство и влияние социалистических производственных отношений, все же не включено еще в этот круг воспроизводства социалистических производственных отношений.

Мы уже говорили в начале статьи о том, что переходная экономика при всей противоречивости составляющих ее элементов представляет собой единство, в котором ведущую роль играет социалистический сектор. Если рассматривать процесс воспроизводства во всей переходной экономике в целом, то при правильной политике пролетариата этот процесс означает расширенное воспроизводство социалистических производственных отношений, успешное преодоление отношений капиталистических через борьбу с ними и переделку отношений простого товарного хозяйства в отношении социалистические на основе смычки пролетариата и крестьянства и руководства процессом обобществления. Иначе

говоря, процесс расширенного воспроизводства в таком случае будет означать собой успешное продвижение к социализму. Но видя этот путь движения всей переходной экономики, нельзя вместе с тем упускать из виду того, что часть производительных сил и в таком случае все же воспроизводится во враждебной социалистическому строительству капиталистической форме, а другая часть—в общественной форме, хоть и не идентичной с капитализмом, но все же находящейся в противоречии с социалистическими производственными отношениями и из которой в известных условиях могут вырастать капиталистические производственные отношения. Отсюда вывод, что, анализируя воспроизводство в СССР, надо иметь в виду те процессы, которые означает процесс воспроизводства для трех основных типов производственных отношений, характерных для нашей экономики. Необходимо проследить те сдвиги, которые происходят в их соотношении, и то влияние, которое оказывает воспроизводство каждого из них на вступающие в определенные взаимоотношения с ним другие секторы. Другое основное требование—это иметь в виду различие и в этом отношении между восстановительным и реконструктивным периодом. Что же представляет собой процесс воспроизводства в СССР в период восстановления? Мы знаем, что период восстановительный характерен накоплением и подготовкой сил к развертыванию наступления на капиталистические элементы. Понятно, и в период восстановительный шло развитие социалистического госхозяйства и внедрение элементов социализма в сельское хозяйство. Понятно, что этот процесс продвижения к социализму в период восстановления мог происходить лишь на основе правильной политики пролетариата на укрепление смычки с основными массами крестьянства, на охват его первичными формами кооперирования, на борьбу с капиталистическими элементами. Но такие решающие черты развернутого наступления, как индустриализация, сплошная коллективизация, ликвидация кулачества как класса,—не стояли и не могли стоять в порядке дня периода восстановления.

Учитывая все это, мы должны перейти к вопросу о характере процесса воспроизводства в период восстановительный с точки зрения соотношения и взаимоотношений 3 основных типов производственных отношений—переходной экономики.

Период восстановительный был периодом развития производительных сил в форме всех этих 3 основных типов производственных отношений. Что касается отношений простого товарного хозяйства, то мы выше уже привели выдержку из решений XV партконференции, свидетельствующую о том, что здесь мы имели расширенное воспроизводство этого типа отношений. Процесс расширенного воспроизводства отношений простого товарного хозяйства происходил на основе роста производительных сил в этой общественной форме, причем вся политика пролетарского государства была направлена на максимальное развитие производительных сил этого типа хозяйства. Процесс этого развития сопровождался известным расслоением, но основной массив не размывался, в силу специфических особенностей советского хозяйства и экономической политики пролетариата. Расширенное воспроизводство производительных сил этого типа хозяйства протекало в форме расширенного воспроизводства отношений простого товарного хозяйства.

За этот же период шло развитие форм потребительско-сбытового кооперирования крестьянства, что однако отнюдь не снимало отношений простого товарного хозяйства как таковых. Владимир Ильич, говоря о кооперации как о социалистической форме хозяйства, исходил при этом из своего кооперативного плана в целом, — плана, венчаемого коллективизацией. Партия никогда не рассматривала потребительско-сбытовой кооперирование как самоцель, а как средство, как наиболее понятную крестьянству форму подготовки его к производственному кооперированию. Кто стал бы утверждать, что охват значительных масс крестьянства в восстановительный период потребительско-сбытовой кооперацией дает основание рассматривать простое хозяйство как часть сферы воспроизводства социалистических производственных отношений, тот неизбежно пришел бы к интерпретации кооперативного плана в духе правых, ибо ведь именно они считали достаточным охват крестьянства формами потребительско-сбытового кооперирования для врантия середняка в социализм. Отсюда, хотя кооперирование в первичных его формах сыграло величайшую роль в деле подготовки обобществления, за которым простое товарное хозяйство включается в систему социалистических производственных отношений, хотя эта стадия осуществления кооперативного плана Ленина сыграла величайшую роль в деле внедрения элементов социализма в сельское хозяйство социалистических производственных отношений, все же она не снимала воспроизводства отношений простого товарного хозяйства, как таковых, в период восстановления. Итак, в отношении простого товарного хозяйства можно сделать вывод о расширенном воспроизводстве этого типа отношений.

Был ли враждебен этот процесс расширенного воспроизводства отношений простого товарного хозяйства нашему движению к социализму? Тут нужно учесть и положительные с точки зрения социализма и отрицательные стороны этого процесса. Причем заранее можно сказать, что положительных сторон было подавляюще больше в этом противоречивом процессе, вытекающем из двойственной природы мелкого товаропроизводителя. Положительные стороны этого процесса заключались в том, во-первых, что благодаря развитию простого товарного крестьянского хозяйства создавалась сырьевая и продовольственная база для восстановления и развертывания промышленности. Положительная сторона заключалась и в том, что рост производительных сил простого товарного хозяйства при связи с социалистическими командными высотами, при охвате первичным кооперированием — означал создание предпосылок для обобществления. Развитие производительных сил крестьянского хозяйства, во-вторых, показывало крестьянину, что пролетариат умеет руководить народным хозяйством, и тем воспитывалось и укреплялось в крестьянстве доверие к его руководителю в блоке. С другой стороны, однако расширенное воспроизводство отношений простого товарного хозяйства расширяло ту питательную базу, из которой в условиях свободы торговли «каждодневно, каждочасно, вновь и вновь рождается капитализм иначе говоря, вело к известному усилению мелкобуржуазной стихии в стране. Расширенное воспроизводство отношений простого товарного хозяйства усиливало в крестьянине тенденции к частнохозяйственному накоплению. Понятно, этот рост частнопредпри-

нимательской тенденции в известной мере ослаблялся растущим влиянием социалистического сектора на простое товарное хозяйство, охватом крестьянства формами потребительско-сбытового кооперирования и т. п. Процесс дробления, сопровождавший этот процесс расширенного воспроизводства, отношений простого товарного хозяйства создавал дополнительные затруднения делу обществления. Таков противоречивый процесс расширенного воспроизводства отношений простого товарного хозяйства в период восстановления.

Посмотрим, что происходит в этот же период в области капиталистических производственных отношений. Удельный вес капиталистических элементов в нашей экономике с осуществлением решений XIII партконференции безусловно падал, но в абсолютных цифрах капиталистические элементы все же росли. Таким образом и в области капиталистических производственных отношений мы имели процесс расширенного их воспроизводства.

За счет чего шло это расширенное воспроизводство? За счет накопления в самих капиталистических хозяйствах и за счет перерастания верхушечных групп простых товаропроизводителей в капитализм. Был ли враждебен и тогда делу социализма этот процесс расширенного воспроизводства капиталистических производственных отношений? Не может быть двух мнений на этот счет: проблема «кто—кого» есть проблема не только периода реконструкции. Это расширенное воспроизводство было враждебно делу социализма, ибо оно усиливало возможность влияния капиталистического сектора на простое товарное хозяйство, содействовало превращению части простого товарного хозяйства в капиталистическое, усиливало товарно-капиталистическую тенденцию в простом товарном хозяйстве, осуществлялось сплошь и рядом за счет прорех в государственном мешке, усиливало активность враждебных диктатуре сил, питая реставраторские тенденции.

Однако государство вынуждено было допустить этот неизбежный до поры до времени рост капиталистических элементов в силу объективного соотношения классовых сил: 1) сравнительная слабость социалистических командных высот, 2) слабость их влияния на том этапе на простое товарное хозяйство, 3) недостаточность сил государственно-кооперативного сектора торговли и необходимость максимального развязывания товарооборота, 4) невозможность замены производства капиталистических элементов производством социалистических элементов экономики. К тому еще, создавая своим ростом трудности для предстоявшего в дальнейшем процесса коллективизации, капиталистические элементы в тот момент не стояли непосредственно на пути коллективизации, и необходимость их решительного устранения не диктовалась непосредственно сплошной коллективизацией, как на данном этапе, ибо эта последняя не стояла в порядке дня восстановительного периода. Вот почему государство, применяя политику ограничения и вытеснения капиталистических элементов, допускало их рост в абсолютных цифрах, до поры до времени. «Вы можете арестовать и выслать десятки и сотни тысяч кулаков, но если вы одновременно с этим не сделаете всего необходимого для того, чтобы ускорить строительство новых форм хозяйства, заменить новыми формами хозяйства старые, капиталистические формы, подорвать и ликвидировать производственные источники

экономического существования и развития капиталистических элементов деревни—кулачество все одно возродится и будет расти»³.

Что касается сферы социалистических производственных отношений, то тут наблюдалось расширенное воспроизводство, питавшееся ростом социалистических производительных сил, переходом некоторой части простых товаропроизводителей на коллективное хозяйство (известное количество коммун и артелей), известной перекачкой производительных сил капиталистических элементов на основе политики их ограничения и вытеснения.

Таким образом, накопление и расширенное воспроизводство производительных сил в период восстановительный происходило в форме расширенного воспроизводства трех основных типов производственных отношений советской экономики. Это отнюдь не значит, что рядом на 3 плоскостях двигались 3 ящика. Мы видели выше характер взаимодействия и борьбы, происходивших между ними. Видя борьбу между двумя основными тенденциями в нашей экономике, не следует вместе с тем упускать из виду третий тип производственных отношений, роль которого в разрешении поединка «кто—кого» чрезвычайно велика.

Это значит, что в период восстановительный основная задача заключалась в накоплении известного уровня развития производительных сил для того, чтобы, накопив его, решительно двинуться на выкорчевывание корней капитализма в нашей экономике, на переделку той докапиталистической части экономики, социальная природа которой не была изменена фактом Октябрьской революции.

Перейдем теперь к периоду реконструктивному. Основная особенность этого периода в том, что пролетариат направляет свою концентрированную волю класса, стоящего у власти, для развернутой переделки: переделки технической, переделки общественных отношений. Он—пролетариат—не волен безгранично в своих действиях. Он в каждый данный исторический отрезок в своих мероприятиях ограничен объективными возможностями, объективным соотношением классовых сил в экономике. Но учитывая это соотношение, пролетариат отнюдь не берет курс на пассивное приспособление к нему, а на активное воздействие в сторону изменения самого этого соотношения. Если Октябрьская революция, экспроприировав экспроприаторов, тем самым дала первый скачок в деле обобществления, то в период реконструкции пролетариат организует и руководит вторым решающим скачком: скачком через обобществление простого товарного хозяйства в хозяйство социалистическое, тем самым выкорчевывая корни капитализма и создавая условия для уничтожения капиталистических элементов экономики. Но этот скачок не есть нечто одноактное. Это скачок, растянутый во времени, это процесс. Добившись обобществления одной массовой группы крестьянских хозяйств, пролетариат готовит следующий подъем движения к обобществлению. И одним из условий этой подготовки новых и новых масс крестьянства к коллективизации является внимательное отношение к середняку.

Процесс воспроизводства в советской экономике в период реконструктивный есть процесс интенсивного продвижения к концу переходного периода, к завершению построения фундамента со-

³ С г а л и н, Полигочет ЦК XVI съезду партии.

циалистической экономики. Новое тут, по сравнению с периодом восстановления, в том, что пролетариат на основе накопленных в предыдущий период предпосылок и переходит в развернутое наступление на капиталистические элементы экономики. Из этого вытекает и тот тип воспроизводства, который характерен для отдельных секторов нашей экономики в этот период.

Как разрешают вопрос о процессе воспроизводства в этот период некоторые наши авторы? Тов. Роках напр. (см. «Торгово-промышленную газету» от 29/III 1929 г.) считает, что вообще ни о каком расширенном воспроизводстве каких бы то ни было производственных отношений переходного периода не может быть и речи. Вот что он говорит: «Воспроизводятся ли и стремятся ли быть воспроизведенными те общественные отношения, которые у нас существуют, то соотношение классов, которое представляет характерную особенность переходного периода? Можно уверенно сказать, что нет». Трудно представить себе, что-либо более пуганое. Если рассуждать по Рокаму, то выйдет, что развитие производительных сил в переходной экономике совершается вне воспроизводства каких бы то ни было общественных отношений.

Тов. Ар. Виткуп в статье в журнале «Плановое хозяйство» № 7 за 1929 г. говорит: «В наших условиях имеет место расширенное воспроизводство социалистических производственных отношений, отрицательное расширенное воспроизводство капиталистических производственных отношений. При этом производственные отношения простого товарного сектора перерождаются в социалистические производственные отношения, но могут питать и капиталистические производственные отношения, что не мешает им (производственным отношениям простого товарного сектора) пока что «воспроизводиться расширенно». С последним положением автора нельзя согласиться. В период реконструкции движение советской экономики означает суженное воспроизводство отношений простого товарного хозяйства. Развитие производительных сил в крестьянском хозяйстве на определенном этапе через обобществление облекается в новую общественную форму, которая открывает совершенно новые возможности для самого развития производительных сил. Таким образом сфера отношений простого товарного хозяйства сужается, до поры до времени сохраняясь как сфера преимущественно единоличного крестьянского хозяйства. Происходит ли на первых этапах реконструкции перерастание простого товарного хозяйства в капиталистическое? Происходит, но чрезвычайно в заторможенной форме. Отсюда мы можем сделать вывод, что в период реконструкции, особенно в последний этап нэпа, процесс движения переходной экономики означает процесс суженного воспроизводства отношений простого товарного хозяйства.

Посмотрим, что означает процесс движения переходной экономики для капиталистических производственных отношений. Тут можно говорить о безусловном всеускоряющемся процессе суженного воспроизводства. Этот процесс суженного воспроизводства происходит на основе: 1) прямой передачи производительных сил кулацкого хозяйства другой общественной форме (колхозам) для ее расширенного воспроизводства, 2) усиления перекачки производительных сил кулака и нэпмана в социалистический сектор усилением налогового пресса, повышенными заданиями при

планировании хлебозаготовок и другими формами усиленного ограничения и вытеснения, 3) разорения капиталистических элементов города, 4) значительного ослабления возможностей эксплуатации простого товарного хозяйства, 5) приостановления процесса перерастания простого товарного хозяйства в капиталистическое. Таким образом в этой области в эпоху реконструкции мы видим сужение воспроизводства, которое перекрывается развитием производительных сил в социалистической общественной форме (совхозы, колхозы).

Что касается социалистических производственных отношений, то для них в период реконструкции характерно непрерывное и интенсивное расширенное воспроизводство на основе индустриализации, социалистической переделки крестьянского хозяйства, вызревания новой социалистической производительной силы труда и перехода производительных сил капиталистического сектора через ликвидацию кулачества как класса и передачу его имущества колхозам.

Отсюда вывод, что в период реконструкции движение советской экономики есть процесс развития производительных сил во все более расширяющейся социалистической общественной форме при все более суженном воспроизводстве отношений и простого товарного хозяйства и суженном воспроизводстве отношений капиталистических на основе развертывания процесса окончательной ликвидации последних. Преодолевая капиталистические производственные отношения, преодолевая одновременно с этим и тип отношений, являющийся питательной базой капиталистических отношений производства,—социалистический уклад ведет к окончательному разрешению проблемы «кто—кого» в пользу социализма. Этот процесс происходит в условиях жесточайшей борьбы, ибо сила сопротивления преодолеваемых классов до определенного момента обратно пропорциональна их все падающему удельному весу в советской экономике.

Вторую большую ошибку делает т. Бялый в вопросе о кризисах в СССР. Вскрыв в основном правильно причины переживаемых ныне нашей страной трудностей, показав классового врага за ними, автор строит, помимо того, систему рассуждений на тему о «теоретической мыслимости кризисов в СССР». Мы избавлены от возможности процитировать подряд соответствующие места из рецензируемой книжки и поэтому ряд положений передадим своими словами. Эти положения таковы: 1) «Не менее ясна разница между понятием кризиса и хозяйственных затруднений и в нашем хозяйстве...» (с. 109). 2) «Вопрос о возможности кризисов в советском хозяйстве сводится таким образом к вопросу о том, может ли внутреннее противоречие нашей экономики обостриться до такой степени, которая способна вызвать всеобщее нарушение процесса расширенного воспроизводства и временное сокращение всего общественного производства» (с. 110—111). 3) Такой кризис также теоретически мыслим в СССР. 4) Возможность его вытекает из возможности разрыва внутри сферы воспроизводства социалистических производственных отношений (тут он повторяет свою старую ошибку, которую мы выше критиковали) именно между госхозяйством и простым товарным. 5) «Отрыв крестьянства от государственной промышленности может быть вызван только

относительной слабостью последней в данный момент...» (с. 114). 6) «После разрыва с государственной промышленностью он (просто товаропроизводитель—Я. Л.) был бы обречен либо на натуральный способ производства, со всеми вытекающими из него последствиями, либо на связь с капиталистическим сектором...» (с. 111). 7) Госхозяйство в свою очередь, потеряв связи с простым товарным хозяйством, оказалось бы перед неминуемым фактом суженного воспроизводства, и наступил бы всеобщий кризис. 8) «З а т я ж н о й к р и з и с в нашем хозяйстве представлял бы собой процесс отрицательного воспроизводства материальных благ при расширенном воспроизводстве капиталистических производственных отношений» (с. 114). 9) «... возможность кризиса обуславливается не только субъективным фактором, но и независимым часто от него обострением внутренних противоречий нашей экономики» (с. 142). 10) «Строительство социализма происходит у нас в форме жестокой классовой борьбы, исход которой зависит не только от степени правильности политики» (с. 141).

Попытаемся разобраться во всем этом. Абстракция при исследовании общественных явлений не только допустима, но и является неотъемлемой частью метода Маркса. Но не всякая абстракция есть абстракция научная. Абстракция, «отвлекающаяся» от существеннейших сторон исследуемого социального явления, уходящая за пределы реальных классовых отношений, неизбежно ведет к неимеющим никакой научной ценности и извращающим действительный процесс схоластическим пустышкам. Кому неизвестно мнение Ленина о такого рода применениях абстракции хотя бы к вопросу о мировом тресте. К такого рода бессодержательнейшей и банальнейшей пустышке и пришел т. Бялый. Вместо того, чтобы, исходя из указаний Ленина, что «в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола...» и что, «чем яснее мы будем видеть перед собой этот двоякий исход (два возможных пути развития крестьянства—Я. Л.), чем яснее его будут понимать наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избежать раскола, который был бы губителен для советской республики», вместо того, чтобы, исходя из особенностей трудностей, говорить о возможности бескризисного развития СССР и путях превращения этой возможности в действительность,—вместо всего этого автор предпочел построить «всеобщую» теорию кризисов в СССР. «Всеобщую»—ибо никакого разграничения между восстановительным и реконструктивным периодом у него и в этом вопросе нет.

Нетрудно убедиться в том, что в основе этих рассуждений автора лежит абсолютное непонимание своеобразия соотношения экономики и политики в переходный период. Он весь «во власти стихии», и политика пролетарского государства в его представлении есть сила, которая может лишь корректировать этот стихийный процесс, но не играет важнейшей роли в переходный период, хотя и ограничена она (политика пролетариата) в каждый данный исторический отрезок объективным соотношением классовых сил и уровнем развития производительных сил.

И именно поэтому мы хотели бы начать критику с утверждения т. Бялого, что исход борьбы классов в переходный период зависит «не только» от политики пролетариата. Любопытно было

бы знать, что скрывается за этим «не только». «Любопытные» выводы получаются при такой установке. Выходит, что политика индустриализации, коллективизации, ликвидации кулачества как класса—все это еще не решает исхода борьбы в пользу пролетариата, не гарантирует построение социализма в нашей стране, ибо существует еще какая-то «объективная» сила «не только», которая должна сказать по этому вопросу последнее слово. Или выходит, что если партия положила бы в основу своей хозяйственной деятельности политику аграризации, то разрешение проблемы «кто—кого» в пользу социализма и при этой политике было бы возможно, если бы этот аноним «не только» действовал бы в пользу социализма. Чего стоят эти «мысли» т. Бялого хотя бы в свете такого рода утверждений Ленина: «Экономически и политически нэп вполне обеспечивает возможность постройки фундамента социалистической экономики»⁴.

Диктатура пролетариата, будучи установленной в результате конфликта между производительными силами и производственными отношениями капиталистического общества и разрыва цепи империализма в наиболее слабом ее звене, отнюдь не занимается после своего установления лишь фиксацией происходящих процессов и смягчением борьбы стихийно действующих сил. Диктатура пролетариата иными словами не есть бухаринская «оболочка сотрудничества классов». Опираясь на социалистические командные высоты, являющиеся составной частью диктатуры, опираясь на свою государственную власть во всем многообразии ее проявлений и возможностей, пролетариат, выполняя свою историческую миссию, активно вмешивается в экономический процесс и, соразмеряя шаги своей политики с соотношением классовых сил, переделывает переходную экономику в экономику социалистическую. Он направляет свою творческую и концентрированную волю господствующего класса на осознание происходящего процесса, но отнюдь не для приспособления к нему, а для его изменения, для реконструкции полученного им—пролетариатом—наследства. И эти-то элементарнейшие истины забыл т. Бялый.

Для нас абсолютно ясно, что переживаемые нами трудности имеют и свои объективные причины. Но ведь т. Бялый отрицает за государством возможность предотвращения кризиса, что в его толковании означает «всеобщее нарушение процесса расширенного воспроизводства и временное сокращение всего производства»⁵. Чего стоит это утверждение т. Бялого в свете хотя бы такого положения Сталина: «Правильная политика в отношении крестьянства есть нечто, зависящее целиком и полностью от нас и только от нас как партии, руководящей строительством социализма в нашей стране»⁶. И ведь эту свою аргументацию Бялый нап्रा-

⁴ «Ленинский сборник VIII», с. 68.

⁵ Вспоминается в связи с этим доклад т. Преображенского в Соц. академии на тему: «Экономические кризисы при нэпе». «Если,—говорит он там,—мы лучше организуемся для общего регулирования хозяйственной жизни, что уже вполне назрело, то хотя и не сможем освободиться совсем от хозяйственных кризисов при нэпе, тем не менее сможем их предвидеть, а следовательно, ослабить их вредные последствия для народного хозяйства» (с. 351).

⁶ «Вопросы ленинизма», с. 229.

вляет... против правого уклона. Тов. Бялый даже не замечает, что своей постановкой вопроса о возможностях пролетарского государства он скатывается на позиции правого уклона, для которого как раз и характерна явная недооценка роли политики пролетариата («план—прогноз», теория «самотека», призывы к ослаблению государственного регулирования торговли—«снять путы с товарооборота» и т. п.).

А теперь перейдем к отдельным наивностям, обильно рассыпанным в теории советских кризисов т. Бялого. Автор например мыслит себе такое положение, что крестьянство, порвав или потеряв связь с государственным хозяйством, «либо натурализуется, либо связывается с капиталистическими элементами экономики». Замечательно это «либо» в свете проблемы «кто—кого», в свете: «весь вопрос, за кем пойдет крестьянство—за пролетариатом, стремящимся построить социалистическое общество, или за капиталистом, который говорит: повернем назад, так оно безопаснее, а то еще какой-то социализм выдумали»⁷. Капиталистические элементы по Бялому очевидно будут ждать, пока крестьянство не решит: натурализоваться ли или пойти за капиталистом. Как будто процесс отрыва крестьянства от социалистического хозяйства не будет означать и не был бы обусловлен смычкой с капитализмом.

У автора ход рассуждения таков. Ежели бы такой кризис затянулся, то это означало бы расширенное воспроизводство капиталистических производственных отношений. Отсюда следует (см. приведенную выше выдержку), что автор допускает даже затяжной характер этой задержки расширенного воспроизводства. А что же делает в это время пролетарское государство? А оно, видите ли, после того как кризис разразился, вмешивается и выводит страну из кризиса. Человек, который отводил такую скромную роль государству в деле превращения возможности бескризисного развития нашей экономики в действительность, начинает возлагать все свои упования на государство. Но замечательнее всего тут это допущение затяжного кризиса, при котором социалистическое госхозяйство развивается на суженной основе, капиталистические элементы интенсивно развиваются на расширенной основе, простое товарное хозяйство порвало с госсектором и ничего... Советская власть все же продолжает существовать. И это при развитии нашего хозяйства по принципу «кто—кого», при наличии капиталистического окружения, при решающей роли для существования диктатуры пролетариата рабоче-крестьянского блока, при условии, что «...в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т. е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними» (Ленин). И какая реальная цена этому «теоретически мыслимому случаю» после всего этого?

Автор заявляет, что такой разрыв между социалистическим сектором и простым товарным хозяйством может наступить «только в результате слабости промышленности в данный момент». Только ли? А при неправильной политике в отношении крестьянства, даже при растущей на первых порах до некоторого

⁷ Ленин, т. XVIII, ч. 1, с. 219.

предела промышленности, такой разрыв исключен? Не стоило бы понятно при иных обстоятельствах придирааться к этому «только». Но ведь тут это звено общей недооценки роли политики пролетариата, явно противоречащей установкам партии в этом вопросе. «Не бывало и не может быть, чтобы решительная победа, одержанная партией за истекший период на фронте социалистического строительства в городе и деревне, была результатом неправильной политики. Только правильная генеральная линия могла дать нам такую победу» (Сталин).

Автор пытается в своих рассуждениях опереться на опыт кризиса 1923 г. Нам грешным делом представляется, что всю свою «всеобщую теорию советских кризисов» т. Бялый «вывел» из опыта кризиса 1923 г. в его—Бялого—понимании его. Но тут, во-первых, надо сказать Бялому словами Сталина на XVI съезде: «Прежде всего необходимо учесть то обстоятельство, что нынешние наши трудности являются трудностями реконструктивного периода. Что это значит? Это значит, что они коренным образом отличаются от трудностей восстановительного периода нашего хозяйства». Во-вторых, кто не знает, что партия, анализируя кризис 1923 г., указывая на объективные причины его (вековая диспропорция между городом и деревней, низкая производительность труда в промышленности), вместе с тем подчеркнула решающую роль в раздвижении лезвий ошибок в осуществлении политики накопления, заключавшихся в стремлении наших хозяйственных органов к максимальной быстрому накоплению и не путем повышения производительности труда, а взвинчивания цен на промтовары. И кто не знает, что именно твердые и решительные меры государства по линии: 1) снижения цен на промтовары, 2) повышения производительности труда, 3) организации экспорта с.-х. продуктов, 4) развития кооперации и усиления борьбы с капиталистическими элементами в товарообороте, 5) денежной реформы—именно благодаря этим мерам пролетарского государства удалось в сравнительно короткий срок достичь значительного сжатия лезвий ножиц.

К каким же выводам мы приходим? 1) в применении к советскому хозяйству можно и надо исходить из возможности бескризисного развития. Правильная политика пролетарского государства превращает эту возможность в действительность, ибо «систематическое улучшение материального положения трудящихся и непрерывный рост их потребностей (покупательной способности), будучи постоянно растущим источником расширения производства, гарантирует рабочий класс от кризиса в перепроизводства, роста безработицы и т. д.», ибо «правильная политика в отношении крестьянства есть нечто зависящее целиком и полностью от нас и только от нас как партии, руководящей строительством социализма в нашей стране» (Сталин), ибо «в нашем строе не заложен с неизбежностью раскол между пролетариатом и крестьянством» (Ленин). 2) В силу вековых диспропорций главным образом между городом и деревней, в силу неизбежной, особенно на первых порах реконструкции, напряженности, в силу ожесточенной классовой борьбы и сопротивления враждебных социалистическому строительству элементов, одним из проявлений которого является вредительство, т. е. сознательное созидание и углубление диспропорций,—в силу

всего этого в нашем строительстве имеются трудности. 3) Эти трудности ни в какой мере не напоминают выдуманный т. Бялым «теоретически мыслимый кризис» хотя бы потому, что это трудности роста, а не приостановления или задержки расширенного воспроизводства, что предполагается кризисом по Бялому. 4) Тов. Бялый оказался в плену им же созданной чисто-умозрительным путем схоластической пустышки. 5) Эта ошибка т. Бялого коренится в механистическом подходе к анализу явлений советской экономики и правооппортунистическом непонимании и недооценке роли политики пролетариата в переходный период.

Остановимся, не распространяясь, еще на одной существенной ошибке т. Бялого. Партия говорит о возможности победы социализма в нашей стране, превращение каковой в действительность зависит от правильности политики диктатуры пролетариата. Тов. Бялого признание возможности победы не удовлетворяет, и он ее заменяет понятием «обязательность победы социализма». Вот, что он говорит: «Таким образом, если борьба двух противоположных экономических тенденций является законом переходной экономики, то с неменьшим правом основным законом переходной экономики следует также считать обязательность победы социалистического типа производства над капиталистическим. Это две части основного закона движения переходной экономики» (с. 61). И еще: «Двойственность воспроизводства производственных отношений при обязательности победы социалистического пути развития...» (с. 113). Количество этих изречений можно было бы утроить, но мысль и без того ясна. Тов. Бялый не видит дистанции, лежащей между «возможностью победы социализма», которую надо превратить в действительность, и a priori установленной обязательностью победы социализма. При его вышеразобранных взглядах это естественно. Поскольку простое товарное хозяйство в своей преобладающей части им включено в сферу воспроизводства социалистических производственных отношений, постольку понятна эта «обязательность победы социализма». Автор даже не замечает, что две части установленного им закона движения переходного хозяйства к социализму явно противоречат друг другу. Но это противоречие не от диалектики развития, а от... особенностей мышления т. Бялого. Ибо ясно, что если a priori дана обязательность победы социалистической тенденции в нашей экономике, то проблема «кто—кого» бесследно исчезает. Не будем повторять, какие правооппортунистические выводы следуют из такой установки.

* * *

В заключение приведем выдержку из предисловия автора: «Ввиду того, что рукопись была сдана в издательство еще в октябре 1929 г. и автор не находился в Москве, изменения в нашей экономике, связанные с успешным осуществлением генеральной линии партии, могли быть нами учтены лишь в корректуре. Точно так же лишь в корректуре мы смогли использовать речь т. Сталина на конференции аграрников-марксистов». После всего вышесказанного нет нужды доказывать, что причина совсем не тут. «Теория» Бялого, содержа в себе некоторые «левые» нотки, является в основе своей теорией правооппортунистической.

А. БАТИКОВ

К ВОПРОСАМ НОВОГО ЭТАПА

«На новом этапе социалистического строительства» (сборник статей в 2 томах. Введение т. Кржижановского, изд. Института экономических исследований Госплана, Планхозгиз, 1930, т. I, с. XV + 526, т. II, с. 675).

Современный этап социалистического строительства является «последним этапом нэпа». Содержание экономики переходного периода данного этапа совершенно иное, чем то, которое мы имели в 1917—1921 и 1921—1926 гг. Коренная реконструкция производственных отношений в деревне, ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, исключительные успехи в области развития социалистической индустрии, рост новых социалистических форм труда, ускоренное перерастание обращения в социалистический продуктообмен, рост на этой основе новых форм распределения народного дохода и общественного продукта, решительный сдвиг в области планирования народного хозяйства, и в частности сельского хозяйства,— таково в основном содержание нового этапа, который, по определению т. Сталина, характеризуется как «период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту».

Указав на отставание теории от практики, т. Сталин в то же время с исчерпывающей ясностью намечает основные линии, по которым должна идти разработка проблем советской экономики. «Новая практика рождает новый подход к проблемам переходного периода. По-новому ставится вопрос о нэпе, о классах, о темпах строительства, о политике партии. Чтобы не отстать от практики, надо заняться теперь же разработкой всех этих проблем с точки зрения новой обстановки. Без этого невозможно преодоление буржуазных теорий, засоряющих головы наших практиков. Без этого невозможно выкорчевывание этих теорий, приобретших прочность предрассудков. Ибо только в борьбе с буржуазными предрассудками в теории можно добиться укрепления позиции марксизма-ленинизма» (Сталин).

Подходя к двухтомнику под углом зрения тех требований, которые предъявляет партия работникам теоретического фронта, советской экономики, надо будет признать, что сборник страдает рядом существеннейших недостатков как в области «борьбы с буржуазными предрассудками в науке» и теоретической разработки проблем советской экономики, так и отсутствием определенной целеустремленности у составителей сборника.

Том I состоит из двух частей: первая—«Проблемы коллективизации в городе и деревне»; вторая—«Проблемы индустриализации».

Том II имеет четыре раздела: первый содержит ряд статей, анализирующих изменение в области обращения, себестоимость в промышленности и сельском хозяйстве, второй раздел посвящен проблемам финансовой и кредитной реформы, этот раздел представляет несомненно теоретический интерес; третий раздел—«Проблемы воспроизводства» и четвертый раздел посвящен вопросам «СССР на новом этапе» и вопросам мирового капитализма.

Проблемы коллективизации начинаются большой статьей т. Струмилина «Проблема социалистических городов», в которой автор делает ряд существеннейших ошибок. В основе работы т. Струмилина лежит теория оптимальности, взятая меньшевиками-вредителями—Гинзбургом, Коган-Бернштейном—у западноевропейских буржуазных экономистов и усиленно у нас пропагандированная в течение ряда лет. Между тем в условиях социалистического строительства она является вредительской теорией, ибо критерий оптимальности при проектировке новых предприятий в капиталистических странах заключается в получении средней и добавочной прибыли. Отсюда—теория невыгодности строительства крупных предприятий на основе данной техники. По существу вся же эта «объективная» наука есть своеобразное возрождение закона падения производительности последовательных затрат. Некритическое отношение т. Струмилина к этой теории является с его стороны большой теоретической и политической ошибкой.

Размеры социалистических городов т. Струмилин определяет размером тех заводов, вокруг которых расположится социалистический город. «Количество населения определяется конечно наличным по плану масштабом производства для данного комбината. И в этой части задача сводится к определению оптимальных масштабов предприятий в проектируемой сфере производства. Крупное предприятие как в области промышленности, так и в сельском хозяйстве, вообще говоря, много эффективнее мелкого, однако—лишь в известных пределах, за которыми при данном уровне техники дальнейшее укрупнение уже не повышает, а понижает его эффективность. К сожалению эта проблема у нас еще очень мало изучена, но уже эмпирически нащупывается, что, скажем, совхоз или колхоз с площадью до 60 тыс. га или завод в 10 тыс. рабочих не выходит еще за пределы рационального укрупнения» (т. I, с. 15).

Вся эта цитата от начала до конца звучит неправильно и фальшиво. В самом деле. Чего стоит заявление т. Струмилина о том, что крупное предприятие, «вообще говоря», эффективнее мелкого, а если поставить вопрос не вообще, а в частности, то разве крупное предприятие не будет иметь бесконечно много преимуществ по сравнению с мелким? Далее. О каком данном уровне техники говорит т. Струмилин как о лимите для укрупнений предприятий? Стоит вспомнить судьбу Магнитогорска, который при данной существующей общественной технике теперь будет в два с половиной раза больше по сравнению с планами первоначального его строительства, который рассчитан не на 10 тыс. а на 50 тыс. рабочих. Или взять другие гиганты социалистической стройки, которые в процессе строительства были очень значительно укрупнены по сравнению с первоначальными планами, прево-

сходящими далеко 10-тысячный лимит, который устанавливает т. Струмилин.

В чем основа такого подхода к проблемам строительства со стороны т. Струмилины? Причина такого некритического отношения и понимания оптимальности—в техницизме т. Струмилины, в игнорировании социальной структуры нашей экономики, которая дает нам неисчерпаемые преимущества при построении новых социалистических предприятий по сравнению с капиталистической экономикой. Именно поэтому т. Струмилин вопреки реальным фактам успешного строительства гигантов с.-х. производства, имеющих по 200 тыс. га, которые экономически себя блестяще оправдали, пишет, что с точки зрения оптимальности можно организовывать совхозы, имеющие лишь «площадь до 60 тыс. га». Это уже не только теоретическая ошибка, но и глубоко политическая. Вот как ставит т. Сталин вопрос о строительстве крупных социалистических предприятий в области сельского хозяйства: «Рухнули и рассеялись в прах возражения «науки» против возможности и целесообразности организации крупных зерновых фабрик в 50—100 тыс. га. Практика опровергла возражения «науки», показав лишний раз, что не только практика должна учиться у «науки», но и «науке» не мешало бы поучиться у практики. В капиталистических странах не прививаются крупные зерновые фабрики-гиганты. Но наша страна не есть капиталистическая страна. Нельзя забывать этой «маленькой» разницы»¹.

Такое же некритическое отношение к теории оптимальности лежит в основе теории социалистических городов которые т. Струмилин выставляет как перспективу развития. Что же это за город? Оказывается, что город располагается вокруг одного какого-нибудь завода, который, по законам оптимальности, не должен превышать 10 тыс. рабочих данного завода, и вместе с членами семьи город может доходить до 20—30 тыс. жителей—максимум. Строительство таких городов т. Струмилин аргументирует в основном теорией оптимальности, но особенного интереса заслуживает аргумент, состоящий в том, что в таких небольших городах не будет осложнений с транспортом: «не нужен будет трамвай, так как из центра на окраину можно будет пройти за 10 минут». Таков идеал т. Струмилины. Все эти вещи говорятся как задачи строительства на новом этапе вопреки действительным процессам, которые у нас происходят. Как должен выглядеть Днепропетровский промкомбинат в свете теории т. Струмилины или строительство сталинградских социалистических городов? Тов. Струмилин, заняв правильную позицию против тех, которые социалистический город представляют на манер капиталистических спрутов, а также против тех, которые развитие социалистического города представляют себе как возврат к деревенщине, в конкретной разработке проблемы впал в интеллигентскую маниловщину, против которой он теоретически сам протестует.

В заключение укажем еще на одну на наш взгляд важную, ошибку т. Струмилины: Указывая совершенно правильно, что социальное содержание понятия зарплаты у нас совсем иное, чем

¹ Сталин, Год великого перелома, с. 11.

при капитализме, и что у нас растет так называемая социализированная и коммунизированная оплата рабочих, которую получают рабочие по линии соцстраха, фонда улучшения рабочего быта и из разных других источников, которые значительно повышают жизненный уровень рабочего, автор однако считает, что корни роста этой коммунизированной платы кроются не в особенностях советской системы хозяйства, а в капиталистической экономике.

Послушаем т. Струмилина:

«Как показывает опыт, они (эти формы доплаты—А. Б.) имеют довольно глубокие корни в хозяйственной жизни. Зачатки их можно открыть даже в капиталистических странах, и не только в форме страхования рабочих за счет предпринимателей и государства, но и некоторых других. За последние годы со времени империалистической войны в Германии, Франции, Бельгии и других странах большого внимания заслуживает например широкая практика особых доплат семейным рабочим на содержание их, причем эти уравнительные доплаты, как учит нас опыт, прекрасно уживаются там рядом со сдельщиной и всякими другими весьма ухищренными премиальными методами индивидуальной стимуляции труда» (т. I, с. 46).

Эта аналогия явно не большевистская, не революционная, и никакие оговорки о субъективных мотивах капиталистов не могут умалить значения этой цитаты, стирающей грани между нашей и капиталистической экономикой. Тов. Струмилин очевидно не может понять, что «наша экономика—принципиально иная система. Тенденции капитализма... в ней не продолжают и тем более не развиваются». С другой стороны, эта аналогия, выражающая механистические взгляды т. Струмилина, может служить оправданием социал-демократической теории вызревания социализма в капитализме. Остается только спросить, не есть ли рост этой «коммунизированной оплаты» продукт роста хозяйственной демократии?

Работа т. Краева представляет интерес в том отношении, что автор схватывает ряд совершенно новых особенностей в развитии с.х. экономики. Но в то же время работа изобилует рядом теоретических ошибок. В своей работе «Проблемы коллективизации» автор мобилизовал большой материал по вопросам колхозного движения. Удачно автором показана роль совхозов, старых колхозов, машинно-тракторных станций в деле успешного развития колхозного движения. Он устанавливает определенные закономерности колхозного развития в разных районах, находящихся в прямой зависимости от того, насколько правильно проводится в данном районе линия партии, а также и от того, насколько тот или иной район всем своим прошлым развитием созрел для осуществления сплошной коллективизации на данном этапе.

Однако работа имеет ряд существеннейших недостатков, и в первую очередь надо отметить отсутствие развернутой борьбы с оппортунизмом, за исключением нескольких незначительных замечаний. Даже наоборот: в теоретическом введении не особенно легко отличишь, где начинается концепция автора и где она отличается от оппортунистической концепции т. Крицмана, по которому мелкобуржуазное крестьянское хозяйство само себя переделывает.

Тов. Краев устанавливает закон коллективизации. Сущность этого закона состоит в том, что:

«В условиях пролетарской диктатуры, когда в сельском хозяйстве основным является товарное производство, коллективизация является законом развития².

Этот закон приводит к тому, что «в результате бедняцко-средняцкое хозяйство становится однотипным уже не капитализму, а социализму, растворяясь в процессе развития в единой системе социализма» (там же, с. 64).

В силу каких же причин бедняцко-средняцкое хозяйство «растворится в социализме»? Оказывается, на основе заложенных социалистических тенденций крестьянства. Причем так же, как и у т. Струмилина, коммунизированная зарплата начинается в недрах капитализма, а у нас лишь продолжает дальше развиваться, точно так же оказывается, и у т. Краева, что социалистические тенденции крестьянства вырабатываются еще в рамках капитализма в виде «тенденций мелкого крестьянского хозяйства кооперировать производство». Но при капитализме эти тенденции не принимают характера «обязательного» закона коллективизации, так как последний есть выражение «двух сил: социалистической индустрии и крестьянского хозяйства».

Такова теория коллективизации т. Краева. Совершенно ясно одно, что теория растворения крестьянства в социализме на основе социалистических тенденций крестьянства ничего общего не имеет с ленинизмом. С другой стороны, эти тезисы являются образцом теории самотека. Вот какую характеристику оппортунистической теории самотека дает т. Сталин:

«Авторы этой теории утверждают приблизительно следующее. Был у нас капитализм, развивалась индустрия на капиталистической базе, а деревня шла за капиталистическим городом самотеком, преобразуясь по образу и подобию капиталистического города. Если так происходит при капитализме, почему не может произойти то же самое и при советском хозяйстве, почему не может деревня, мелкокрестьянское хозяйство пойти путем самотека за социалистическим городом, стихийно преобразуясь по образу и подобию социалистической индустрии».

Сущность этой цитаты состоит в следующем: роль социалистической индустрии в преобразовании деревни на социалистический лад исключительно велика, являясь ведущим началом в этом процессе. Но этим еще не исчерпывается задача преобразования крестьянской экономики в социалистическую. Так могут думать только «теоретики», которые в крестьянском хозяйстве видят «не товарно-капиталистические тенденции» (Ленин), а социалистические. Именно потому, что в крестьянстве заложены тенденции стихийного развития капитализма, а не социализма, нам, кроме ведущей роли промышленности, надо еще проводить активную политику переделки крестьянского хозяйства в виде политики насаждения колхозов. Тов. Сталин в той речи говорит:

«Стало быть, чтобы мелкокрестьянская деревня пошла за социалистическим городом, необходимо еще, кроме всего прочего, насаждать в деревне крупные социали-

² «Проблемы коллективизации», т. I, с. 62 (разрядка наша.—А. Б.).

стические хозяйства в виде совхозов и колхозов» (разрядка моя) как базы социализма, могущей повести за собой во главе с социалистическим городом основные массы крестьянства».

Правда, т. Краев делает несколько замечаний против теории самотека, но последнюю он понимает только как вращение «кулака в социализм». Но такое понимание теории самотека совершенно недостаточно, оно не ленинское, ибо в социализм не только кулак не может вращаться, но также и крестьянская экономика в целом. Теории «вращения» и «растворения» крестьянства в социализме партия противопоставляет ленинскую политику колхозного строительства.

Вопросам труда и зарплаты в сборнике посвящены три статьи. Тов. Калистратов опубликовал свое исследование о «социалистическом соревновании и новых формах труда». Автор исследует большой фактический материал. Социалистическое соревнование— «это коммунистический метод строительства социализма на основе максимальной активности миллионов масс трудящихся» (Сталин). В этом определении выражено совершенно новое качество, которое характеризует новый этап. Тов. Калистратов совершенно правильно на основании материалов, которые он исследует, пишет:

«Социалистическое соревнование, порожденное последовательно производственными отношениями в нашей стране, должно стать могущественным фактором развития производственно-прогрессивных форм кооперации труда».

Само собой понятно, что эти производственно-прогрессивные формы кооперации труда должны радикально изменить и изменят уже производственный эффект наших социалистических предприятий, давая невиданные в капиталистическом обществе темпы хозяйственного развития. Однако эта сторона у автора не разработана, что является серьезным недостатком в работе.

Ударные бригады являются организационным оформлением социалистического соревнования, поэтому ударные бригады также новы в социальном смысле, как и само социалистическое соревнование. Содержанием того и другого является то, что они выражают новый тип производственных отношений, становясь адекватными этим производственным отношениям.

Именно поэтому нам кажется схоластическим рассуждение автора, когда он об ударных бригадах, как о новых формах труда, пишет:

«Здесь уживаются и «старое» и «новое». Старое «бригада»— форма, известная до революции, «новое»—«ударная». Это означает, что к старой форме организации труда прилагаются новые социалистические ударные коллективистские методы работы» (т. I, с. 117).

Ясно, что в этой цитате автора обнаруживается явно механистический подход к трактуемому вопросу. Пытаясь совершенно механистически оторвать форму и содержание, он не понимает, что ударная бригада как организационное выражение коммунистического метода строительства социализма является чем-то совершенно новым как по форме, так и по содержанию. Качество труда, его производительные силы, его социальное назначение в бригаде совершенно иное, чем в старых бригадах, являвшихся

продуктом капиталистической эксплуатации. Все это определяет совершенно новые отношения между участниками самой бригады и их отношения к орудиям труда. Вот что сам автор пишет на основании изученных им фактов:

«В коллективах и коммунах стирается мелкособственническое отношение рабочих к инструменту—последним рабочие широко обмениваются, что имеет большое значение в ряде производств. Рабочие приучаются к более бережному отношению к инструменту, станкам, материалам и т. д.» (т. I, с. 185).

Именно поэтому автор совершенно неправ в своих рассуждениях о новом и старом в ударных бригадах.

Автор анализирует богатейший материал по вопросу о взаимной связи между формой организации труда и формой оплаты (индивидуальная и коллективная, сдельщина, надбавка по квалификации, надбавка семейным и т. д.). В целом автор занимает правильную позицию в этих вопросах, предостерегая от излишнего увлечения административным насаждением коммун, коллективов и уравнительности между работниками разной квалификации; показывает довольно убедительно ряд случаев, когда коммуна и уравнительность, искусственно введенные, приводят к распаду бригад, коммун и даже к понижению производительности труда.

Такую же позицию предостережения от чрезмерного увлечения уравнительностью в оплате труда и перескакивания через ударные бригады как главную форму организации труда на данном этапе занимает т. Рахман в своей статье «Проблема заработной платы». Хотя надо отметить, что т. Рахман в отличие от Калистратова пытается в большей степени показать и те достижения, которые мы имеем в области организации коммун, коллективов и более социализированных форм оплаты в них труда (т. I, с. 260).

Правильно т. Рахман цитирует Ленина, что излишнее третирувание ростков социализма есть издевательство над слабостью ростков нового, дешевенький интеллигентский скептицизм и т. п.—все это в сущности приемы классовой борьбы буржуазии против пролетариата, защита капитализма против социализма. Тов. Рахман совершенно прав, когда он на основе изучаемых им фактов делает вывод о необходимости добиться большего внимания к коммунам, коллективам и ударничеству в целом.

Оба автора сходятся на том, что основной формой оплаты труда должна быть такая, которая стимулировала бы рост производительности труда, вызывала бы интерес к повышению квалификации труда: «Целесообразность той или этой системы оплаты труда, выбор ее мы ставили в связь с производственными моментами, иначе говоря, исходные моменты, определяющие вывод той или иной системы оплаты труда, должны лежать не на стороне организации потребления, а на стороне организации производственного процесса». Это нам кажется совершенно правильным подходом. Не может быть общей формы оплаты труда для всех коллективов, коммун и бригад, выбор их должен определяться конкретными условиями производства.

Однако т. Рахман в своей работе допускает и ряд важных ошибок. Он создает своеобразную теорию объективных причин. Автор совершенно правильно указывает, что новые методы рабо-

ты—ударные бригады—должны быть созданы на всех стадиях производства не только внутри данного завода, но и между заводами.

«Больше того,—пишет т. Рахман,—интересы данной коммуны на механическом заводе—возможность развития производительности труда—зависят от того качества стали, которое доставляет металлургический завод. Таким образом создается материальная основа, объединяющая рабочего не только с его бригадой, цехом и отделением его предприятия; но и с предприятиями, снабжающими его сырьем и полуфабрикатами».

Но из этого совершенно правильного тезиса автор делает следующий ошибочный вывод:

«Ударные коллективы не могут выполнять своих обязательств, если в снабжающем их заводе нет ударных бригад, которые следят за нужным качеством и необходимым количеством выпуска» (т. I, с. 265).

Такая постановка вопроса неверна, ибо она дает возможность заводу, имеющему оппортунистическую практику, сослаться исключительно на завод, доставляющий полуфабрикат (стоит хотя бы вспомнить в значительной мере незаслуженные жалобы Тракторостроя на металлургический завод «Красный Октябрь»). Из тезиса т. Рахмана логически вытекает следующее: 1) если на заводе А, доставляющем заводу Б полуфабрикат, не организованы ударные бригады, то нечего их организовывать и на заводе Б, потому что «обязательства все равно невыполнимы», и 2) такая односторонняя постановка вопроса дает основание рвачам, прогульщикам, срывающим трудовую дисциплину, оппортунистам на практике, за свою скверную работу оправдываться ссылками на «скверную» работу предшествующего завода. Еще более неправильно следующее положение т. Рахмана:

«У нас после завоевания власти экономическое освобождение рабочего класса продолжает быть делом самого рабочего класса» (т. I, с. 266).

В этой цитате автор ставит на голову все существующие у нас классовые отношения. В самом деле: в странах, где господствует капитал, фраза об экономическом освобождении рабочего класса означает не что иное, как уничтожение капиталистического способа производства, установление пролетарской диктатуры с вытекающими отсюда последствиями в области экономической политики. Но что обозначает фраза об экономическом освобождении рабочего класса в стране пролетарской диктатуры, где мы имеем победоносное наступление социализма по всем фронтам? Такая постановка вопроса явно не марксистско-ленинская.

Статью т. Кабо, посвященную проблеме зарплаты и потребления, нужно признать крайне неудовлетворительной. Автор не дает нам сколько-нибудь правдивой картины, отражающей те изменения, которые произошли в силу Октябрьской революции в распределении народного дохода как в его денежном выражении, так и в натуральном. Огромнейший рост социализированной части зарплаты в виде фонда улучшения быта рабочих, социального страхования, жилищного строительства, культурного строительства и т. д.—все эти моменты в статье игнорируются. Потребление рабочего класса т. Кабо сводит только к физическому объему продукции, непосредственно потребляемой, и в этой области Кабо рисует дело также в крайне песси-

мистических тонах, очень между прочим похожих на рабочелюбие право-«левацкого» блока. По существу автор обосновывает, что, начиная с 1928 г., материальное положение рабочего не только не растет, но даже понижается. Статья находится в полном противоречии с резолюцией XVI съезда, где дается следующая совершенно правильная оценка положения рабочего класса:

«Гигантский темп социалистической индустриализации страны сопровождается значительным количественным ростом рабочего класса, поднятием его материального и культурного уровня, повышением реальной заработной платы, переходом на 7-часовой рабочий день, введением пятидневной непрерывной недели, резким сокращением безработицы». Рассуждение о понижении реальной заработной платы является меньшевистско-оппортунистическим, ибо при росте социализма в нашей стране распределение растущего национального дохода может идти только за счет роста доли рабочего класса.

Второй раздел I тома, посвященный проблемам индустриализации, содержит три статьи, анализирующие состояние и перспективы электрификации. Тов. Ханковский в двух статьях— «Электрификация и технико-экономическая реконструкция СССР» и «План Гоэлро и электрификация на новом этапе»—излагает ленинское понимание электрификации как ведущего начала в народнохозяйственном планировании. Автор дает четкий разбор дискуссии, которая имела место вокруг вопроса о ведущем звене социалистической реконструкции страны. Разбирая попытку противопоставить машинизацию как ведущее начало электрификации, автор совершенно правильно квалифицирует такие взгляды как ревизию ленинской концепции электрификации, по которой:

«Крупная машинная индустрия обозначает не что иное, как электрификацию всей страны» (Ленин).

Тов. Ханковский также анализирует концепции, видящие в транспорте ведущее звено в народнохозяйственной реконструкции, и, выясняя сам экономическую роль транспорта, пишет:

«Транспорт является ведущим звеном, но лишь в той мере, в какой он сам является частью энергетического аппарата» (т. I, разд. 2, с. 146).

Автор правильно указывает, что реконструкция транспорта также упирается в проблему электрификации. Во второй статье автор выясняет причины современного электрокризиса, основа которого лежит в том, что «на протяжении восстановительного периода не был учтен ряд наметок и принципиальных установок плана Гоэлро в деле электроснабжения» (с. 364). Весь восстановительный период характеризуется «отставанием темпов электростроительства от общих темпов всего народнохозяйственного развития» (там же).

Ряд статей тт. Кваша, Галоян, Максимова, Осипьян на основе большого фактического материала показывают, насколько велики наши внутрипромышленные резервы как по линии использования «старого», еще вполне пригодного оборудования, так и по линии увеличения сменности в предприятиях, уменьшения простоев, перехода к непрерывке и т. д. Все эти материалы иллюстрируют и подтверждают то положение, что прорывы наши в промышленности в первую очередь вытекают из нашей неорганизованности, из незнания наших собственных возможностей. Тов. А. И. Кр.

в своей интересной статье «Использование основных фондов и проблема накопления» показывает, что за счет более полного использования основного капитала увеличение сменности на 50%, увеличение рабочих дней в году на 20% и осуществление ряда простейших мероприятий дали бы возможность норму накопления в 1928—1929 г. повысить до 23—24% при фактической норме в 1928 г. в 14,6% накопления.

Статья т. А. Кристина интересна по своему содержанию, хотя некоторые определения его понимания эффективности капиталовложения довольно спорны. Недостаточно внимания уделяет т. Кристин также качественной стороне при анализе проблемы эффективности капитального строительства.

Однако весь раздел, посвященный проблемам индустриализации, не может быть признан удовлетворительным, поскольку основные проблемы индустриализации, за исключением вопросов электростроительства, заменены проблемами рационализации. Проблема цветных и черных металлов, машиностроения, энергетического баланса, новые производства и техническая революция в целом в сборнике совершенно не поставлены, тем самым объективно отражая такое понимание индустриализации, которое сводится к одной лишь рационализации (Базаров).

Второй том «Нового этапа», посвященный проблемам обращения, начинается большой, интересной и содержательной статьей т. Гатовского, разбирающего «природу меновых отношений на новом этапе». Основной мотив работы в том, что на новом этапе происходит «резкий сдвиг в характере планирования народного хозяйства, в особенности планирования сельского хозяйства» (т. II, с. 2).

Как следствие огромных успехов в области социалистической индустриализации и социально-технической реконструкции сельского хозяйства, решительный переход к планированию на основе производственных сдвигов неизбежно приводит к изменению характера меновых связей в народном хозяйстве.

«Новый способ производства меняет способ обмена. Мало того,—пишет т. Гатовский,—само развитие процесса обобществления мелкотоварного производства упирается в изменение характера меновых связей, без изменения которого немислимо развитие нового способа производства».

В чем же состоит изменение характера меновых связей на новом этапе? «Обобществление производства означает и процесс плановой организации потребления, т. е. процесс постепенного устранения обособленной сферы обращения как способа связи между производством и потреблением, отражающим их неорганизованность. Тем самым осуществляется поглощение плановым производством сфер обращения, а отсюда и слияние последней со сферой распределения на основе плановой организации последней» (т. II, с. 5).

Качественное выражение этого процесса состоит в том, что рыночные отношения замещаются социалистическим продуктообменом. Это не означает, что посредствующее звено между производством и потреблением—обращение—у нас уже совершенно устранено, так как частная форма присвоения у нас еще существует, хотя и не во всем народном хозяйстве. Однако это не исключает четко обнаружившейся основной тенденции. Качественный

сдвиг, происходящий в сфере обращения, имеет свое организационное выражение в контрактации, в целевом снабжении, в завозе товаров, гендоговорах, закрытых распределителях и во всей классовой системе распределения продуктов. В связи с этими качественными сдвигами т. Гатовский дает определенную трактовку цены в нашей экономике.

Если при капитализме «цена (есть—А. Б.) выражение стоимостного регулятора», то в советской экономике цена выступает «как форма планового регулирования» (т. II, с. 52).

В соответствии с таким пониманием цены т. Гатовский устанавливает два периода, в течение которых цена отличается принципиальным образом:

1. В восстановительный период нэпа, поскольку мы имеем известное развязывание рыночных отношений в городе и деревне, постольку регулирование всего частного оборота происходило на основе определенной политики цен: «В восстановительный период ... цена ... является решающей, «самостоятельной» формой планирования сельского хозяйства» (с. 49). Эта роль цены в восстановительный период, как объясняет автор, вытекает из того, что «непосредственное снабжение по существу имело место лишь в пределах обобщественного сектора; поскольку элементы оперативного планирования в отношении сельского хозяйства почти отсутствовали, а бюджет на кредитные ассигнования (как форма перераспределения ресурсов) играл относительно к нынешнему периоду слабую роль и т. д.; постольку в восстановительный период динамика цен являлась решающей формой распределения ресурсов в ту или иную отрасль сельского хозяйства. «Поэтому,— заключает автор,— план регулировал это распределение в основном через цены... стимулируя приток в ту или иную отрасль трудовых затрат, средств производства, в соответствии с задачами социалистического строительства» (т. II, с. 49).

Надо отметить, что в первый год нэпа цена как форма регулирования в значительной мере эту роль выполняла не только в отношении сельского хозяйства, но и между промышленностью и кооперацией и между разными отраслями промышленности.

2. Совершенно иную качественную характеристику имеет цена на новом этапе. Поскольку на основе быстрой социалистической индустриализации и сплошной коллективизации в деревне происходит быстрое вытеснение частной торговли, а также перерастание государственной и кооперативной торговли в социалистический продуктообмен, постольку и сама цена как выражение этих отношений также параллельно перерастает из орудия «косвенного» планирования в орудие непосредственного планирования. Цена становится «плановой ценой».

Сущность плановой цены заключается в том, что, с одной стороны, суживается роль цены как косвенного средства воздействия на ту или иную отрасль хозяйства путем стимулирования, привлечения труда и средств из других смежных отраслей (в отношении сельского хозяйства, эта роль цены имеет еще немалое значение); с другой стороны, «плановая цена как способ исправления а posteriori стихийных сдвигов все более уступает место плановому воздействию через цены» (т. II, с. 49).

Это не значит, что плановая цена есть единственный метод распределения ресурсов между промышленностью и сельским хо-

зьяством, между личным и производственным потреблением. Плановая цена является одним «из рычагов (в системе рычагов) организованного распределения продуктов промышленности и сельского хозяйства» (т. II, с. 50). Далее автор правильно указывает, что плановая цена на основе сращивания цены с системой финансовых рычагов, целевого снабжения и контрактации превратится «во внешнюю форму, в чисто счетное наименование непосредственно организованного труда», которая далее сменится «непосредственным трудовым учетом».

Тов. Гатовский дал несомненно в общем правильную картину на основе богатого конкретного экономического материала трансформации цены, но тем не менее его работа страдает тем недостатком, что не излагает и следовательно не анализирует противоположных тенденций, которые еще имеют достаточный базис и стремятся восстановить самостоятельную и самодовлеющую роль цены. Изложение и анализ этих контртенденций очень важны для понимания процесса зарождения новых закономерностей. Эти контртенденции исходят не только от частнорыночных отношений, но и нередко со стороны некоторых колхозов, в которых еще сильны частнособственнические инстинкты, в которых имеется кулацкое влияние, способное отдать продукты с.-х. производства даже и частному капиталу, лишь бы получить повышенную рыночную цену. Естественно, что эти контртенденции отражаются на наших планах, и изучение их силы действия на новом этапе является настоящей задачей.

Как недостаток надо отметить то, что т. Гатовский не останавливается на анализе природы нэпа в связи с новым этапом. Между тем известно, что новый этап в этом вопросе вызвал немало теоретической путаницы в головах некоторых наших теоретиков. Тов. Гатовский эту проблему поместил в примечание, причем в примечании вопрос дан без развернутой постановки, что создает некоторую неясность в понимании сущности нэпа т. Гатовским. Надо отметить также, что иногда т. Гатовский не выясняет ряда важных экономических понятий, как-то: социалистический продуктообмен, социалистическое распределение, плановый оборот и т. д., что создает «мнимые» противоречия. Наконец самый главный недостаток в работе т. Гатовского состоит в том, что он хотя и делает ряд совершенно правильных замечаний против правых теоретиков, тем не менее не дает систематической критики правой концепции по проблемам обращения, а между тем именно в этой области правые теоретики больше всего сделали откровений..

Далее. К числу статей, представляющих теоретический интерес относится работа т. Рагольского по вопросу «О расширенном воспроизводстве в СССР». Главное достоинство работы т. Рагольского состоит в том, что он от общих, зачастую совершенно бессодержательных споров в ряде работ о воспроизводстве нашей экономики поставил проблему на рельсы конкретного исследования реального процесса воспроизводства. Вооружившись богатым фактическим материалом о работе промышленности и взаимоотношениях ее с сельским хозяйством, т. Рагольский впервые в советской литературе перешел к анализу проблемы с цифрами и показал динамику воспроизводства *in concreto* и взаимосвязь между разными отраслями и секторами народного хозяйства. Не-

сомненно методологически интересны также те приемы исследования, которые намечает т. Рагольский, хотя именно в этой области, как нам кажется, кроется больше всего дискуссионных проблем в его работе. Так например перечисляя ряд особенностей воспроизводства советского хозяйства, он пишет:

«Теория реализации Маркса имеет в виду капиталистическое производство, и схемы его не могут поэтому быть непосредственно применены к советскому хозяйству или к хозяйству социалистическому» (т. II, с. 359).

Что собственно означает заявление автора, о том, что схемы Маркса непосредственно к советской и социалистической экономике не применимы; что должно в них опосредствоваться для того, чтобы их можно было применить к социалистическому воспроизводству? К сожалению, т. Рагольский на этом вопросе не останавливается, между тем он имеет исключительный методологический интерес.

Если скажем т. Рагольский имеет в виду то, что при социализме все категории, выраженные в схемах Маркса, не существуют, что нет капитала, нет социальной противоположности между v и m , то об этом вообще говоря для коммунистов и вопроса быть не может.

Но схемы ведь выражают движение не только ценности, «в них укладывается весь продукт, а не только доходы» (т. II, с. 909).

В полемике с Струве Ленин пишет, что нельзя «смешивать деление по натуральной форме продукта с делением по элементам стоимости» (т. II, с. 412), хотя стоимость не может и одной минуты изолированно существовать без продукта, с которым она связана. Следовательно в схемах иллюстрируется не только возмещение стоимостей, но и продуктов. В схемах выражена идеальная пропорциональность, которая *in concreto* при капитализме никогда не осуществляется. Спрашивается, будет ли возмещение продуктов при коммунизме и их перераспределение между разными отраслями промышленности. Сохраняет ли свою силу деление всего общественного производства при коммунизме на I и II подразделения. Будет ли иметь место рост социалистической экономики за счет прибавочного продукта. И наконец сохранится ли при коммунизме деление всего продукта на $c+v+m$ (конечно они будут выражать принципиально иные качественные отношения). Если все эти моменты будут и при коммунизме, а мы думаем, что это несомненно так—тогда вопрос о применимости марксовых схем к социалистической экономике решается положительно. Это конечно не значит, что схемы по своему материальному содержанию неизменны. Способ их установления также принципиально иной, чем при капитализме.

Эта концепция находится в противоречии с ленинской теорией. Когда т. Бухарин в своей экономике переходного периода писал, что «конец капиталистического товарного общества будет концом и политической экономии», Ленин делает следующее примечание: «неверно. Даже в чистом коммунизме, хотя бы отношение I $v+m$ к II c и накопление». Это уравнение есть экстракт марксовых схем воспроизводства. Совершенно ясно, что если В. И. Ленин отвергал бы схемы Маркса, он не сделал бы этого замечания («Ленинский сборник», XI с. 349). Тов. Сталин, вы-

ступая на конференции аграрников-марксистов, указав на распространение у нас буржуазной теории равновесия, рекомендует:

«Извлечь из сокровищницы марксизма теорию воспроизводства и противопоставить ее теории равновесия, ибо наша крупная централизованная социалистическая промышленность развивается по марксистской теории расширенного воспроизводства».

Такова ленинская концепция о применимости марксовой теории воспроизводства к советским условиям.

Дискутабельным нам кажется также следующее положение автора: «Другое своеобразие условий воспроизводства СССР— это возможность движения продуктов из одной сферы или отрасли производства в другую, без соответствующего или даже в исключительных случаях без всякого встречного потока» (т. II, с. 365). «У нас необязательна тенденция встречных потоков» (т. II, с. 364).

Что обозначает эта теория встречных потоков? Раньше всего укажем, что она вырастает из отрицания применимости к нашей экономике марксовых схем воспроизводства. Во-вторых, эта теория есть отрицание необходимости для нашей экономики пропорциональности вообще. В самом деле, пролетарское государство проводит активную политику перераспределения народного дохода страны таким образом, что обеспечивает благодаря этому успешное проведение социалистической индустриализации и социально-технической реконструкции сельского хозяйства. Но можно ли на этой основе заявить, что для нас необязателен закон встречных потоков при осуществлении социалистического продуктообмена между легкой и тяжелой индустрией, между промышленностью и сельским хозяйством и т. д. Ясно, что стоит задать вопрос, чтобы почувствовать его несостоятельность.

Вообще говоря, эта ошибка диаметрально противоположна бухаринской концепции. Если тов. Бухарин, пропорциональность в распределении труда возводит в устойчивый абсолют для всех времен и народов, который не подвержен изменениям—в противном случае рухнет общественное равновесие, приводящее к кризису,—то предложение правых для советского хозяйства сводится к равнению на узкие места и т. д. Правые этим самым изменяют марксистской диалектике в пользу богдановского равновесия. Тов. Рагольский думает, что можно на основе необязательности встречных потоков все время из одной сферы в другую переливать средства и вместе с тем успешно развиваться в целом, что конечно неправильно.

Раздел, посвященный «СССР и мировому хозяйству», начинается большой статьей т. Эвентова «Догнать и перегнать». Автор исходит из правильной позиции единого мирового революционного процесса, но тут же делает ряд очень существенных ошибок. Укажем некоторые из них. 1) Исходя из того, что диалектика «действительности» учит, что мировое хозяйство представляет собой единство противоположностей, в котором антагонистическими элементами являются СССР и капитализм» (т. II, с. 485), исходя из этого тезиса, автор существование и развитие СССР ставит в фатальную зависимость от капиталистической экономики, когда он пишет, что «строительство социализма в СССР было бы обречено на неудачу», «если бы мировой капитализм находился

в настоящее время на восходящей линии своего исторического развития».

Давая такую постановку вопроса, автор совсем забыл малость, что СССР за 13 лет имеет такие успехи в области экономического развития, которые коренным образом меняют постановку вопросов, данную т. Эвентовым.

Надо отметить также неправильную постановку вопроса «кто кого», которую допускает т. Эвентов в связи с темпами нашего развития. Когда он думает, что индустриализация и коллективизация, которые гигантски развиваются, ни в коей мере не обуславливаются капиталистическим окружением, бешеным сопротивлением, которое капитализм оказывает нашему хозяйственному развитию, он глубоко ошибается. Мы видим, что т. Эвентов делает две разнородных ошибки. Он бросается из одной крайности в другую: то он считает, что развитие СССР фатально зависит от капиталистической экономики, то у него индустриализация и коллективизация ни в коей мере не объясняются капиталистическим окружением.

Темп строительства в нашей стране обусловлен только внутренними противоречиями; тем самым т. Эвентов, по существу говоря, смазывает ленинскую постановку вопроса—«кто кого», которая есть выражение борьбы между социализмом и капитализмом не только внутри страны, но между капиталистическим миром и Советским Союзом.

Тов. Эвентов, полемизируя против ошибочной концепции Троцкого, по которому все развитие нашего хозяйства контролируется мировым капитализмом, в своей критике Троцкого не исходит из генеральной линии партии. Тов. Сталин в своей речи на пленуме ЦК говорил:

«Говоря абстрактно, отвлекаясь от внешней и внутренней обстановки, мы могли бы конечно вести дело более медленным темпом. Но дело в том, что, во-первых, нельзя отвлекаться от внешней и внутренней обстановки, и, во-вторых, если исходить из окружающей нас обстановки, то нельзя не признать, что именно она, эта обстановка, диктует нам быстрый темп развития нашей индустрии. И далее, анализируя подробно проблему, он делает вывод: «Таковы, внешние условия, диктующие нам быстрый темп развития нашей индустрии».

Тов. Эвентов думает, что темпы нашего строительства определяются только внутренними отношениями, именно поэтому т. Эвентов в этом важном вопросе не воюет на два фронта, не указывая на позицию правых. Правильную партийную трактовку этой проблемы мы находим в работе т. Рагольского и в особенности т. Мендельсона.

«Если Троцкий благодаря непониманию социально-экономических особенностей СССР недооценивает глубины раскола современной мировой экономики и фактически скатывается к социал-демократической концепции сохранения мировым хозяйством своего монизма на капиталистической основе, то из теоретических взглядов Бухарина вытекают не меньшие ошибки в этом вопросе. Они заключаются в недооценке тех элементов единства в мировой экономике, которые вносятся единством борьбы социализма с капитализмом, в каких бы плоскостях и формах она ни развертывалась. Отсюда непонимание того, что проблема тем-

пов должна решаться, исходя не только из положения внутри страны, что проблему «догнать и перегнать» можно разрешить далеко не всяким темпом. Взаимосвязь процессов социалистического строительства и развертывания всеобщего кризиса капитализма дана прежде всего тем, что мы здесь имеем единый фронт борьбы не на жизнь, а на смерть классов, являющихся носителями взаимоисключающих социально-экономических систем. Бухарин же ставит на место борьбы мирное «врастание», на место обострения противоречий—их смягчение.

Высокие темпы, возможности которых даны в преимуществах нашей системы, вместе с тем властно диктуются борьбой с капиталистическим окружением» (т. II, с. 542).

Статья т. Мендельсона очень выгодно отличается от работы т. Эвентова тем, что выясняет не только количественное соотношение между нашим и мировым хозяйством, но показывает также качественные сдвиги нашей экономики. Прав автор, когда он, говоря о назревании технической революции в недрах капитализма, вместе с тем правильно выясняет, почему она не разрешима на капиталистической основе вопреки бухаринской теории новой технической революции в капитализме. Автор показывает преимущества планового ведения хозяйства, являющиеся источником наших темпов; сопоставляя нашу и капиталистическую экономику, автор пишет: факты показывают, как можно при плановой организации производства достигнуть неизмеримо больших результатов при одной и той же массе орудий труда!

Тов. Мендельсон устанавливает синхронистическую закономерность развертывания классовой борьбы как в СССР, так и в странах капитализма.

Все послевоенное развитие т. Мендельсон делит на три периода: в первый период всеобщего кризиса имеется непосредственно революционная ситуация,—это был период вооруженных боев за установление советской власти в СССР и ее установление в ряде других стран (т. II, с. 544). «Второй период всеобщего кризиса капитализма—период относительной стабилизации... в борьбе классов и систем произошла известная смена форм классовой борьбы. Второй период характеризует иную расстановку классовых сил, смену форм борьбы, что не означает однако ослабления ее. Это был период менее обостренных взаимоотношений СССР с капиталистическими странами. В области идеологии этот период характеризуется развитием предательской теории «врастания социализма в капитализм на путях хозяйственной демократии. Теория мирного врастания кулака в социализм является лишь естественным дополнением этих теорий» (т. II, с. 545).

Наконец третий период всеобщего кризиса принес с собой расшатывание капиталистической стабилизации, нарастание нового революционного подъема. Одновременно он совпал с огромным ускорением темпа строительства социализма в СССР. Борьба классов и социально-экономических систем вступила в полосу особого обострения (т. II, с., с. 546).

Чем же объясняется эта закономерность развертывания классовой борьбы у нас и в странах капитала? Ответ т. Мендельсона позволяет думать, что он движение всеобщего кризиса и развертывание классовой борьбы по существу определяет наличием СССР. Совпадение процессов классовой борьбы между трудом

и капиталом в СССР и странах капитала характеризует единство не случайное, а закономерное. Борьба же эта определяется ходом развития нашей революции. Вот что он пишет: «В основном смена этапов нашей революции, как и смена фаз всеобщего кризиса, определялась ее (нашей революции — А. Б.) внутренней логикой движения» (с. 544). Всякому, знающему марксизм и ленинизм, известна роль Октябрьской революции в развертывании всеобщего кризиса капитализма и классовой борьбы. Но объяснять все это только «логикой движения» нашей революции, игнорируя имманентные противоречия капитализма, является ошибкой. Одновременно следует отметить, что наряду с этой неудачной формулировкой т. Мендельсон дает в основном правильную трактовку вопроса.

Положительную оценку надо дать работе т. Фреймана «Производительность труда в капиталистических странах и СССР», в которой он дает правильную трактовку проблемы. Указывая происходящие сдвиги в нашей экономике, т. Фрейман характеризует этот процесс формулой «догоняя, перегоняем». Работа т. Маркова выясняет основы с.-х. кризиса, невозможность решений проблемы новой с.-х. техники на основе капиталистического способа производства, перспективу дальнейшей деградации крестьянского хозяйства; всему этому т. Марков противопоставляет огромнейшую перспективу социалистического строительства сельского хозяйства СССР.

Резюмируя второй том, нужно указать, что он находится на более высоком теоретическом уровне по сравнению с первым, хотя ошибок теоретических и политических в нем также немало.

В заключение укажем несколько замечаний общего характера:

1. Надо приветствовать появление такого сборника, как «На новом этапе», ибо актуальность поставленных в нем проблем (как и других, к сожалению в сборнике не затронутых) дальше откладывать нельзя.

2. Сборник, включая большое количество статей на актуальные темы, не обладает в то же самое время определенной целеустремленностью; только этим можно объяснить отсутствие статей, которые дали бы теоретическое освещение сущности нового этапа и актуальнейших проблем индустриализации, а, с другой стороны, наличие большого количества статей, имеющих скорее справочный характер.

3. Самый главный недостаток сборника состоит в том, что в нем нет систематической развернутой критики методологии как правых, так и левых оппортунистов.

4. Сборник не разоблачает идеологии буржуазного реставраторства и его методологии. Сборник не ведет войны с «буржуазными предрассудками в науке».

В сборнике в целом нет достаточной классовой бдительности (за исключением отдельных статей).

Все это значительно ослабляет достоинство сборника.

■

И. Г. БЛЮМИН — ОБ ОДНОЙ НЕМАРКСИСТСКОЙ КНИГЕ. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ ¹

(К характеристике социального направления. ИКА, 1930, И-т экономики).

История вульгарной экономики есть кривая деградации и отрицания той научной (буржуазно-ограниченной) экономики, которая была создана классиками. Путь ее похоронного шествия гораздо более растянут, занимает более длительный исторический период, нежели период существования классической политической экономики. Начиная от Ж. Б. Сэя, Ф. Бастиа, Кэри, Н. Сениора, до Рошера, Кнуса, Шмоллера и *tutti quanti*, от последних к Менгеру, Джевонсу, Вальрасу, Бему, Кларку и иже с ними, от них к Штольману, Аммону, Дилю и *tutti quanti*. Такова примерно историческая последовательность «форм» вульгарной экономики, безраздельно властвующей в буржуазной экономике. Мы перечислили только наиболее известных представителей вульгарной экономики, причем занимающихся главным образом общими проблемами «теоретической» экономики. Вульгарная экономика выдвинула несметные полчища «теоретиков» по отдельным вопросам: деньги, кредит, конъюнктура, кризисы, и т. д.

«Социальное направление буржуазной экономики есть одна из форм вульгарной экономики. Следовательно ее содержание есть и не может быть ни чем иным, как «извращенной формой», в которой выражается действительное извращение (Маркс) экономических отношений буржуазного способа производства». «Социальное» направление разделяет основные особенности всякой вульгарной экономики: а) предвзятая, угодливая апологетика заменяет действительное исследование экономических явлений; б) идеализация капиталистических производственных отношений; в) звериная ненависть и боязнь революции; г) антиисторизм.

Один из основоположников современного социального направления Штольцман пишет: «Природа и общество, бытие вообще и его развитие не делают скачков» («Der Zweck», S. 650).

Особенностями этой «формы» вульгарной экономики являются ее мнимая «социальность», абстрактная (в смысле пустой абстракции) «социальность» и «историчность». Штольцман пишет: «Теоретическая экономика имеет дело с такими абстрактными положениями, которые не должны изменяться с исторической действительностью» («Die Krisis in' der heutigen Nationalökonomie» S. 18). Штольцман присоединяется к Канту и заявляет: «Бытие как таковое, вещь в себе, я не знаю (*ibid.*, S. 73). Его «социальное» и «историчес-

•

¹ Помещая рецензию т. Пильмейстера на книгу т. Блюмина «Очерки современной буржуазной теоретической экономики», редакция отмечает, что на протяжении все о времени своего существования журнал «Проблемы экономики» печатал, к тому же без примечаний, статьи т. Блюмина, содержащие ряд ошибочных и антимарксистских положений, что было несомненной ошибкой редакции.

кое» есть категория сознания, во-первых, и в своей идеалистической пустой, абстрактной форме они метафизичны, во-вторых. То же самое мы имеем у Аммона и Дилия. Синкретическая концепция «социальников»: противоречие между аммоновским «Objekt und Grundbegriffe» и его «Grundzüge», противоречие между социально-правовым и эмпирическим, «субъективным» (натуралистическим) методом Дилия состоит в том, что их «социальное» и историческое бессодержательно, абстрактно—пусто и представляет только форму для маскировки действительной апологетики, являющейся содержанием всех основных проблем теоретической экономии. «Социальное» направление драпирует капитал (буржуазные отношения) в «общественное» одеяние, чтобы скрыть, замаскировать истинную природу деспотии капитала и в импонирующей буржуазным условиям классового мира и хозяйственной демократии «общественной» форме защищать все, что выгодно, все, что удобно, все, что сообразуется с буржуазным порядком (à la Диль), т. е. с полицейскими соображениями капитала.

Автор рецензируемой работы И. Г. Блюмин уже известен нашему читателю своими работами о субъективной школе политэкономии. К сожалению известен односторонне. Свое извращение марксизма он начал уже в этих своих работах, которые ждут своего критического разбора.

В данной работе «К характеристике социального направления» автор пытается дать характеристику той формы вульгарной экономии, которая известна под названием «социальной школы», или «социального направления».

В введении, посвященном общей характеристике «социального» направления, Блюмин пишет: «Сущность социального метода (в наиболее его общем виде) сводится к следующим положениям: а) теоретическая экономия является социальной наукой, она тесно связана с другими социальными науками и в первую очередь с социологией; б) те экономические категории, которые теоретическая экономия должна объяснить, являются социальными категориями, они мыслимы только в обществе, притом в исторически определенном обществе; в) экономические категории не могут быть выведены из чисто естественных категорий, не связанных с данным обществом и не обусловленных последним; г) поэтому в исходном пункте экономического анализа и на всем его протяжении необходимо учитывать социальную структуру данного общества и социальную природу данных экономических категорий. Руководящим мотивом социологического (?! И. П) метода являются следующие слова Маркса из «Введения к критике политической экономии»: «При теоретическом методе политической экономии субъект, т. е. общество, должно постоянно витать в нашем представлении как предпосылка (с. 12).

Из этой цитаты видно, что Блюмин видит не только «сходство» между «социологическим» методом Маркса и «социологическим» методом вульгарной экономии. Более того, руководящим мотивом «социологического» метода, социального направления, является одно из замечательных положений Маркса, что при теоретическом методе политической экономии общество должно постоянно витать в нашем представлении как предпосылка.

Поистине парадокс чародейки-истории! Вульгарная экономия, разоблаченная и осмеянная Марксом за апологетику, извращен-

ность, сикофанство, раболепие и слепоту, за пресмыкание перед буржуазным строем и его правопорядком,—эта вульгарная экономия, правда в новой форме, в изображении Блюмина, делает своим руководящим мотивом социально-исторические моменты марксва метода—диалектического материализма.

Хвалебный панегирик Блюмина, посвященный характеристике социального метода, иначе и понять невозможно. Здесь мы сразу сталкиваемся с особенностью критического анализа Блюмина, с его формалистическим, немарксистским подходом. Эта особенность состоит в том, что Блюмин не только отрывает форму от содержания, что он анализирует эту пустую форму *an sich*, но и в том, что он отождествляет (при анализе форм, в отличие от анализа содержания—таков излюбленный метод автора и в его «Субъективной школе») пустую, бессодержательную, идеалистическую, мертвую, метафизическую форму с формой содержательной, жизненной—диалектико-материалистической.

Для иллюстрации возьмем один пример: Блюмин пишет, что те категории, которыми оперируют Штольцман, Аммон, Диль, Шпанн и др. являются социально-историческими категориями. Это значит, что представители «социального» направления должны объяснить возникновение, полное противоречий развитие и неминуемую гибель данных социально-экономических категорий, и так как они их связывают (по заявлению Блюмина) с социальной структурой данного общества, то, следовательно, они должны были бы дать объяснение возникновения, развития и неминуемой гибели капитализма. Такая оценка у Блюмина происходит оттого, что Блюмин анализирует, вернее характеризует, «социальный» метод вообще в противоположность натуралистическому методу. Но если остаться даже в сфере действия чистой, абстрактной, «социальной», формы, то и тогда она не исторична.

Штольцман заявляет, что частная собственность будет существовать вечно! «Ее уничтожение было бы преступлением против природы и общества» («Der Zweck», S. 670).

Диль на вопрос, полагаем ли мы, что необходимость в капитализме существует, отвечает: «Несомненно я полагаю, что она существует». На вопрос, почему был создан буржуазный правопорядок, он отвечает: «Потому что увидели, что использование великого технического прогресса для блага всего народа возможно лишь при условии свободного развертывания предпринимательской инициативы» («Буржуазные ученые о закате капитализма» с. 74). А по Блюмину Штольцман «наиболее последовательный и глубокий представитель социального направления» (с. 26), и он придерживается всех четырех особенностей, отмеченных Блюминым в характеристике социального метода, а именно: а) что теоретическая экономия есть социальная наука, б) что категории теоретической экономии есть социально-исторические категории, в) что эти категории не могут быть выведены из чисто естественных категорий, не связанных с данным обществом и не обусловленных последним, г) поэтому исходным пунктом экономического анализа является социальная структура данного общества, социальная природа данных экономических категорий (с. 12).

Следовательно можно признать, что категории политической экономии вечны, что частная собственность вечна, что ни в природе ни в обществе не бывает скачков—такова концепция Штольцмана —

и все же «придерживаться всех четырех особенностей», которыми наделяет Блюмин «социальное» направление. По доброте ли, по наивности, «почтенный» критик, вы столь щедры в хвалебных отзывах, обнаруживающих, что вы подменяете марксизм вреднейшей формой вульгарной экономии.

Наш «критик» наверно предполагает, что он обнаруживает исключительную «объективность», когда отмечает у Дилья только три особенности», а у Аммона две, а именно: «о всеобщей применимости социального метода и об историчности экономических категорий» (с. 26). Но Аммон в своих «Grundzüge» рассматривает капитал как произведенные средства производства, следовательно он, как и Штольцман, Дилья, находится в полной власти буржуазного фетишизма.

Теория Шпанна ярко выражает необходимость для буржуазии подчинить рабочих государству—силе. В условиях революционных общественных потрясений все взоры господствующего класса обращены к с и а с и т е л ь н о й с и л е государства—в этом главная идея Шпанна. Сознательная цель теории Шпанна состоит в том, чтобы идею приковывания рабочих к капиталу облечь в форму гармонии частей целого, отрицающей всякие противоречия—отсюда универсализм Шпанна.

Антимарксистский подход Блюмина состоит в том, что он мнимый абстрактный «историзм» называет историзмом, что он абстрактное, метафизическое, идеалистическое, «социальное» отождествляет с социальным вообще, а социальное вообще с содержательным, реальным, социально-историческим.

Но Блюмин нам может заявить: видите ли, это я писал по поводу формы, а вот когда я перехожу к анализу содержания, я эти особенности, а именно: неисторизм, абстрактную социальность, господство над «социальниками» буржуазного фетишизма, вскрываю. В действительности Блюмин так и поступает (правда, анализ содержания у него тоже немарксистский, недиалектический). Но признание, что, с одной стороны, при анализе формы, они социально-историческое, общественно-обусловленное ставят во главу угла, с другой стороны, при анализе содержания они непоследовательны и вводят моменты антиисторизма, натурализма и т. д.—этот отрыв в критике «хорошей» формы от «плохого» содержания неизбежно ведет к путанице, он совершенно не способствует выяснению особенностей этой «социальной формы» вульгарной экономии, служащей истинным целям апологетики капитализма, действительной попыткой маскировать в импозантной «общественной» форме апологетическое содержание.

При анализе содержания (анализ проблем распределения, ценности) руководящим мотивом Блюмина является «объективизм» à la Прудон вскрыть «хорошее» и «плохое». «Хорошее» он видит в их «социальном» методе, «плохое» состоит в том, что они субъективизируют, натурализируют свой социальный метод.

Противоречие у Аммона Блюмин видит в том, что он отрывает форму от содержания, что форма у него исторична, а содержание натуралистично, вечно (Блюмин употребляет вместо внесторического, вечного, родбертусовскую «логическую» категорию).

Блюмин приводит два определения капитала у Аммона: капитал «представляет накопленную, концентрированную, абстрактную, индивидуальную власть распоряжения в социальном обмене»;

другое его определение в «Grundzüge» (первое Аммон дает в своем «Objekt und Grundbegriffe»), что под капиталом мы обозначаем все средства производства, которые не суть земля и труд. Мы отличаем их от земли и труда потому, что, кроме свойства быть средством производства, они имеют свойства быть произведенными» (с. 136), и подводит следующий итог: «В первом произведении капитал выступает как историческая категория, во втором—как логическая».

В этом итоге мы имеем не только прикрашивание «социального» метода, но явный вредный перегиб в изображении этого «социального» исторической категорией.

В другом месте Блюмин пишет: «Своеобразие Аммона состоит в том, что он не только пытается дать анализ социальной структуры товарного общества, но и в том, что он ближе пытается определить сущность социальной формы экономических категорий товарного общества, в некоторых пунктах у Аммона есть стык с теорией товарного фетишизма» (с. 154). В доказательство он приводит аммоновское «социальное» определение капитала и его критику определения капитала, как совокупности вещей. «Аммон,—продолжает Блюмин,—правильно подчеркивает одну сторону товарного фетишизма, что категории теоретической экономии суть социальные категории, не обусловленные материальной природой вещей» (с. 155). Но Аммон целиком проникнут буржуазным фетишизмом в своих «Grundzüge». Поэтому вредным бессмысленным является блюминовский способ критики Аммона: заявлять, что, с одной стороны, он последовательно стоит на социальной точке зрения, даже правильно подчеркивает одну сторону товарного фетишизма, и что, с другой стороны, Аммон—субъективист, что он разделяет концепцию математиков, стоимости и теорию прибыли строит на «сочетании» теории прибыли Бем-Баверка, Касселя и Шумпетера, что, с одной стороны, он близок к Марксу, с другой стороны, он явный апологет.

Так как такой метод «критики» применяется Блюминым и по отношению к другим представителям «социального направления», необходимо выяснить следующие два момента, чрезвычайно важные для оценки рецензируемой книги. Первое: верна ли такая характеристика (в данном случае) Аммона; второе: способствует ли она разоблачению «социальной» формы вульгарной экономии.

Такая характеристика безусловно не верна. Как уже указано выше, там, где у Аммона речь идет о «социальном», Блюмин это квалифицирует как социально-историческое, как историческую категорию. По существу сдает позиции марксизма. Там, где речь идет у Аммона о «социальном» абстрактном, лежащем по ту сторону реального мира, а потому и не имеющем отношения к материальному вообще к материальному процессу производства и к физической форме материального, Блюмин это квалифицирует как стык с марксовской теорией товарного фетишизма. По поводу второго момента необходимо подчеркнуть следующее: Блюмин не сумел скрыть, что их «социальное» есть только попытка драпироваться под «общественную форму», что обусловлено классовой борьбой буржуазии против пролетариата за господство буржуазии над обществом, в противоположность пролетарской борьбе за диктатуру пролетариата, за освобождение человечества, огромного большинства общества от ига капиталистов. Вот где пови-

димому надо искать истинный критерий «социальности» современной вульгарной экономии, которая капиталистическое выдает за общественное, капиталистическую форму отношений изображает как общественную в том смысле, что она соответствует интересам всего общества (сравните приведенные выше слова Диля о буржуазном правопорядке).

Действительно, социальное чуждо «социальному» направлению; их «социальное» мертво, пусто и абстрактно, но оно имеет, как это уже было подчеркнуто выше, для них значение и смысл для действительной маскировки апологетики капитала.

Штольцман наиболее последовательный представитель социального направления. Если пользоваться манерой критического анализа Блюмина, то о Штольцмане можно сказать, что он в своем учении развивал «хорошую» и «дурную» сторону: социальный метод и телеологический метод.

Штольцман, подчеркивает Блюмин, выгодно отличается от многих буржуазных экономистов своей последовательной защитой «социального» метода, отрицанием доминирующей роли редкости, отрицанием примата количественного анализа и выдвиганием на первый план качественного анализа. Таковы стороны штольцмановского «социологического» метода в интерпретации Блюмина.

На деле же Штольцман свой «социальный» метод противопоставляет Марксу,—последнего он обвиняет в натурализме. Известно, что для Маркса категории политической экономии представляют теоретическое выражение производственных отношений: «абстракция реальных, преходящих, исторических общественных отношений» (Маркс). «Социальные» категории Штольцмана есть категории «чистого сознания», они не выражают реальных отношений и т. д. «Социальное» Штольцмана, его понимание отношений людей друг к другу не выражают производственных отношений, они настолько абстрактны и «потусторонни», что совершенно чужды реальной действительности. И такие «социальные», «экономические» категории Штольцман строит сознательно, ибо сознательная цель всего приема в том, чтобы в безвредной «социальной» форме протащить апологетическое содержание, конструируемое на основе телеологического метода.

Переходя к характеристике телеологического метода Штольцмана, Блюмин подчеркивает апологетический характер его концепции: «Этическое истолкование экономических явлений сводится в конечном счете к оправданию исследуемых явлений, т. е. к апологетике капиталистического строя. Социально-этический метод Штольцмана является своеобразной и весьма утонченной формой экономической апологетики» (с. 176).

В характеристике социально-этического метода Штольцмана повторяется та же история, которая была отмечена при разборе критики Аммона. «Социальное», рассматриваемое *an sich*, вызывает восхищение нашего критика; он отмечает последовательность, глубину штольцмановского понимания «социального», и лишь в соединении с телеологическим методом (содержания экономической концепции Штольцмана) Блюмин раскрывает в нем апологетику. Вреднейшая ошибка Блюмина в том, что он не видит апологетики в самом «социальном» у Штольцмана, Аммона и иже с ними, что он отождествляет социальное вообще с социально-историческими категориями и потому при-

писывает метафизическому, идеалистическому, абстрактному (внеисторическому) «социальному» содержанию—реального—исторического, которое является достоянием только марксистско-ленинской политической экономии и вообще чуждо всей буржуазной экономике, в том числе и классикам Смиту, Рикардо и Р. Джонсу. Зияющая пропасть лежит между характеристикой социального метода в анализе формы без содержания и в анализе апологетического содержания, поглощающего эту обманчивую форму.

Учение Штольцмана о прибыли является лучшим подтверждением его идеи «социального» сотрудничества классов и естественной гармонии их интересов. «Капиталисты являются делегированными функционерами общества. Владельцы всего национального производства и потребительского фонда, они являются исполнителями центральной воли, данной через организацию существующего хозяйственного строя» (с. 182). Капиталисты по Штольцману получают так же, как и другие классы, например, рабочие, социально необходимые доходы за социально необходимые функции. Особенность Штольцмана состоит в том что он старый хлам вульгарной экономии, «теорию услуг», предподносит в новой «социально-телеологической» форме. Экономическое опровержение теории эксплуатации Штольцман дает в следующем анализе капиталистического дохода: «Капиталистический доход не стоит в противоположности заработной плате, он течет ей параллельно как первоначальная и самостоятельная величина. Он (капиталистический доход—И. П.) не стоит, как полагали классики, с заработной платой в железных отношениях дополняемости такого рода, что повышение заработной платы, соответственное понижение (Erniedrigung) капиталистического дохода автоматически с собою приносят... Капиталистический доход следует своим собственным законам» («Theoretische Grundfragen»).

Штольцман эксплуатацию объявляет вечной категорией. Она у него обусловлена техническим разделением труда, выполнением различных функций («социально»-необходимых).

Что Блюмин беспомощно запутался в критике «социальной» формы вульгарной экономии рельефно обнаруживается в следующих примерах.

Он приписывает Штольцману понимание практически истинной абстракции, в то время, как последний в «поте лица своего» непрерывно, в многократных формах доказывает, что его категории есть категории «чистого сознания», что эти категории неподвижны (wandeln sich nicht), вечны и неизменны. («Die Krisis...», S. 68). Он приписывает Штольцману преобладание в его концепции качественного анализа, анализа «социальной роли экономических категорий, связанных с формой хозяйственного процесса» (с. 162). Для подтверждения этого обстоятельства наш «критик» не приводит ни одного примера, ни одной цитаты, действительно подтверждающей его характеристику.

Для выяснения этого обстоятельства мы поставим нашему «критику» следующие вопросы: первое—понимает ли он под качеством экономических категорий качественную определенность производственных отношений, и, второе—имеет ли место такое качественное понимание экономических категорий у Штольцмана? Мы с своей стороны заявляем, что ничего подобного

нет и быть не может в концепции Штольцмана и во всей буржуазной экономии.

В критике Штольцманом Маркса Блюмин находит «интересные мысли, которые были развиты в современной дискуссии о теории ценностей Маркса» (с. 160).

Поистине не знаешь чему удивляться: бесхребетной, фальшивой, антимарксистской критике вульгарной экономии, или открытому пресмыканию перед «новой» формой вульгарной экономии.

Можно ли после всего изложенного о характере «социального метода» Штольцмана, о характере основных особенностей его концепции (и концепции всех представителей социального направления) писать, как это делает Блюмин, что их категории являются социально-историческими, что они обусловлены структурой данного общества? Это прямая защита замаскировавшегося классового врага, наиболее опасного, пока маска с него действительно не сорвана. А сорвать эту маску возможно только тогда, когда разоблачена будет «социальная» концепция вульгарной экономии, как мнимо социальная, как необходимая фикция для апологетики капитализма.

Критический разбор Диля построен на тех же принципах, как и критический анализ Штольцмана и Аммона.

Характеристика Шпанна должна была быть построена не по принципу его смыкания с «социальниками» или субъективистами. Основная задача марксистской критики Шпанна сводится к тому, чтобы раскрыть особенности универсализма, особенности экономической идеологии фашизма, исходя из определения условий и характера современной классово-борьбы. Логический разбор синкретической концепции Шпанна конечно тоже необходим. Но и логический строй концепции в действительности обусловлен теми же условиями классово-борьбы—большой акцент на момент «мнимой социальности», или на субъективизм, вытекает из этих условий. Блюмин не вскрывает социальных условий экономической идеологии фашизма, поэтому концепция Шпанна лишается своей определенности, актуальности для современной эпохи усиленной фашизации капитализма.

Идейная преемственность Шпанна, его связь с мертвой реакцией католицизма (Н. Thomas), средневековья, феодализма (Мюллер) очень слабо раскрыта у Блюмина. Более решительно, как это ни парадоксально, раскрывает связь Шпанна с Томасом, Мюллером В. Зомбарт.

Но Блюмин верен себе (своей путанице). Он пишет: «Универсализм Шпанна имеет некоторые точки соприкосновения с диалектикой» (с. 262). Шпанн даже критикует «механическое представление о причинности» (ibid.), но универсализму Шпанна, несмотря на наличие некоторых общих моментов (Блюмин) с диалектикой, нехватает «малости»—движущей роли противоречия. Что же за диалектика без противоречия? Повидимому это блюминовская «диалектика»! И в этом вопросе Блюмин на голову стоит ниже архибуржуазного, путающегося в постоянных противоречиях Зомбарта. Говоря об идейных истоках шпанновской концепции, Зомбарт пишет: «Der Weg aber, auf dem er zu diesem Erkenntnisziele gelangt, ist der von der scholastischen Philosophie gewiesene; er ist in dem Zentralbegriffe der Spansschen Lehre (wie

der Scholastik) dem Universalismus vorgezeichnet» («Die drei Nationalökonomie», S. 37).

И дальше о том же «Hier weht doch wohl, wie mir scheint, scholastischer und ganz gewiss nicht Hegelischer Geist» (ibid., S. 38). Следовательно Зомбарт универсализм не связывает с диалектикой, а с схоластикой. Зомбарт, как буржуазный экономист, не пытается вскрыть и не вскрывает социальной природы шпанновской концепции, его критика односторонняя, противоречивая. Но он в данной своей односторонней оценке шпанновского универсализма ближе к истине, нежели Блюмин в своей односторонней оценке шпанновской «общности с диалектикой».

И. Г. Блюмин проработал большой материал, проделана большая работа. Однако его книга может приносить только вред (своей критической стороной), ибо она совершенно не выдержана в смысле марксистской критики «социальников». Она не выдержана еще в том отношении, что она подвергает открытой ревизии ряд положений марксистско-ленинской политической экономии. Для иллюстрации возьмем два примера.

Первый—Блюмин полностью разделяет буржуазную теорию «статики» и «динамики» как в своей работе о «субъективной школе», так и в рецензируемой работе.

Блюмин пишет: «Только на базе развернутой статической теории можно уяснить эволюцию капитализма и установить основной закон его движения». В согласии с Кларком, Блюмин считает, что основные закономерности устанавливаются статической теорией: «На базе развернутой теории экономической статики возможно научное исследование структурных изменений, которые происходят в процессе развития реального капитализма. Сюда относятся такие проблемы, как концентрация и централизация капитала, всеобщий закон капиталистического накопления, теория обнищания, тенденция нормы прибыли к падению, эволюция капиталистического цикла» (с. 340). До такой «развернутой теории статики» не договаривался даже Шумпетер! И эту кларковскую теорию статики, облеченную в форму марксистских категорий, Блюмин хочет выдать за марксизм.

Нет, не выйдет, И. Г. Блюмин. Такой прием уже известен,— это подмена диалектического материализма метафизической теорией равновесия буржуазных экономистов.

Второе. Рассматривая генезис «социального» направления, Блюмин останавливается на характеристике Родбертуса. Он пишет: «Родбертус является одним из наиболее последовательных сторонников трудовой теории ценности». У него мы даже встречаем «предвосхищение цены производства». Совсем иначе расценивали трудовую теорию стоимости Родбертуса Маркс и Энгельс. В предисловии к «Нищете философии» в 1885 г. Энгельс дает блестящую критику совсем непоследовательной теории трудовой стоимости Родбертуса. Последний стоимость определяет как «то значение, которое имеет данная вещь по отношению к другим вещам в том случае, когда мы рассматриваем это отношение в количественном смысле, а самое значение вещи принимаем за мерилу». Энгельс называет это определение бессодержательным и отмечает еще следующие ошибки теории стоимости Родбертуса: смешение потребительной и меновой стоимости: «стоимость и труд остаются... без всякой связи». Родбертус придерживается:

утопии рабочих денег, он не понимает уклонения цены от стоимости. Маркс и Энгельс действительно не признавали теории трудовой стоимости Родбертуса последовательной, но ее как последовательную рекламирует Бем-Баверк («Капитал и прибыль», т. I). Однако настоящий перл еще впереди. Блюмин дальше пишет: «Исходя из трудовой теории ценности, Родбертус построил очень стройную теорию эксплуатации. Рента, или прибавочная ценность, получается в результате присвоения неоплаченного труда рабочих. Родбертус не делает ни малейшей попытки замазать классовое противоречие между рабочими и капиталистами... Подобно Марксу, Родбертус начинает свой анализ не с рассмотрения отдельных форм прибавочной ценности, обособленно существующих друг от друга» (с. 55). Если Родбертус, как это заявляет Блюмин, действительно дал «стройную теорию эксплуатации» и если он, подобно Марксу, начинает свой анализ «не с рассмотрения отдельных форм прибавочной ценности, обособленно существующих друг от друга», т. е. если он, подобно Марксу, дал всеобщую форму прибавочной стоимости, тогда прав Родбертус, когда он в своем письме Целлеру жалуется, что его «недурно использовал Маркс», который на него «не делает ссылки», и когда в своих «Briefe und Socialpolitische Aufsätze» пишет, что Маркс его обворовал. И далее, тогда Маркс неправ, когда он в письмах к Энгельсу пишет, что «в противоположность всей прежней политической экономии, исследовавшей прежде всего особые части сверхстоимости в их твердых формах, как рента, прибыль, процент, считая их данными, я стал впервые изучать общую форму сверхстоимости, в которой все особые части еще, так сказать, находятся в растворенном состоянии». Абстрагируемся от того, что пишет Блюмин, и посмотрим, как выглядит в действительности теория эксплуатации и ренты у Родбертуса. Вот что пишет Энгельс о родбертусовской «стройной теории эксплуатации»: «Родбертусу нужен привилегированный класс по меньшей мере на ближайшие 500 лет, а потому (выражаясь правильно) современный уровень прибавочной стоимости должен остаться, хотя и не должен возрастать. Этот современный уровень прибавочной стоимости Родбертус полагает в 200%». Комментарии излишни. Такова «стройная теория эксплуатации!» По поводу родбертусовской ренты Энгельс пишет, что Родбертус остался в плену тех экономических категорий, которые он нашел у своих предшественников: «Он окрестил прибавочную стоимость именем одной из ее превращенных форм—ренты, которую он к тому же сделал совершенно неопределенной. Результатом этих двух промахов было то, что он снова впадает в экономическую тарабарщину...» (Предисловие к II тому «Капитала»).

Скажите, И. Г. Блюмин, как называется такое искажение марксистской критики буржуазной и не освободившейся от помещичьей скорлупы экономики à la Родбертус?

Если вы сомневаетесь, можно вам сообщить и совсем не по секрету—это ревизия марксизма.

Прочитав это, Блюмин скажет вам, что вы не объективны, разбираете только одну сторону: «Ведь у меня есть еще «дурная» сторона родбертусовских концепций—его идеализм». Да, есть. Но это только подтверждает, что у вас не связаны концы с концами, это свидетельствует также о путанице.

Недоумение вызывает еще следующее обстоятельство: Блюмин нигде не обмолвился ни единым словом (как в предисловии, так и в общей характеристике социального направления) о влиянии «социальной» формы вульгарной экономики на современную социал-демократию, на социал-фашистов, об их влиянии на Рубина. Может быть это произошло потому, что он «социальный метод» считает правильным (в изображении Штольца и *tutti quanti*), а неправильным считает их телеологизм, субъективизм, индивидуализм и натурализм. Но и тогда социал-демократы делят с «социальным» направлением «и радость и горе». Они тоже синкретичны и в «социальной» форме преподносят то же апологическое содержание. Это обстоятельство уже отмечено в литературе и было рельефно подчеркнуто в докладе т. Сегаль в Коммунистической академии на тему «Преподавание политэкономии в связи с критикой реформистских теорий».

Вывод: рецензируемая книга, эклектическая, вредная, надо освободить нашего читателя от таких трудов, которые занимаются восхвалением опасных сторон замаскировавшейся вульгарной экономики, которые открыто ревизуют марксизм.

С. САРКИСОВ

ЖУРНАЛ «ПУТИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ» № 1—18 за 1930 г.

(Двухнедельный политико-экономический журн. Орган президиума ВСНХ СССР)

Период, в который мы вступили, есть период решительной социально-экономической и технической реконструкции, период решительного наступления социализма по всему фронту. Легко понять, какие сложные и ответственные задачи ложатся в этих условиях на экономическую прессу в частности и в особенности на прессу ведущего звена этой реконструкции—социалистической промышленности. Теоретическая разработка вопросов социалистической индустриализации, борьба за осуществление экономической политики партии на практике, боевая постановка важнейших вопросов социалистической промышленности с обеспечением определенной теоретической высоты в проработке их, борьба на два фронта: за ленинскую чистоту теории, против уклонов от генеральной линии партии—таковы в общем задачи политико-экономического журнала социалистической промышленности.

Журнал «Пути индустриализации», являющийся единственным политико-экономическим журналом союзной промышленности, будучи журналом сравнительно молодым, еще в целом недостаточно определенным, но вместе с тем необходимым, отмечая ряд существенных недостатков, отметить несомненные достоинства журнала, успехи, рост его, особенно за последний год.

В 1930 г. журнал поднимает и разрабатывает целый ряд актуальнейших проблем. Ему принадлежит первенство в постановке вопросов о географическом размещении социалистической промышленности (специально № 7--8) и о путях развития важнейших районов; широкая дискуссия развернута по вопросам генерального плана и проблемы технической реконструкции, проблемы организации управления промышленностью и организации труда на новом этапе и т. д. и т. п.

По вопросу о новых формах организации труда следует отметить две статьи т. Тирзбанурта (№ 10 и 11—12). В первой статье автор дает теоретическое обоснование тому массовому движению за ударничество и соцсоревнование, которое охватило рабочий класс в СССР в борьбе за пятилетку. «Если социализм должен создать высшую по сравнению с капитализмом форму организации труда, то в переходный период от капитализма к социализму создаются возможности более высоких темпов развития именно потому, что здесь начинают действовать новые элементы более прогрессивной, революционной формы организации труда». «Но соцсоревнование является и новой формой

классовой борьбы,—совершенно верно замечает автор статьи,—ибо социальное соревнование направлено на борьбу против мелкобуржуазных элементов, рвачей, шкурников, одним словом, против всех тех, которые стараются «дать работы поменьше и похуже—содрать денег побольше»,—вот почему социальное соревнование так ненавистно кулацко-враждебным элементам, проникшим в среду рабочего класса).

Во второй статье т. Тирзбанурт дает богатый конкретный материал по организации новых форм труда (ударные бригады, коллективы, коммуны). Какой вид организации на данной ступени социального соревнования считать основным (с. 38),—и автор совершенно верно, борясь и против ультралевых и правых установок, считает основной формой ячейку соревнующихся рабочих, форму, наиболее развитую в настоящее время,—ударную бригаду и ударный производственный коллектив; коллективы-коммуны не могут быть основной формой, ибо она предполагает высококлассовое сознание всех рабочих, умеющих повседневно полностью подчинить свои личные интересы общим. «Попытайся же быстро и повсеместно переключить ударные бригады в коммуны, минуя производственные коллективы, минуя период преодоления индивидуалистических привычек, традиций—это значит подорвать хорошее начинание, дискредитировать самую идею коммунистического труда» (с. 39).

Вопросу о кадрах и текучести рабочей силы уделено в журнале недостаточное место. Статья т. Вовси и Шостака по вопросу о текучести затрагивает незначительный отряд рабочих, причем авторы не сумели правильно поставить вопрос о текучести рабочей силы и свели все дело к различной оплате труда в предприятиях. ЦК партии в своем обращении объясняет в основном факты текучести рабочей силы тем, что на большой прилив новых рабочих из деревни и города, не прошедших школу крупного производства, пропитанных мелкособственническими и подчас рваческими настроениями, не было во-время обращено внимание со стороны партийных и профессиональных организаций; не сумели во-время достаточно перестроиться и охватить эту часть рабочей массы в первую очередь своими организациями и воспитательным влиянием, не было создано определенных культурно-бытовых условий на производстве, не дано было отпора летунам, рвачам, прогульщикам, общественное воздействие на отсталые слои рабочих было крайне слабо и т. д. Вопросам о кадрах промышленных рабочих и источниках покрытия потребности в них журналу необходимо уделить особое внимание.

Вопросам размещения промышленности, путям индустриализации важнейших районов, и в частности вопросу перемещения центра тяжести развития промышленности на Восток в связи с созданием новой угольно-металлургической базы, журнал посвящает одно из первых мест, и в этом бесспорно его крупная заслуга. Совершенно верно подвергается критике установка буржуазных экономистов о применении теории А. Вебера о размещении промышленности в СССР. Ярый поклонник веберовской теории, Коган-Бернштейн оказался одним из лидеров контрреволюционной «пропартии». Этот вредитель в своем докладе в органах ВСНХ заявил: «Мы сможем использовать основные приемы веберовской схемы и не задаваться какими-либо методологическими приемами».

В передовой журнала совершенно верно отмечают: «Утверждать это может лишь тот, кто не видит основных принципиальных отличий советской системы хозяйства от капиталистической» (с. 11).

В связи с размещением промышленности (особенно остро стоит вопрос о методологии районного планирования); в этой области имеется большое отставание теории от практики. Статья Розенфельда о методологии промышленного плана в районном разрезе к сожалению не проливает света на этот вопрос, и целый ряд теоретических установок статьи является явно неверным. Автор видит гвоздь планирования теперь только в техническом разрезе, разрывая экономические отношения и сводя их только к техническому планированию, а экономические отношения автор видит только в сфере народнохозяйственных связей. «Мы усвоили основные методы планирования народнохозяйственной связи по линии оборота; здесь мы находимся полностью в сфере экономических отношений» (с. 17). (Настоящая меновая концепция!) И дальше: «С постепенным отмиранием рыночных отношений, все в большей мере заменяемых плановым регулированием, центр тяжести промышленного плана передвигается в область технического планирования» (с. 17).

В статье т. Покшишевского «О районообразующей роли энергетики» автор верно отмечает роль энергетики в размещении промышленности, в том, что от локально-паросиловой энергетики, присущей капитализму, мы идем к энергетике будущего, которая связывала бы все хозяйство районов в единый целостный организм и служила бы орудием наиболее глубокого обобществления всего народного хозяйства.

Следует отметить статью «Проблема размещения промышленности и рабочие кадры». Отмечая три типа районов (проблема рабочих кадров в старых районах, в национальных республиках и неосвоенных районах), автор статьи выдвигает в качестве первоочередных задач в старых районах подготовку новых кадров и переобучение застойных профессий, перераспределение рабочей силы по отдельным отраслям и районам, высвобождение огромной армии труда, занятой в домашнем хозяйстве, посредством обобществления быта (питание, уход за детьми и т. д.). К сожалению автор не касается проблемы кадров в связи с коллективизацией и вовлечением части колхозников в промышленность.

Статьи «О территориальных сдвигах промышленности в пятилетке», «Пятилетка Большого Урала», статьи о Сибири, Казакстане и др. областях представляют собой изложение материалов, представленных Уралпланом, Сибпланом и др. облпланами. Опубликование этих материалов представляет собой выдающийся интерес для советской общественности, но в дальнейшем требуется уже освещение этих же вопросов с более разработанными технико-экономическими показателями, в особенности проблема Урало-Кузнецкого комбината. Журнал должен систематически прорабатывать и освещать вопросы о ближайших перспективах (оставшиеся три года до конца пятилетки) Урало-Кузнецкого комбината, сигнализировать во-время о прорывах и кроме того освещать вопросы создания этого невиданного еще в истории народнохозяйственного комбината в свете генплана. Одна только цифра в 10 млрд. руб. вложений в Урало-Кузнецкий комбинат говорит о сверхважности этой проблемы.

По вопросу о размещении закавказской металлургии вряд ли верным является утверждение проф. Диманштейна, известного противника создания второй угольно-металлургической базы на Востоке, к сожалению нашедшего в некоторых кругах Укргосплана поддержку своей точке зрения, что закавказский металлургический завод надо построить не в районе Ганджи, а в Очемчирах (на берегу Черного моря). Являясь сторонником веберовской буржуазной теории, он исходит исключительно из издержек производства, в то время как построения металлургического завода на берегу Черного моря является явно нецелесообразной с военной точки зрения, и эту сторону дела почему-то «забыл» проф. Диманштейн. Плохая забывчивость и уже не в первый раз. Видимо интервенция не угрожает проф. Диманштейну.

По вопросу о генплане журнал на своих страницах открыл дискуссию помещением ряда статей. Дискуссия начата статьей т. Ковалевского «К построению генплана». Товарищи, выступавшие против установки Ковалевского и Фельдмана, совершенно верно отмечают всю схематичность, пустую абстрактность, игру в арифмометр вместо действительно научного подхода к вопросам генплана. Тов. Кржижановский, как известно, уже на съезде плановых работников отметил основные неверные установки Ковалевского. Статья тт. Ратнера, Колдобского, несмотря на то, что авторы совершенно непропорционально много времени тратят на доказательство связи между производственными отношениями и производственными силами, о содержательности самой формы и т. д., верно отмечает, что принцип построения плана Гоэдро, одобренный в свое время Лениным, должен лечь в основу разработки генплана; генплан должен быть вторым планом Гоэдро. Вопросу о линии технической реконструкции в генплане посвящен целый ряд статей. Таковы статьи т. Кузнецова, очень интересные статьи Гардина, статьи Ханковского. Сюда же относится статья т. Кузьминова, печатавшаяся частично в дискуссионном листке «Правды» во время партийного съезда. Тов. Кузьминов ставит интересный вопрос о роли технической реконструкции в деле социально-экономической трансформации сельского хозяйства. Вопрос этот заслуживает большого внимания со стороны других наших экономических журналов и несомненно должен привлечь к себе несколько большее, чем до сих пор, внимание наших экономистов.

У некоторых авторов получается странное противопоставление электрификации и развития тяжелой крупной индустрии. В этом отношении совершенно правильно ставит вопрос т. Кузнецов (в № 11—12). Нельзя противопоставлять развитие тяжелой крупной индустрии электрификации, ибо создание и развитие тяжелой крупной индустрии есть одновременно и развитие электрификации, ибо вне электрификации немыслимо вообще создание современной крупной промышленности. Как можно строить современные мощные доменные агрегаты без электрификации или установки мощных блумингов и т. д. Вот почему Ленин и ставил вопрос, что ведущая роль в преобразовании страны и построении социализма принадлежит тяжелой крупной промышленности, которая включает в себя и электрификацию. «Крупная машинная

индустрия обозначает не что иное, как электрификацию страны»¹ (Ленин, Соч., т. XVIII, ч. I).

Недостаточная четкость в формулировках имеется у т. Ханковского в статье «Электрификация и социалистическая реконструкция сельского хозяйства» (№ 10), где автор заявляет: «Социализм победит в нашей деревне через посредство электрификации. Других путей нет и при данных технических, экономических и исторических условиях быть не может». В книжке, вышедшей месяца через три после выхода № 10 «Пути индустриализации», т. Ханковский добавил еще слово «слагающихся». Такая постановка на данном этапе является политически неверной. Тов. Сталин на XVI съезде уже отметил и показал ошибочность такой постановки вопроса, — сначала электрификация, а потом социализм.

В вопросах электрификации журнал все время верно сигнализировал о наступающем остром электрическом голоде. Теперь на фоне раскрытия контрреволюционной «промпартии» и ее вредительства в электрификации совершенно ясна картина всемерного срыва плана ГОЭЛРО.

Большой заслугой журнала является освещение целого ряда вопросов мировой экономики (около 12 статей о мировом кризисе, о положении отдельных отраслей мирового хозяйства). Необходимо в дальнейшем уделить особое внимание вопросам технико-экономических изменений в крупнейших отраслях мировой экономики (металлургия, химия и др.) с тем, чтобы давать не просто конъюнктурные обзоры, а глубокие процессы технико-экономического порядка, чтобы советская хозяйственная общественность могла своевременно познакомиться с техническими и экономическими изменениями в мировой экономике.

Отдел критики и библиографии поставлен плохо. Необходимо серьезно поставить этот отдел. Огромное количество журналов, которые выпускаются отдельными объединениями промышленности как в центре, так и на местах, должно подвергнуться рецензированию и библиографии в журнале «Пути индустриализации».

Общие выводы: журнал резко отличается от целого ряда других экономических журналов («Плановое хозяйство», быв. «Социалистическое хозяйство» и др.) своей партийностью и в основном правильной политической установкой. Этот журнал, сравнительно молодой, не являлся убежищем базаровско-громано-кондратьевской теории. Журнал дышит партийностью, определенным большевистским темпераментом. Журнал выдвигает целый ряд новых актуальных проблем социалистического строительства; правда имеется еще большая неплановость, случайность в постановке некоторых вопросов (в частности вопрос о субститутах — важнейший вопрос — поставлен только раз, и этим журнал ограничился).

В будущем необходимо привлечь Институт экономических исследований при ВСНХ СССР, чтобы журнал регулярно освещал

¹ «Но экономическая (сторона) может быть обеспечена только тогда, когда действительно в русском пролетарском государстве будут сосредоточены все нити крупной промышленной машины, построенной на основах современной техники, а это значит — электрификация» (Ленин, Соч., т. XXV, с. 491).

исследовательскую работу Института по важнейшим вопросам. Необходимо систематически освещать вопросы крупнейших отраслей производства (химия, топливо, уголь, вопрос о разведочном деле), в особенности теперь, когда разоблачается вредительство в разных сферах промышленности. Журнал лучше сделать ежемесячным, — тогда набор статей не был бы подчас случайным, и качество журнала бесспорно бы выиграло. Необходимо вокруг журнала создать рабочий актив крупнейших предприятий Союза для освещения в журнале вопросов о встречном промфинплане, о новых формах труда и т. д. Тираж журнала очень невелик (6 тыс.) и по нашему мнению не соответствует роли и значению журнала. Здесь помимо редакции значительная часть вины падает очевидно и на издательство. В будущем необходимо шире рекламировать журнал, решительнее продвигать его в гущу работников социалистической промышленности.

ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ПЛАНА ГОЭЛРО

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВ. В. МИЛЮТИНА НА ЗАСЕДАНИИ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ 2 ДЕКАБРЯ 1930 Г.

В настоящее время мировое хозяйство находится под знаком все более и более растущего экономического кризиса. Несмотря на огромнейшие достижения в области техники, мы имеем развал капиталистического хозяйства, характеризующийся колоссальным падением производства, огромным ростом безработицы, расстройством всех хозяйственных связей и полной бесперспективностью дальнейшего развития. Наряду с этим у нас в условиях социалистического строительства мы имеем решающие победы на основных участках народного хозяйства. Уже в настоящий период мы перевыполняем в два с лишним раза те предположения, которые были сделаны по пятилетке в области сельского хозяйства—по коллективизации—и в 1931 г. намерены перевыполнить наметки пятилетнего плана развития народного хозяйства по основным отраслям его: по углю, нефти, машиностроению. Наш лозунг «Пятилетка в 4 года» для решающих областей народного хозяйства возможно будет сокращен до 3—3½ лет. Вместе с тем мы должны констатировать, что те установки, которые проектировались в плане ГОЭЛРО 10 лет тому назад в отношении промышленности, т. е. увеличения производства в промышленности в 2 раза, выполняются. Точно так же мы выполним план ГОЭЛРО в области электрификации в 1931 г. Однако нужно, отметить, что в целом ряде областей, и в частности в той области, которой я коснусь подробнее, т. е. в области сельского хозяйства, а также и в области транспорта, мы в большой степени не выполнили план, который намечался ГОЭЛРО. В основном же план ГОЭЛРО будет выполнен. Таким образом наша практика, факты, а не просто теоретические рассуждения, показывают победу нашего планирования народного хозяйства. Капиталистический мир, капиталистическая буржуазная наука в настоящее время сильно обеспокоена результатами осуществления нашего народнохозяйственного плана. Буржуазная наука, капиталистические деловые круги изменили свое отношение к нашему плановому руководству народным хозяйством и в первую очередь, конечно, к пятилетке. Я уже не говорю о том, что буржуазная печать раньше просто замалчивала наш план народного хозяйства в том числе и план ГОЭЛРО. Буржуазная печать иронически относилась к выпущенной в свет проектировке пятилетнего плана, называя это фантастикой, неосуществимой идеей и т. д. Сейчас они вынуждены констатировать, что пятилетка народного хозяйства получает осуществление на практике и что наш план представляет действительно те определенные оперативные задания, которые мы ставим перед собой в области развития нашего народ-

ного хозяйства и которое мы выполняем. Капитализм и капиталистическая наука пытались предвидеть экономическое развитие. На этом строилась вся статистика и анализ конъюнктуры в области буржуазной науки. Но буржуазная наука не предполагала, что можно определять экономическое развитие на ряд лет, что явилось возможным только в условиях диктатуры пролетариата на базе обобществления средств производства.

Мировая буржуазия видит в нашей системе хозяйства реальную угрозу для капиталистического строя. Отсюда ее звериная ненависть и интервенционистские планы по отношению к СССР; отсюда ее попытки посредством вредительства сорвать осуществление пятилетнего плана.

Столкновение двух систем—капиталистической и социалистической—вот что мы сейчас видим, и в этом отношении, повторяю, факты, которые мы имеем, факты мирового кризиса в капиталистических странах, падение капитализма и факты успешного социалистического строительства в СССР показывают всему миру перспективы дальнейшего мирового развития. Реформисты и апологеты капитализма, которые полагают, что можно в капиталистических условиях перейти к организованному хозяйству, чего между прочим не поняли и наши правые (на этот счет общеизвестна теория т. Бухарина), не понимают одной вещи, что мы наше плановое хозяйство строим на основе обобществления средств производства, таковое возможно лишь при диктатуре пролетариата в городе и деревне, что мы не отрываем проведения нашего планирования от установления новых конкретных форм хозяйства, которое мы, начиная с Октябрьской революции, последовательно и неуклонно проводили.

Без свержения капитализма, без установления диктатуры пролетариата, без проведения обобществления средств производства невозможно построение планового хозяйства, а следовательно невозможно устранение тех противоречий, которые в яркой и углубленной форме мы наблюдаем сейчас в капиталистическом мире.

В области сельского хозяйства у нас проблема технической реконструкции неразрывно была увязана с переходом от индивидуальных форм к коллективным формам сельского хозяйства. Когда старались отделить проблему технической реконструкции от проблемы реконструкции форм сельского хозяйства, то этим самым делали несомненно глубокую, принципиальную ошибку. Только на базе крупного обобществленного сельского хозяйства мы можем проводить и проводим техническую реконструкцию сельского хозяйства. Социализм невозможен без уничтожения противоположности между городом и деревней. В этом отношении мы сейчас и ставим задачу конкретно. Когда мы подходим к задаче реконструкции, к технической реконструкции сельского хозяйства, к установлению связи между промышленностью и сельским хозяйством, между городом и деревней, мы ставим одновременно перед собой задачу уничтожения этой противоположности между городом и деревней. Для этого мы должны развивать формы обобществленного сельского хозяйства, т. е. формы коллективизации. Для осуществления этой задачи необходимо было подводить в области сельского хозяйства новый технический базис, для этого мы должны были на базе сплошной коллективизации выкорчевывать, уничтожать корни капитализма, уничтожать

кулачество как класс. Не подлежит сомнению, что в 1932 г. нам удастся коллективизировать все сельское хозяйство. В настоящий момент мы имеем в области сельского хозяйства около 25% коллективизированных крестьянских хозяйств. Для предстоящего 1931 г. намечается следующее: к первому июля будет коллективизировано примерно процентов 40—45. К осени 1931 г. предполагается, что будет коллективизировано 50—55% крестьянских хозяйств. Посевная площадь у нас, предполагается, будет коллективизирована уже весной 1931 г. в предстоящую посевную кампанию в размере около 50%. Для целого ряда решающих сельскохозяйственных районов, как Украина, Кавказ и Поволжье, мы будем уже в 1931 г. иметь переход всего сельского хозяйства на сплошную коллективизацию. Последние цифры, которые мы имеем относительно Северного Кавказа, говорят о том, что уже сейчас там процент коллективизации достиг почти 70. Процент коллективизации на Украине достиг 40. Такой же процент мы имеем в Поволжье, таким образом по решающим зерновым сельскохозяйственным районам мы имеем переход на сплошную коллективизацию, что меняет совершенно всю ситуацию нашего сельского хозяйства. Вместе с этим мы техническую реконструкцию можем двинуть значительно более быстрым темпом. Уже в истекшем году мы имели, если перевести на лошадиную силу, 900 тыс. л. с. тракторов и будем иметь в предстоящем 1931 г. удвоение тракторной тяги и даже больше. Свыше 2 млн. л. с. будет работать на наших полях. Так расширяется употребление тракторов, причем в значительной степени это будет идти не за счет ввоза тракторов из-за границы, но за счет внутреннего производства: за счет производства Путиловского и Сталинградского заводов. Мы несомненно овладеваем тракторным производством. Точно так же мы в нынешнем году благодаря коллективизации смогли применять и в значительно большей степени химизацию в области сельского хозяйства. В области основной химической промышленности мы будем иметь почти удвоение в деле производства основных химических продуктов, а для сельского хозяйства мы впервые в серьезном масштабе получим калийные соли.

Но надо сказать, что этими результатами технической реконструкции сельского хозяйства мы не можем и не должны удовлетвориться. Констатируя несомненные огромные результаты в продвижении новой техники в сельское хозяйство, мы вместе с тем должны стремиться к дальнейшему еще более быстрому развитию техники сельского хозяйства. В связи с этим встает огромная проблема электрификации сельского хозяйства. Социализм—это век электричества. Больше того, в области уничтожения противоположности между городом и деревней, подведения общей технической базы под промышленность и сельское хозяйство электрификация сыграет решающую роль. Но в этом отношении мы имеем пока в области сельского хозяйства опытную постановку вопроса. За это дело придется еще нам настойчиво, неустанно бороться. Несомненно электрические установки, не только для освещения домов, жилищ, но для проведения электрической тяги, для использования электроэнергии в области самого производства, т. е. в области пахоты, в области доения, переработки и т. д., применение электрической энергии в различных процессах производства сельского хозяйства,—это за-

дача, которую нам предстоит разрешить в предстоящий период нашего развития.

План ГОЭЛРО, как вы знаете, стержнем своим имел именно проблему электрификации. План ГОЭЛРО возник 10 лет тому назад, т. е. на пороге окончания эпохи военного коммунизма и введения нэпа, на пороге, когда наше народное хозяйство находилось в разоренном состоянии после империалистической и гражданской войны. Но уже в этот период гениальная мысль Владимира Ильича Ленина предвидела все значение проблемы создания новых форм и новой техники в нашем хозяйстве, и именно он выдвигал проблему электрификации как проблему, которая должна являться краеугольным камнем построения нашего народного хозяйства. Нужно сказать, что значение плана ГОЭЛРО не сразу было освоено. 10 лет тому назад о плане ГОЭЛРО делались доклады, в том числе и мною в Коммунистической академии делался критического характера доклад, который потом был перенесен на заседание Совнаркома, и на заседании по докладу и предложению т. Ленина была вынесена резолюция, констатирующая, что план ГОЭЛРО является единым планом всего народного хозяйства, который дает установку и направление его развитию. Уже в дальнейшем наше плановое хозяйство пошло по линии выработки годовых контрольных цифр и наконец пятилетнего плана, но я не буду сейчас подробно останавливаться на истории развития нашего планирования народного хозяйства. Сейчас мы стоим на грани создания нового генерального плана, плана социалистического хозяйства на базе достигнутых результатов в деле осуществления плана ГОЭЛРО, в деле осуществления пятилетнего плана народного хозяйства. В основу этого генерального плана, независимо от того, охватит ли он пять или десять лет в области техники и промышленности и в области сельского хозяйства и транспорта, нам придется положить электрификацию. Нам придется запроектировать новые грандиозные строительства в области новых районных станций. Вы знаете, что сейчас уже приступлено к разработке грандиозных проектов построения новых районных станций в Сибири, в ряде районов здесь, в РСФСР, в ряде национальных республик. Мы в 1931 г. предполагаем, что в области электрификации, в области использования электрической энергии можно сделать скачок такой, который превзойдет все то, что было сделано во все предыдущие 10 лет, потому что будет пущен целый ряд новых районных станций. Из этого ясно, какие масштабы, темпы и какие возможности открываются перед нами в этой области. Здесь мы имеем совершенно новые, невиданные возможности, которых капиталисты не имели и никогда не смогут иметь. Уже в настоящий момент в области техники, в смысле использования целого ряда средств производства мы имеем огромные преимущества перед капиталистическим миром. Я приведу только один пример. Мы имеем возможность использовать трактор по сравнению с капиталистическими условиями с большей эффективностью в $2\frac{1}{2}$ —3 раза. Точно такую же картину, и даже в большей степени мы будем иметь и имеем в области использования электроэнергии. Возможность единого руководства, возможность единого плана электрификации и единства всех хозяйственных процессов раскрывает такие возможности развития промышленности, сельского хозяйства, транспорта,

электроэнергии и всего народного хозяйства, которого капитализм не имеет. Из трактовки этого вопроса, которая дается даже буржуазными учеными, ясно, что они сейчас в области электрификации, наталкиваются на непреодолимые трудности именно в области частной собственности на средства производства. Конкуренция отдельных компаний, борьба их и т. д. тормозят дело электрификации, даже совершенно снимают его с очереди, потому что электрификация в рациональном своем построении требует единства управления и единства использования электроэнергии. Повторяю—генеральный план, который мы будем намечать, будем строить как план: электрический, если можно так сказать. В этом отношении мы продолжаем на значительно более расширенной базе то, что было установлено в плане ГОЭЛРО. В этом отношении уже пятилетка по существу представляла картину значительно более развернутую, чем план ГОЭЛРО, но еще в более значительной степени будет развернута картина в генеральном плане народного хозяйства. Юбилей плана ГОЭЛРО, который мы празднуем сейчас, это вместе с тем юбилей тех достижений, которые имеем в области нашего планового хозяйства, в области построения социализма. Это юбилей тех побед, которые имеет наше плановое хозяйство на всех решающих участках, и вместе с тем это юбилей, который является гранью для построения плана социалистического хозяйства, нового генерального плана, в смысле осознания задач будущего развития, в смысле координирования сил и средств, для его осуществления. В этом отношении мы уже имеем за собой определенный опыт, определенные знания и определенную уверенность в преодолении стоящих перед нами трудностей.

ДОКЛАД Т. А. ХАНКОВСКОГО

Юбилей плана ГОЭЛРО, подводящий итоги тому, что мы сделали за десятилетний период, весьма многим отличается от обычных трафаретных юбилеев прежде всего тем, что он знаменует собой полную удачу первого генерального плана первой в мире социалистической страны. Он знаменует собой крупнейшую победу мирового пролетариата: здесь мы сегодня отмечаем не какой-нибудь эпизодический разгром сил буржуазии, а успешное укрепление основ пролетарской диктатуры.

Мы являемся участниками и свидетелями грандиозной классовой борьбы сил, принявшей интернациональный мировой характер, когда противоположные социальные системы с их противоположными классовыми государственными механизмами (диктатура пролетариата в СССР и диктатура буржуазии в остальных странах) вступили в смертельную борьбу. Но этого мало. Мы являемся свидетелями того, что государственная система, созданная самым революционным, ранее угнетенным классом СССР—пролетариатом, не только победила своих врагов во время гражданской войны, но и побеждает их на фронте хозяйственном коренным изменением прежних социальных основ, успешным выкорчевыванием остатков капитализма в СССР и форсированным успешным строительством социализма. План ГОЭЛРО возник по инициативе и под руководством В. И. Ленина, и в основу его положены ленинские идеи об условиях победы социализма в СССР и задачах пролетариата и коммунистической партии в нашей ре-

волюции. Поэтому, говоря о плане ГОЭЛРО, необходимо прежде всего остановиться на основных положениях Ленина.

При переходе к положительному социалистическому строительству Ленин говорил, что мы победили врага на фронте военном, но что на хозяйственном фронте перед нами стоят задачи гораздо более трудные. Он тогда формулировал свое известное «кто кого». Выполнением плана ГОЭЛРО мы в области промышленности уже решили ленинскую дилемму «кто кого», хотя перед нами стоят еще впереди большие задачи и большие трудности. Сегодняшние итоги дают крупнейшие доказательства наличия коренных побед и решающего становления социализма, что одновременно на фоне мирового экономического кризиса свидетельствует о крахе капитализма.

Вот почему сегодняшний юбилей является необычным и требует теоретического осмысления истекшего периода в интересах мобилизации сил для будущего. Надо заметить, что марксистская литература, разрабатывавшая общие задачи, общие моменты пролетарской революции, сравнительно небогата, а тем более не дает конкретных ключей к решению задач строительства социализма в конкретных условиях СССР. Хотя мы имеем постановку этих общих задач в «Принципах коммунизма» Энгельса и в наших работах дореволюционного периода, тем не менее они конкретно не решают задач социалистического строительства на завтра, после завершения революционного переворота. Тем более марксистская классическая литература, базировавшаяся на правильном научном синтезе диалектических процессов общественного развития, не могла предвидеть конкретных задач победившего пролетариата в их строго специфическом разрезе вследствие победы революции первоначально в одной относительно отсталой аграрно-промышленной стране, как в России. Поэтому необходимо хотя бы кратко проанализировать задачи социалистического строительства на завтра, после успешного завершения пролетарской революции в России, как их мыслила партия, как их мыслил Ленин. Это имеет прямое отношение к вопросу о плане ГОЭЛРО. Еще до Октябрьской революции Ленин намечает эти специфические задачи пролетариата в нашей революции. Те положения, которые Ленин развивал в своей брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», легли в основу разработки плана ГОЭЛРО, были потом им же развиты, в дальнейших работах.

В этой брошюре, написанной в сентябре 1917 г., Ленин говорит:

«Чтобы быть действительно революционной, демократия современной России должна идти в полнейшем союзе с пролетариатом, поддерживая его борьбу, как единственного до конца революционного класса.

Таков итог, к которому приводит разбор вопроса о средствах борьбы с неминуемой катастрофой неслыханных размеров.

Война создала такой необъятный кризис, так напрягла материальные и моральные силы народа, нанесла такие удары всей современной общественной организации, что человечество оказалось перед выбором: или погибнуть, или вручить свою судьбу самому революционному классу для быстрейшего и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства.

В силу ряда исторических причин—большой отсталости Рос-

сии, особенных трудностей войны для нее, наибольшей гнилости царизма, чрезвычайной живости традиций 1905 года—в России раньше других стран вспыхнула революция. Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала и перегнала передовые страны. Но этого мало. Война неминуема, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически. Это возможно, ибо перед нами лежит готовый опыт большого числа передовых стран, готовые результаты техники и культуры. Нам оказывает моральную поддержку растущий протест против войны в Европе, атмосфера нарастающей всемирной рабочей революции. Нас подтягивает, подхватывает исключительная редкая во время империалистической войны революционно-демократическая свобода.

Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей¹.

В приведенных положениях Ленин дает генеральную установку стране диктатуры пролетариата на длительный период времени. В этой своей постановке Ленин указывает пролетариату дальнейший путь его победы. Он ставит вопрос с беспощадной резкостью: «либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически».

В другой своей брошюре «О задачах советской власти», написанной уже после Октябрьского переворота (29 апреля 1918 г.), он этот общий тезис расшифровывает. «Во всякой социалистической революции, после того, как решена задача завоевания власти пролетариатом, и по мере того, как решается в главном основном задача: экспроприировать экспроприаторов, выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация»².

В цитированных выше положениях с необычайной ясностью перед нами выступают «хребтовые» установки положительного социалистического строительства. Отмечая здесь эти общетеоретические положения Ленина, которые им впоследствии были конкретно расшифрованы в многократных его высказываниях о едином хозяйственном плане, необходимо упомянуть о троцкистском подходе к этой проблеме.

В этом коренном вопросе троцкизм как нигде оказался враждебным духу ленинизма, духу пролетарской революции. Задолго до измены троцкистских попутчиков интересам и идеям пролетарской революции Ленин ясно намечал пути построения социализма, целиком при этом отвергая меньшевистские басни о слабости сил революции без «государственной помощи» европейского пролетариата. В противовес этой гнилой и непролетарской философии Ленин ставит проблему форсированного коренного социалистического строительства. В 1918 г., т. е. непосредственно после Октябрьского переворота, нам не удалось приступить к осуществлению задач социалистического строительства. Гражданская война, интервенция поставила перед нами задачу непосредственной

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIV, с. 212 - 213.

² Там же, т. XV, с. 193.

борьбы за свое существование, задачу создания основных политических предпосылок для социалистического строительства. Но уже в 1918 г., когда положение вещей было еще недостаточно ясно, когда у нас стоял вопрос, что мы быть может не сегодня—завтра перейдем к положительному социалистическому строительству, когда мы проводили основные мероприятия советской власти—национализацию промышленности, банков и пр., когда Ленин считал, что советская власть получила возможность непосредственно подойти к этой задаче (т. е. к строительству социализма, к опережению капитализма экономически—А. Х.), вплотную взяться за нее,—появляется на свет знаменитый ленинский «Набросок» научно-исследовательских работ. Это сразу определяет ленинский подход к делу создания единого народнохозяйственного плана, научно-го в своей основе. В этом «Наброске» он говорит о необходимости коренной перестройки России, о необходимости создания другого географического размещения промышленности, о приближении обрабатывающей промышленности к добывающей, о ликвидации ненужных встречных перевозок в нашей транспортной деятельности. Он указывает на необходимость обращения особого внимания на внедрение электричества во все отрасли нашего народного хозяйства. Это по сути дела легло в основу единого хозяйственного плана, плана ГОЭЛРО, и ляжет в основу дальнейшей проработки нашего очередного генерального плана. Но в то время мы вынуждены были заняться военным строительством. По мере развития гражданской войны и в связи с тем, что наше экономическое положение все более и более обострялось и гражданская война затягивалась, перед нами вставали чрезвычайно трудные задачи. Революция требовала целого ряда средств для борьбы с контрреволюцией, которая снабжалась интервентами. Нам нужно было прежде всего бороться за разрешение элементарных хозяйственных задач, за разрешение продовольственного кризиса. Успешное решение этих задач было неотъемлемым условием решительной ликвидации контрреволюции. В тот период таким образом наряду с военными задачами выдвигаются хозяйственные проблемы советской власти, которые носили тогда особо злободневный характер. Они должны были быть решены сегодня или завтра. И когда силы революции брали верх над силами контрреволюции, когда советская власть получила элементарную физическую возможность заняться проблемами хозяйства, Ленин ставит вопрос не только о задачах дня, не вообще о едином хозяйственном плане, но он ставит вопрос о генеральном плане, несмотря на тогдашнее напряженное состояние советской власти. Это относится к концу 1919 и к началу 1920 г., когда Ленин ставит проблему положительного социалистического строительства, преобразования советского народного хозяйства и вместе с текущими вопросами дня ставит вопрос о создании единого генерального плана, плана ГОЭЛРО. Именно к этому времени, примерно, относятся чрезвычайно любопытные документы. Некоторые из них я вам прочту. Как я уже говорил, в конце 1919 и в начале 1920 г. топливное положение было самое острое. Оно являлось следствием ряда причин, и наш топливный баланс, как в фокусе, отражал наше плачевное положение. Мы были отрезаны от наших основных топливных баз—от Донецкого угля, а тот уголь, который кое-где находился, само собой разумеется,

не мог быть подвезен к промышленным центрам. Наш транспорт стоял на том уровне, при котором он не только не мог справиться с тяжелыми перевозками энергетического топлива—угля, но не мог справиться с более элементарными задачами, с задачами перевозки наших войск и минимального количества продовольствия для промышленных пролетарских центров. И вот тогда проблема топлива стала особенно остро. Мы на этот счет имеем следующий документ: в конце 1919 и в начале 1920 г. Ленин в узком кругу руководящих товарищей нашей партии усиленно обсуждает вопрос о способах и методах выхода из этого кризиса. При обсуждении вопроса с т. Кржижановским последний указал, что при создавшемся положении вещей мы должны взять установку на торф. Тов. Кржижановский при этом развернул положение о том, что проблема торфа может быть решена коренным образом с помощью электрификации, а следовательно, единственным выходом может быть электрификация.

На следующий день после этого разговора Ленин пишет: «Г. М! Меня очень заинтересовало ваше сообщение о торфе. Не напишете ли статью об этом в «Экономическую жизнь» (и затем брошюрой или в журнале). Необходимо обсудить вопрос в печати. Вот-де запасы торфа—миллиарды. Его тепловая ценность. Его местонахождение—под Москвой. Московская область, под Питером—поточнее. Его легкость добывания (сравнительно с углем, сланцем и проч.). Применение труда местных рабочих и крестьян, хотя бы по четыре часа в сутки для начала). Вот-де база для электрификации: во столько-то раз при теперешних электрических станциях. Вот быстрейшая и вернейшая-де база восстановления промышленности; организации труда социалистическому (земледелие+промышленность)=выход из топливного кризиса (освободим столько-то миллионов кубов леса на транспорт). Дайте итоги Вашего доклада; приложите карту торфа, краткие расчеты, суммарные. Возможность построить торфяные машины быстро и т. д. и т. д. Краткая суть экономической программы; необходимо тотчас двинуть вопрос в печать.

Ваш Ленин».

Такая статья появилась в печати. Она называлась «Торф и кризис топлива». В этой статье мы встречаем ряд интересных положений: 1) намечается постройка ряда районных станций на торфе, 2) констатируется тот факт, что запасы нашего торфа настолько велики, что один лишь его ежегодный прирост может обеспечить нам наши тепловые потребности в их довоенном масштабе, 3) указывается на необходимость механизации торфяных разработок, для того чтобы уничтожить наблюдавшийся здесь ранее каторжный труд. Учитывая продовольственные затруднения, а в этой связи отсутствие рабочих рук, автор предлагает соединить труд торфяников с трудом рабочих фабрик и заводов и тем самым сделать труд тех и других более привлекательным и разнообразным, 4) намечается перспектива мелиорации, а в этой связи включение в хозяйственный оборот новых земельных массивов и т. д. На этом основании Ленин пишет свое очередное письмо, где он развивает те мысли, которые были им изложены в 1918 г. еще в набросках.

В этом своем письме Ленин конкретно намечает важнейшие положения будущего единого хозяйственного плана. Здесь мы

находим элементы методологии будущей комиссии ГОЭЛРО. Ленин говорит и здесь не о дележеском плане, а о плане с широким размахом, с «загадом». План намечается им не как узко технический, а как широкий государственный, как задание пролетариату. В нем указывается примерное число лет, на которое план должен быть рассчитан, примерное число станций, длина сетей и радиус их действия, источники энергии. Конечной целью является, по его мнению, преобразование всей старой России, в том числе земледельческой, в новую «электрическую» Россию. Ленин говорит о программе, которая в основе своей должна быть вполне научной.

Такова предистория работ Государственной комиссии по электрификации России. Вслед за письмом Ленина уже через несколько дней состоялось постановление ВЦИКа о необходимости «поручить Высшему совету народного хозяйства совместно с Народным комиссариатом земледелия разработать проект постройки сети электрических станций и в двухмесячный срок внести таковой на утверждение Совета народных комиссаров».

Эта Государственная комиссия по электрификации России, называемая кратко комиссией ГОЭЛРО, была создана в конце того же месяца и приступила к своей работе. Надо сказать, что Ленин придавал работе по созданию единого хозяйственного плана такое колоссальное значение, что с тех пор эти проблемы почти всегда находят отражение во всех его выступлениях, во всей его работе. Во всех тех случаях, где Ленин касается проблем социалистического строительства, проблемы единого хозяйственного плана, проблемы социалистической реконструкции, он связывает свои идеи с вопросом электрификации, выдвигая его на первый план.

Работа ГОЭЛРО и вся ленинская концепция встретила резкую критику со стороны наших врагов и целого ряда товарищей в нашей партии. Более того и до сих пор ленинская концепция вызывает возражения и нападки ряда партийных «смельчаков». Еще год с лишним тому назад с этой трибуны выступали тт. Бессонов, Шагуновский и другие, которые очень осторожно, ибо против Ленина нельзя открыто выступить, выступали против идеи электрификации. Кроме того они пытались доказать, что идея электрификации является механистической идеей, они пытались схоластически доказать, что постановление этого вопроса является совершенно неверной и противоречит марксизму. Они апеллировали к Марксу и Энгельсу и выдвигали положение, что тезис о ведущей роли электрификации не выдерживает никакой критики. О чем говорил Маркс, указывали они. Маркс говорил, что основой промышленного развития (я не буду излагать этого подробно) является машина, исполнительная часть этой машины, заменившая рабочего, и если мы хотим быть марксистами, давайте мол признаем, что машина и конкретно не двигатель, а исполнительный механизм, станок является ведущим звеном. Ведущая роль в технико-экономическом развитии принадлежит машине, точнее одной ее части, одному виду машин. Такова была установка, совершенно противоречившая установке т. Ленина. В таком виде т. Бессонов несколько завуалированно дает свой классический тезис. Он говорит: «Мы должны были бы вспомнить об одном основном положении марксистской теории, что никогда

и нигде еще двигательные механизмы не являлись источником промышленной революции. Исходным пунктом промышленной революции и технической революции, подлинной революции и преобразования способов производства является не двигательный механизм и не передаточный механизм, совокупность которых охватывает современное понятие электрификации, а рабочий механизм—машина. XIV партийный съезд, намечая программу индустриализации страны, на первое место выдвинул создание собственной машиностроительной промышленности, каковая и является действительно ведущим звеном народного хозяйства, потому что она создает аппарат самой энергетики, ее рабочий механизм»³.

В этой цитате поставлено все вверх ногами. На голову поставлена и партийная политика. Из этой цитаты собственно и вытекает, что ленинизм противоречит марксизму. Более того, здесь пристегнут и XIV съезд нашей партии, который по Бессонову, в своей политике исходит не из ленинских установок. Ленинские взгляды на электрификацию известны широким кругам нашей партии. Противопоставление этих идей положениям Маркса бесспорно означает, что в этих вопросах ленинизм противоречит марксизму. Ленин говорил о том, что ведущую роль играет электрификация, что в переводе на язык Бессонова означает двигательная часть машины, Маркс утверждал обратное. С другой стороны, и практическая политика нашей партии, которая заостряет внимание страны на необходимости создания собственной машиностроительной базы, якобы тоже базируется на Марксе. Следовательно, идея о ведущей роли электрификации по Бессонову—немарксистская и непартийная. Ленин у т. Бессонова выступает анонимно, и о нем он не упоминает. Вся постановка вопроса в корне неверная, вредная, путанная и механистическая.

Марксистской теории, вообще говоря, чужда постановка вопроса о том, что двигательные механизмы нигде и никогда не являлись источником промышленной революции, а следовательно их техно-экономическая роль обречена. В первом томе «Капитала», откуда заимствует свою «марксистскую теорию» т. Бессонов, мы читаем: «Промышленная революция исходит как раз от этой машины, от исполнительного механизма. И теперь он снова и снова является исходным пунктом переворотов во всех случаях, когда ремесленное или мануфактурное производство превращается в машинное»⁴. Из этой цитаты исходят критики ленинской концепции социалистической реконструкции на базе электрификации. Но она говорит против критиков. У Маркса речь идет о конкретном этапе промышленно-технического развития, когда ремесленно-мануфактурный способ производства превращается в машинный, когда основой промышленной революции является замена «живых рабочих механизмов» механическим инструментом—исполнительной машиной. Промышленная революция в английской текстильной промышленности может служить достаточной иллюстрацией. Но речь идет именно о конкретном этапе перерастания ремесленного способа производства в промышленный главным образом в легкой индустрии. Этот конкретно исторический характер своих положений Маркс до-

³ Журнал «Проблемы экономики» № 3, с. 143.

⁴ «Капитал», т. I, изд. 1920, с. 363. (Разрядка наша—А. Х.).

полняет следующим положением: «Машина,—говорит он,—от которой исходит промышленная революция, заменяет рабочего, действующего одновременно только одним орудием, таким механизмом, который разом оперирует массой одинаковых или однородных орудий и приводится в действие одной двигательной силой, какова бы ни была форма последней»⁵.

Вот каков истинный ход мыслей Маркса. Маркс, как известно, еще не мог наблюдать успехов электротехники, но было бы ошибочным думать, что указанными положениями исчерпывается позиция Маркса в данном вопросе. Вслед за приведенными положениями Маркс анализирует роль двигателя, тогда еще парового. «Только с изобретением второй машины Уатта, так называемой машины двойного действия,—говорит Маркс,—был найден первый мотор, который, потребляя уголь и воду, сам производит двигательную силу и действия которого находятся под контролем человека»⁶.

Маркс великолепно понимал роль двигательного механизма. Но помимо этого необходимо подчеркнуть, что промышленное развитие отнюдь не кончается революцией в текстильном производстве и замена исполнительным механизмом рабочего отнюдь не является характернейшим признаком последующего развития. Хозяйственное развитие отнюдь на этом не задержалось. Промышленная революция в Англии, которую анализировал Маркс, отнюдь не завершила разом всех процессов капиталистической индустриализации. Наоборот, анализируя положение вещей, теперь мы можем подчеркнуть, что промышленный переворот, произведенный в начале прошлого столетия в английской текстильной промышленности, поскольку он знаменует переход от ремесленно-мануфактурного способа производства к машинному, отнюдь не завершает, а лишь начинает новый цикл экономического развития с его новым способом производства на базе новой техники. Центр тяжести дальнейшего промышленного переворота был перенесен на тяжелую индустрию. Известное завершение промышленного переворота мы получаем к концу XIX века, когда машинный способ производства был применен к производству самих машин. Именно в последней связи энергетический момент, выражаясь проще, проблема двигательной силы выступает на первый план. Тов. Бессонов, для того чтобы опровергнуть электроэнергетическую концепцию Ленина, должен был прибегнуть к анализу Маркса, относящемуся к более ранней ступени развития, но он полностью игнорирует указания Маркса, относящиеся к более позднему периоду.

Маркс не был свидетелем того гигантского развития тяжелой индустрии, которое мы наблюдаем за последние 20—30 лет, а следовательно он не мог наблюдать сколько-нибудь развернуто эти процессы в тот момент, когда он выпустил первый том своего «Капитала». Но тем ценнее для нас его указания на этот счет, которые у Маркса все имеются и являются результатом глубокого изучения капитализма, его тенденций. Наблюдая начальные процессы роста тяжелой индустрии, наблюдая переход от машинного способа производства к машинной фабрикации машин, Маркс пи-

⁵ «Капитал», т. I, с. 366.

⁶ Там же.

шет: «Существеннейшим условием для машинной фабрики был двигатель, способный развивать силу в любой степени и в то же время подчиненный контролю»⁷. Маркс со всей силой подчеркивает гигантское значение двигательной силы, которая является «существеннейшим условием» действительной механизации. Сказанного вполне достаточно для того, чтобы опровергнуть бессоновскую трактовку Маркса. Но вышеуказанной характеристикой Маркса отнюдь еще не исчерпываются марксистский анализ новейших техно-экономических тенденций и сдвигов мировой экономики. Энгельс, который имел возможность наблюдать начальные успехи электротехники, дает классический по своей силе анализ новых техно-экономических веяний. Энгельс имел возможность оценить открытие Марселя Дебре о передаче электрической энергии на далекое расстояние, и, как бы продолжая Маркса насчет «существеннейшего условия» двигателя в процессе машинной фабрикации машин, он говорит:

«Дело это имеет чрезвычайно революционный характер. Паровая машина учит нас превращать теплоту в механическое движение, но пользование электричеством открывает нам путь превращения всех форм энергии, теплоты, механического движения, электричества, магнетизма, света—одной в другую и обратно в целях их промышленного использования. Круг замкнут. И новейшее открытие Дебре, что электрические токи очень высокого напряжения со сравнительно слабой потерей силы могут передаваться по простой телеграфной проволоке на неслыханные до сих пор расстояния и быть примененными на конечном пункте—дело это еще находится в зародыше—окончательно освобождает промышленность почти от всех местных границ, делает возможным употребление даже самых отдаленных водяных сил. И если даже в начале этим воспользуются только города, в конце концов оно должно стать самым могущественным рычагом для уничтожения антагонизма между городом и деревней.

Но что вместе с этим производительные силы примут такие размеры, при которых они перерастут руководство буржуазии, совершенно очевидно»⁸.

В словах Энгельса мы видим гениальное предвосхищение будущего. Все гениальные предсказания Энгельса подтверждаются на наших глазах. Концепция же Ленина является дальнейшим гениальным развитием идей марксизма. Ленин в отличие от Маркса и Энгельса не только констатирует факты новейших техно-экономических тенденций. Он разрабатывает дальше эти положения на основе последующего опыта, развертывает широкую программу хозяйственного строительства на основе мобилизации тех сил, которые переросли руководство буржуазии и способны «смыкать» город и деревню на гармонической социальной основе. Учение Ленина о техно-экономической и социальной реконструкции СССР не выходит за рамки марксизма, а является логическим продолжением и завершением последнего. Точка зрения Бессонова в этом вопросе есть отступление от марксизма и ленинизма, а практические выводы из этой теории носят совершенно неприкрашенный оппортунистический характер.

⁷ «Капитал», т. I, с. 376. (Разрядка наша—А. Х.).

⁸ «Архив Маркса и Энгельса», с. 342. (Разрядка наша—А. Х.).

Несколько иначе подходит к этому вопросу т. Шатуновский, для которого ленинская концепция ГОЭЛРО также неприемлема. Тов. Шатуновский выступал по этому вопросу несколько иначе. Он работает сейчас в НКПС и поэтому склонен думать, что ведущая роль принадлежит транспорту, а не электрификации. Этой его концепции очень сочувствует и Бессонов. В прошлом году по поводу этих выступлений смеялись, указывая на то, что при таком характере выступлений каждый будет выступать в зависимости от специальности.

Как бы ни смеялись, но факт остается фактом, что ленинские идеи встретили в некоторых рядах партийных товарищей известное сомнение и даже открытую атаку. Чем объясняется то, что Ленин с такой решительностью (я хочу привести некоторые положения) говорит об электрификации. Тов. Ленин говорит, что если не будет электрификации, то неизбежен возврат к капитализму. На III конгрессе Коминтерна он выставил ряд положений, которые являются ответом на спор о том, является ли ведущим машинизация, транспортизация, химизация, электрификация и т. п. Мы здесь не разбираем вопрос о том, что вообще неправильно противопоставлять транспорт, химию или машину энергетике. Более подробно этот клубок вопросов затронут в моей статье в книге ИЭИ Госплана СССР «На новом этапе». По Ленину электрификация, являясь обобщающим продуктом новейшей техники, покрывает все проблемы индустриализации, в том числе машинизации, химизации и т. д. Он говорит, что «единственной материальной основой социализма может быть крупная промышленность, способная реорганизовать и земледелие. Но этим общим положением нельзя ограничиться.

Его необходимо конкретизировать. Соответствующая уровню современной техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация всей страны». Это было сказано на III конгрессе Коминтерна, и у Ленина вы можете такие положения встретить сплошь и рядом. Ленин, намечая основные задачи пролетариата после революции, исходя из возможности построения социализма в нашей стране при выработке единого хозяйственного плана, исходил из необходимости электрификации нашей страны, выставляя электрификацию важнейшим критерием нашего производства, отождествляя планы электрификации с хозяйственным планом, исходил из глубокого знания и изучения послевоенного мирового хозяйства, послевоенной мировой экономики. Если возьмете, как мы подходили раньше к оценке уровня благосостояния той или другой страны, то при оценке, скажем техники, брали те или другие элементы, подсчитывали, сколько данная страна производит угля, железа, стали, нефти, мартена, чугуна и т. д. Уголь в частности был важнейшим показателем развития той или иной страны, но это было тогда, когда технический уровень характеризовался техникой паросилового хозяйства, когда господствующим элементом в данном хозяйстве была паровая машина, как двигатель, когда с помощью парового двигателя приводились в движение все важнейшие производственные механизмы. Но как раз вся история народного хозяйства, вся история техники, вся история экономического развития XX века характеризуется коренным переломом в этом отношении. В XX веке мы наблюдаем переход от пара к электри-

честву. Гигантский рост развития производительных сил, который мы наблюдаем в конце 19 и на протяжении 20 вв., связан непосредственно с влиянием электричества и могучим действием электрического тока. Я приведу лишь некоторые цифры и факты, которые на мой взгляд являются достаточно характерными. В Америке добыча угля в миллионах тонн составляет в 1902 г. примерно 260 млн. тонн, через 28 лет производство угля составляет 511 млн. тонн. Таким образом за такой значительный период в 28 лет мы получаем удвоение уровня производства угля. Но если вы обратитесь к производству электроэнергии за тот же период, вы получите совершенно другую картину. В 1900 г. производство электроэнергии составляло 2 млрд. kW , а через 28 лет уже более 100 млрд. kW . Значит если за 28 лет производство уже поднялось в два раза и застряло на одном месте, то производство электроэнергии поднимается в 50 раз. Мы замечаем такую картину, что все важнейшие процессы, все новые производственные процессы, вся промышленная технология, все новые технологические процессы в XX столетии, и перед войной, во время войны и особенно после войны связаны с внедрением электричества не только как силы двигательной энергии, но как источника, изменяющего технологические процессы, приводящего к революции в технологии. Чем характеризуется уровень развития данной страны? Уровнем развития производительных сил и не в последней степени уровнем техники. Производство тех или иных отдельных продуктов, хотя бы и самых важных, не дает нам картины состояния уровня техники в данной стране. Эту картину мы получаем только в том случае, если мы возьмем состояние энергетической техники, состояние уровня силового хозяйства. Конечно подобный пересчет и анализ всех технико-производственных показателей дает нам представление о данной стране, но это может нас завести далеко. Анализ же состояния энергетики той или иной страны дает достаточное представление по данному вопросу. Состояние энергетического хозяйства характеризуется полным вытеснением паровой машины как двигателя и все большим и большим господством электричества. Благодаря своим могучим техническим свойствам, дающим в свою очередь колоссальные по своей выгоде экономические результаты, электричество проникает всюду.

Новые технологические процессы в металлургии и химии, новые методы электроплавки, электросварки, производство целого ряда продуктов в части легкого металла, алюминия, целый ряд других легких сплавов, производство азотистых удобрений, связанного азота и т. п., без которых экономическое развитие стран оказалось бы немыслимым, связаны с электроэнергией, целиком и полностью зависят от непосредственного влияния электричества. Больше того, электричество выступает перед нами не только как силовая энергия. Своим всепроникающим характером электричество внедрилось в технологию самых разнообразных процессов, причем не только как двигательная энергия, но и непосредственным образом как электроэнергия, без помощи электромоторов. Иными словами электротехника выступает по сравнению с техникой парового хозяйства на арену не только двигательными средствами, сравнительно более выгодными, но и со своими термическими, тепловыми средствами, непосредственно влияя на процесс расщепления атомов и на изменение технологических процессов

всех областей народного хозяйства. Мы знаем, что гигантские достижения в светотехнике, с помощью которой мы даже проникаем в непроницаемые организмы, имеют место благодаря электричеству. Электричество становится величайшим средством, с помощью которого мы влияем не только на неорганический, но и на органический мир. При содействии электричества создаются всяческие химические соединения, выводятся птицы, обогревается почва и тем оказывается содействие искусственному произрастанию плодов, доят коровы, люди разговаривают и видят на громадные расстояния, механизуются буквально все процессы, будь то в промышленности, сельском хозяйстве или транспорте, при этом создаются основы для гигантского объединения всей хозяйственной деятельности под единой электрической крышей. А на этой основе имеется возможность совершить полный переворот в технике, переворот в производстве, что в свою очередь создаст предпосылки для переворота в общественных отношениях. Электричество является в течение всего текущего столетия самым верным показателем развития индустриализации той или другой страны. Именно с этой аргументацией связаны те установки о технико-экономической социалистической реконструкции, которые даны Лениным.

Капитализм не может реализовать могучих технических свойств, заложенных в электричестве. Капиталистическая электрификация не может получить достаточного развития, поскольку здесь производительные силы упираются в производственные отношения эксплуататорского общества. Производительные силы века электричества необычайно «бунтуют» (Маркс) против капиталистической общественной формации. Капитализм не может воспользоваться могучим воздействием электричества для дальнейшего своего развития, ибо электротехника есть техника, создающая предпосылки для «царства свободы» в духе Маркса, Энгельса и Ленина. Капиталистическая реализация основ электротехники, в той мере, в какой это капитализму удастся, накладывает оковы на общество, обостряя его противоречия и неравенства. Эти положения еще предвидел Энгельс, и это ясно формулирует Ленин в заметках об электрификации. Высказывая свое мнение о тезисах аграрной программы французской компартии, Ленин говорит: «Следовало бы сказать несколько слов о необходимости планомерной и полной электрификации всей Франции и безусловной невозможности провести эту работу в пользу рабочих и крестьян без свержения власти буржуазии, без завоевания власти пролетариатом».

И далее: «крайне важно по моему мнению с теоретической и практически-агитационной точки зрения сказать... что современная передовая техника постоянно требует электрификации всей страны и ряда соседних стран по одному плану; что такая работа вполне осуществима в настоящее время... что пока остается капитализм и частная собственность на средства производства электрификации целой страны и ряда стран, во-первых, не может быть быстрой, во-вторых, не может быть произведена в пользу рабочих и крестьян».

За последнее время мы получаем новые чрезвычайно любопытные материалы, которые показывают гигантский рост электротехники. Но мы все же имеем отдельные показательные проры-

вы. Капиталистические страны встречают колоссальные препятствия в развитии своего хозяйства именно потому, что там имеются противоречия особого свойства, вытекающие из противоречий капиталистической деятельности. Но вместе с тем, поскольку той или другой капиталистической стране удавалось продвинуть вперед свои производительные силы, имеются и достижения по части выработки электроэнергии, по части применения ее во всех решающих производственных процессах.

Ленинские взгляды в основе своей базируются на изучении отмеченных явлений и тенденций. Ленин исходил из того, что если правильно воспользоваться достижениями новейшей техники, то мы сможем в кратчайший срок создать новое общество. Эти идеи легли в основу ленинских положений о значении электрификации, о том, что электрификация является важнейшим условием успешного социалистического строительства.

В этой связи приобретает особо отчетливый смысл слова Ленина, сказанные им на III съезде комсомола. «Мы знаем,—говорит он,—что коммунистическое общество нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, причем надо возродить их не по-старому, надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной основе. Вы знаете, что этой основой является электричество, что только когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которое не сможет построить старое поколение». (Разрядка наша.—А. Х.)

Ленин с особой силой подчеркивает, что, говоря об электрификации, мы имеем ввиду произвести коренную технико-экономическую реконструкцию нашей страны, в том числе и земледелия. Когда он говорит о создании серьезных индустриальных предпосылок для нашего развития, он говорит, что нужно развивать нашу промышленность на базе электрификации для того, чтобы поскорее преобразовать тяжелую индустрию на базе новейшей техники. Социалистическую промышленность нужно создать на базе электрификации, чтобы она на этой основе оказалась способной реорганизовать и земледелие. Ленин исходит из того, что электрификация в целом и электрификация сельского хозяйства в частности является важнейшим условием для индустриализации всей страны, для создания основных индустриальных предпосылок, для окончательного построения социализма в нашей стране.

Из этих основных положений исходит план ГОЭЛРО. Надо сказать, что участниками плана ГОЭЛРО являлись в подавляющем большинстве беспартийные специалисты, которые в тот период либо были пассивными, либо были на положении враждебного нейтралитета. Но несмотря на то, что впоследствии некоторые участники плана ГОЭЛРО оказались предателями, в плане ГОЭЛРО выражены все идеи, которые были выставлены Лениным. Это произошло потому, что план ГОЭЛРО был составлен под общим и непосредственным руководством Ленина.

План ГОЭЛРО является единым хозяйственным планом, генеральным планом, рассчитанным на 10—15 лет. Он имеет своей задачей восстановление нашего хозяйства, но не просто восста-

новление, а восстановление нашего хозяйства на новых основах, на базе социалистической реконструкции, на базе внедрения новой техники. Именно поэтому план ГОЭЛРО является единым хозяйственным планом и вместе с тем является планом электрификации, ибо решающие установки плана, будь то по линии промышленности, по линии сельского хозяйства, по линии транспорта, по линии районирования, иного размещения наших производительных сил, все важнейшие установки в плане увязаны теснейшим образом с планом электрификации.

В вводном замечании к плану ГОЭЛРО эта мысль сформулирована следующим образом:

«Составить план народного хозяйства России на электрической основе, конечно, невозможно, не отдавая себе более или менее ясного отчета о перспективах этого хозяйства в целом. Более того, составить проект электрификации России, это означает дать красную руководящую нить для всей созидательной хозяйственной деятельности, построить основные леса для реализации единого государственного плана народного хозяйства». Больше того, после составления плана ГОЭЛРО, когда уже был оформлен доклад к III съезду Советов, была нарисована схематическая карта, в которой каждая отрасль, каждая часть народного хозяйства занимала свое определенное место. И вот на этой карте электрификация занимает центральное место. Из этого среднего круга линии расходятся во все стороны. Важнейшие народно-хозяйственные показатели, которые намечались по линии сельского хозяйства, по линии промышленности, по линии развертывания отдельных отраслей, по линии транспорта, связаны с вопросами электрификации.

Следовательно особенность плана электрификации заключается в том, что он является единым планом народного хозяйства, реконструкции его на новейших технических основах на базе новейшей электротехники. План ГОЭЛРО распадается в основном на 3 части: по линии промышленности, по линии сельского хозяйства и по линии транспорта. Особняком надо выделить план электростроительства, которое должно создать материально-технический хребет электрификации народного хозяйства. Последний является основой основ, стержнем всего плана. По линии промышленности основные наметки плана в количественном отношении намечаются следующие: план исходит из того, что в 10—15 лет нам удастся восстановить народное хозяйство в довоенном масштабе, во всей промышленности примерно на 80—100%. Это по линии валовой суммарной продукции промышленности, и примерно в этом разрезе идут все основные показатели. План ГОЭЛРО в отличие от наших теперешних контрольных цифр, в отличие от пятилетнего плана не детализирует отдельных показателей, что мы считаем вполне правильным для генплана, а намечает основные пути восстановления промышленности, основные важнейшие показатели восстановления отдельных отраслей на базе электрификации. Особо в плане развертываются задачи топливной промышленности, поскольку топливо является питающим источником электрификации, особенно в той части, когда электрификация производится не за счет топлива и не за счет гидравлических энергетических ресурсов. Следовательно план ГОЭЛРО намечает развитие промышленности на базе электрификации всех решительно

производственных процессов. Намечается перевод механических приводов на электрические, намечается электрификация промышленности, угледобычи, добычи нефти и т. д. План исходит из необходимости внедрения электричества для развития новых технологических процессов, новых методов и областей промышленности. Вот в самых общих чертах количественная наметка по линии развития и электрификации промышленности.

Что касается транспортного хозяйства, то здесь план ГОЭЛРО имел в виду электрификацию транспорта и выдвигал идею о необходимости полной электрификации транспорта. В плане по линии транспорта мы имеем несколько идей. Первая идея—это его электрификация, дальше—это идея сверхмагистрализации. Вот основные задачи плана ГОЭЛРО по части его качественных проектировок реконструкции транспорта. По части количественных проектировок план ГОЭЛРО намечает на первых порах скромные цифры. Он намечает электрификацию примерно около 4 тыс. километров пути, причем в первую голову предполагалось электрифицировать важнейшие транспортные артерии, которые играют главную роль как функциональные звенья исторически сложившегося хозяйственного организма. Чтобы наметить перевод всей нашей сети железных дорог на электрическую энергию, потребовался бы более длительный срок, а главное требовалась бы другая и гораздо более мощная сеть электрических станций, чем та, которая запроектирована по плану в объеме полутора миллионов киловатт. ГОЭЛРО наметил электрифицировать около 4 тысяч километров пути, в том числе электросверхмагистрали и тяжелые участки с горным профилем. Вот основные линии развития плана ГОЭЛРО, количественных и качественных проектировок по линии транспорта.

По линии сельского хозяйства количественных наметок план ГОЭЛРО не дает (косвенно ряд количественных показателей дан). План ГОЭЛРО намечает общие линии развития в сельском хозяйстве. Давая принципиальные установки, план ГОЭЛРО приводит целый ряд интереснейших доказательств, приводит анализ выгоды электрификации сельского хозяйства перед другими видами техники. Я бы мог процитировать отдельные положения, которые отнюдь не устарели по линии электрификации сельского хозяйства: «Для социализации сельского хозяйства Германии, $\frac{3}{4}$ населения которой представляют город и его интересы, основываясь на силах могуче развитой промышленности своей страны, К. Баллод предлагает решительную реформу: разом покончить с мелким крестьянством, преобразовав всю с.-х. Германию в устроенные по одному плану и типу крупные социалистические имения. Для нас такой путь на предвидимое время исключается уже по одной слабости наших общих, необходимых для осуществления этого плана технических предпосылок.

Таким образом, приходится иметь в виду более или менее длительную перспективу лет, в течение которых советская власть должна будет проводить систематическое воздействие на волю и производственную обстановку трудового крестьянства, с разумной последовательностью подводя его к все более и более высоким темпам обобществления с.-х. труда и высокому уровню с.-х. техники. Конкретная разработка таких мер и порядка их очередности и должны быть очередной задачей нашего Наркомзе-

ма. Но, во всяком случае, несомненно, что лишь тесная связь трудящихся города и деревни, промышленности и сельского хозяйства, сможет сократить сроки этого трудового пути, смягчить и парализовать те внутренние противоречия в их развитии, которые унаследованы нами от всего прежнего уклада экономики. И для нас совершенно ясно, что если развитие железнодорожного и водного транспорта нанесло первый решительный удар закоснелой отсталой русской деревне, то последним и решительным толчком в приобщении ее к интересам передового культурного городского пролетариата послужит электрический провод, который уничтожит пространство, разделяющее новый город от новой деревни»⁹.

Эта установка замечательна как по своей глубине, так и по силе. План ГОЭЛРО отказывается от реакционного утопизма мелкобуржуазных революционеров, которые хотят насиловать процесс общественного развития, разом покончив с мелким хозяйством. Исходя из слабости наших материально-технических предпосылок, план имеет в виду, что первый этап должен быть этапом создания этих предпосылок. Но с другой стороны план ГОЭЛРО исходит не из самотечной теории мирного и плавного вращивания мелкого собственника в социализм, а тем более вращивания кулака в социализм. План считает необходимым проводить систематическое воздействие на волю и трудовую обстановку трудового крестьянина, с разумной последовательностью подводя его ко все более и более высоким темпам обобществления с.-х. труда. Классическая установка марксизма и ленинизма находит в плане великолепное отражение. Всем известно, что паша партия на протяжении 10 лет борьбы за социализм шла именно этим путем.

Переход к сплошной электрификации за десятилетний период времени, на который был рассчитан план ГОЭЛРО, и с к л ю ч а е т с я. Тут, как мы увидим, утопии нет. Он исходит из длительной перспективы систематического социалистического воздействия, причем последним и самым решительным шагом социалистического переустройства нашей деревни он считает электрификацию и сельского хозяйства. Таким образом, давая основную общую установку, что электричество тут явится последним решающим шагом по ликвидации трудностей в нашей деревне и в приобщении варварски отсталой деревни к социалистическому сельскому хозяйству и социалистическому городу, план ГОЭЛРО вместе с тем находит, что на первых порах это нам не удастся.

Далее в плане ГОЭЛРО развиваются положения о применении электричества к проблемам земледелия. Здесь дается довольно подробная картина целесообразности, выгоды и эффективности применения электричества к делу мелиорации, полеводству, зерновому хозяйству и т. д.

Касаясь развития сельского хозяйства, план ГОЭЛРО в ряде мест развивает ту мысль, что переход к сплошной электрификации сельского хозяйства будет проходить через ряд переходных ступеней, а главное надо будет создать ряд предпосылок к этому, в частности развернуть тяжелую индустрию, прежде всего поднять нашу технику. Электрификация сельского хозяйства является по ГОЭЛРО самым надежным способом для индустриализации и

⁹ План ГОЭЛРО, с. 98—99.

социалистического строительства в деревне, для создания новых развернутых социалистических форм сельского хозяйства.

«Приложение электричества к проблемам земледелия тесно связано с дешевой и широкой распространением электрической энергии и поэтому оживление в этой области начало наблюдаться лишь с момента возникновения районных электрических станций. Но районные станции мы можем рассматривать лишь как продукт техники XX в., поэтому электрификация земледелия представляет позднейшую главу в обширном томе практической электротехники.

Тем не менее глава эта является особенно многообещающей. Завершив свою полную победу в качестве агента механической энергии, электричество все более и более подходит вплотную к сложным явлениям расщепления самого вещества, и здесь перед нами развертывается поистине необъятная перспектива. Электролиз коллоидальных веществ начинает уже играть заметную роль в разнообразных подразделениях технологий органических веществ, воздействие электричества на не вполне еще расшифрованные процессы жизни почвы и процессы растительные во всяком случае является неоспоримым фактом. Но осторожнее будет признать, что в области электрического орошения, электролиза почвы, ночного освещения культур сильными источниками электрического света мы находимся еще в полосе опытных изысканий. С безусловной достоверностью можно говорить, что электрические разрядники, так называемые электрические Ниагары, уже оправдали себя на практике как средство предотвращения градобития и что в этом направлении открывается весьма вероятный путь для разрядки дождевых облаков. Стихия электричества как бы создана для того, чтобы вырвать труд земледельца из порабоощающей его игры природных сил, однако мы не можем связывать практические проекты электрификации с еще только открывающимися возможностями. Но если только остановиться на услугах электрического провода и обычного электромотора, то при оценке их современной роли в практической земледелии приходится познать гораздо более значительное расхождение между теорией и практикой в области земледелия, чем в области транспорта и промышленности. Теоретически электрический провод должен был бы играть в с.-х. процессах гораздо большее значение, чем в области промышленности. Земледелец имеет прежде всего дело с более обширным полем труда, а электричество является наиболее универсальным орудием борьбы с пространством. Последовательность операций во времени, столь характерная для земледельческих процессов, обеспечивает применение одного и того же двигателя для разнообразных целей, а легкость и удобная передвигаемость электромоторов, простота ухода за ними, возможность немедленного пуска в ход, делают их наиболее приспособленными для с.-х. целей¹⁰.

¹⁰ «Электричество, эта как бы созданная для крупного сельского хозяйства сила, проникает медленно, но с тем большей уверенностью... Именно потому, что в с.-х. производстве поле труда так пространственно велико и работать приходится попеременно в его различных уголках, сила, доставляемая повсюду с такой легкостью, в особенности подходит к условиям земледелия». К. Каутский, Социализирование земледелия.

Если при этом принять во внимание, что изучение механизации земледелия с особой наглядностью показывает, что решающую роль в судьбах той или другой с.-х. машины играет не столько прямое сокращение непосредственных издержек производства, сколько общая рационализация с.-х. процессов, поставленных в особо жесткие условия в смысле ограниченности располагаемым временем, то, казалось бы, для разнообразных с.-х. приложений электричества, как наиболее совершенного фактора механизации и рационализации, должно было развернуться самое широкое поле действий»¹¹.

И далее: «Мы знаем однако, что электрический провод должен появиться в нашей деревне по целому ряду общегосударственных соображений, вытекающих из самого существа преобразуемой нами экономики, а раз это так, то мы можем заранее предвидеть грядущую победу электроплугов над своими современными конкурентами, разнообразными тракторами. Там, где на поле земледельческого труда существует электрический провод, электроплуг уже в настоящее время решительно побивает трактор. Техническая литература совершенно определенно отмечает, что тракторы неудобны для глубокого вспахивания, тогда как электрическая лебедка не останавливается перед любой задачей в этом направлении и сама по себе, если отбросить систему электрических проводов, и гораздо дешевле и может быть обслуживаема сравнительно малоквалифицированным персоналом. Уплотнение почвы в случае электропахоты гораздо меньше, чем при тяжелом тракторе. Применение тракторов или автомобилей, как движущей силы, сопровождается расходами около 60% энергии на передвижение этих тяжелых машин по неровной или мягкой почве, что совершенно отпадает при электроплуге. А в смысле общей производительности электроплуги не только не уступают, но даже и превосходят работу тракторов. Система переносных электрических сетей и переносных трансформаторов с каждым годом совершенствуется, так что в этом отношении вы в праве ожидать при широкой практике значительного уменьшения соответствующих накладных расходов»¹².

Таким образом в целом ряде положений плана ГОЭЛРО мы встречаем чрезвычайно подробную широко развернутую характеристику задач нашего сельского хозяйства в смысле перевода его на иную техническую и социальную базу, к которой мы перешли и переходим. План ГОЭЛРО не дает еще четкой картины социалистического сельского хозяйства—совхозов и колхозов. Он не дает еще количественной наметки в этом вопросе. План ГОЭЛРО осторожно, хотя и весьма пространно и правильно, с достаточно большой убедительностью развивает необходимость электрификации сельского хозяйства—как единственно решающий выход из положения, но не первой, а последующей стадии нашего развития. Надо сказать, что, считая электрификацию важнейшим мероприятием для индустриализации сельского хозяйства, план ГОЭЛРО отнюдь не отбрасывает и других путей механизации сельского хозяйства. Некоторым сейчас может показаться, что курс партии на тракторы, на развитие сельскохозяйственного машиностроения,

¹¹ План ГОЭЛРО, с. 94—95. (Разрядка наша—А. Х.).

¹² Там же, с. 127—128.

мой реализацией одной из важнейших установок плана ГОЭЛРО. План ГОЭЛРО, являясь единым хозяйственным планом, рассчитанным на электрификацию всего народного хозяйства, в том числе и земледелия, исходит из того, что «на первых порах» нам придется безусловно разворачивать процесс механизации, процессы механизации на базе других энергетических систем и в частности на базе двигателя внутреннего сгорания. Он намечает тракторизацию, как предпосылку электрификации или же сочетает ее с электрификацией.

Известно, что правый оппортунизм, отражающий взгляд кондратьевцев и чайановцев, считает установку электрификации с.-х. установкой на «электрофикацию». Не понимая (а может быть прекрасно понимая?) грандиозного значения, которое сыграет электрификация в деле реконструкции, в деле ликвидации корней капитализма и создания основ социализма, мелкобуржуазные идеологи всяческих мастей выступают против электрификации с.-х. Эту вреднейшую установку план ГОЭЛРО разбивает логикой фактов и принципиальных положений. Об этом мы уже говорили, но, с другой стороны, есть люди, которые думают, что за это десятилетие мы по части электрификации переменили свои позиции и пошли по другой дороге. Верно ли такое положение? В плане ГОЭЛРО мы находим следующее весьма любопытное место: «Ясно, однако, что на ближайшее десятилетие мы отнюдь не можем ставить себе задачу сплошной электрификации нашего сельского хозяйства. Наше предыдущее изложение показывает, что проблема рационализирования сельского хозяйства теснейшим образом связана с рационализацией промышленности и транспорта»¹³.

Кстати сказать этот вопрос до некоторой степени сейчас является злободневным, ибо некоторые товарищи, исходя из того, что партия делает все возможное для тракторизации, говорят, что электрификация сельского хозяйства это идея далекого будущего, «музыка будущего», как они выражаются, и об этом можно не думать сейчас. Совершенно верно, что тракторизация является основной установкой на данном этапе развития. Это отнюдь не противоречит плану ГОЭЛРО.

План ГОЭЛРО в своей общей установке, рассчитанной на длительный период, говорит об электрификации всех процессов сельского хозяйства, но на первых порах и до тех пор пока мы не создадим основные предпосылки по линии нашей промышленности, пока широко не разовьется наша электротехническая промышленность, мы к электрификации сельского хозяйства, особенно в части полеводства подойдем с известным зигзагом. До этого момента мы должны поставить на первый план в области механизации земледелия тракторы, а дальше пойдут и тракторы и электроплуги, а в последней стадии электроплуги окончательно завоюют сельскохозяйственное поле.

План ГОЭЛРО таким образом в этой части в своих проектировках не намечает жестких количественных установок, не дает никаких твердых по сравнению с промышленностью и транспортом количественных масштабов электрификации и развертываний сель-

• 1

¹³ План ГОЭЛРО, с. 130. (Разрядка наша. А. Х.).

скохозяйственной продукции, а ставит вопрос об электрификации сельского хозяйства в зависимость от успехов индустрии, которые должны создавать материальные предпосылки для социалистической индустриализации сельского хозяйства.

Вот в основных чертах наметки и контуры плана ГОЭЛРО.

Чем же ценен для нас план ГОЭЛРО? В сжатом виде ответ может быть формулирован таким образом. План ГОЭЛРО является первым генеральным планом первой социалистической страны. В конкретных, весьма трудных и запутанных условиях, когда на мировом капиталистическом фронте получился прорыв и русский пролетариат прорвал капиталистическую цепь в самом ее слабом месте, после успешной ликвидации сил контрреволюции и изгнания интервентов план ГОЭЛРО явился первой научной программой победившего пролетариата. Подавив сопротивление эксплуататоров, пролетарская революция в России стала перед особыми трудностями, связанными с мировой ситуацией классовых сил и особенно с наличием в стране отсталых форм производства, и подавляющей массы мелкой буржуазии: План ГОЭЛРО в этих труднейших условиях революции намечает конкретные пути социалистической реконструкции. На базе учения Маркса, Энгельса и Ленина план ГОЭЛРО намечает конкретные пути изживания трудностей и коренное социалистическое преобразование нашей страны. План исходит из реальной возможности победы социализма над капитализмом в СССР и на основе реализации технико-экономической концепции Ленина намечает пути и методы скорейшего осуществления социализма. Принципиально историческое значение плана ГОЭЛРО заключается в том, что в нем мы впервые находим реализацию положительной социалистической программы. Сейчас может найтись не мало людей «умудренных» опытом и склонных поэтому критиковать план ГОЭЛРО задним числом. Поводов может быть много. Перед глазами таких критиков могут выступить отдельные «убедительные» факты, когда действительность внесла свои коррективы. Они могут апеллировать к тому обстоятельству, что в плане нет развернутых балансов, намечающих плавное равновесие (такие критики находят), нет детализации и т. п. Такая критика в свое время встречала резкий отпор со стороны гг. Ленина и Сталина. План ГОЭЛРО ценен для нас тем, что он являлся действенным орудием ленинизма, намечавшим хотя и в первом приближении путь пролетарской победы. В согласии с ленинской позицией автор плана ГОЭЛРО считал, что «мы должны только опасаться излишнего педантизма». По удачному выражению одного из товарищей, в этой работе нам больше услуги окажет грубый топор, чем тонкий фрезер. Мы должны сосредоточить все наше внимание на самом основном и существенном. Таким путем мы сможем подойти к действительному жизненному единому государственному плану нашего народного хозяйства и избежать той опасности (sic), которая нам угрожает при излишней детализации плана, потерей основной дороги». То, что критики считают минусом для плана, и Ленин и автор плана ГОЭЛРО считают плюсом. Следовательно план ГОЭЛРО явился классическим воплощением идей марксизма-ленинизма в труднейшей обстановке после прорыва капиталистического фронта на территории одной шестой части мира при намечании путей осуществления социализма. Вот

почему т. Ленин считал план ГОЭЛРО второй программой нашей партии. Вот почему т. Сталин в письме к Ленину с беспощадной силой разоблачает критиков ГОЭЛРО и ставит вопрос о немедленном начале его реализации.

Вот что писал т. Сталин по поводу плана ГОЭЛРО в 1921 г.
«Тов. Ленин!

Последние три дня я имел возможность прочесть сборник «План электрификации России». Болезнь помогла (нет худа без добра). Превосходная, хорошо согласованная книга.

Мастерский набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технически производственной базы. Помните прошлогодний «план» Троцкого (его тезисы) «хозяйственного возрождения» России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянско-рабочей массы (тудармии). Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом ГОЭЛРО! Средневековый кустарь, возмнивший себя ибсеновским героем, призванным «спасти» Россию сагой старинной... А чего стоят десятки «единых» планов», появляющихся то и дело в нашей печати на позор нам,—детский лепет приговоришек... Или еще: обывательский реализм (на самом деле маниловщина) Рыкова, все еще «критикующего» ГОЭЛРО и по уши погрязшего в тине...

Мое мнение:

- 1) не терять больше ни одной минуты на болтовню о плане;
- 2) начать немедленный практический приступ к делу;
- 3) интересам этого приступа подчинить по крайней мере $\frac{1}{3}$ нашей работы ($\frac{2}{3}$ уйдет на «текущие» нужды) по ввозу материалов и людей, восстановлению предприятий, распределению рабочей силы, доставке продовольствия, организации баз снабжения и самого снабжения и пр.;
- 4) так как у работников ГОЭЛРО при всех хороших качествах все же нехватает здорового практицизма (чувствуется в статьях профессорская импотентность), то обязательно влить в плановую комиссию к ним людей живой практики, действующих по принципу «исполнение донести», «выполнить к сроку» и пр.;
- 5) обязать «Правду», «Известия», особенно «Экономическую жизнь» заняться популяризацией «Плана электрификации» как в основном, так и в конкретностях, касающихся отдельных областей; памятуя, что существует только один «единый хозяйственный план»—это план электрификации, что все остальные «планы»—одна болтовня, пустая и вредная.

Ваш Сталин» ¹¹.

Март 1921 год.

Теперь следует перейти к характеристике плана ГОЭЛРО, к характеристике его количественных проектировок и степени их выполнения.

•

¹¹ Сталин, Сборник статей, Гиз, 1930, с. 43 - 49.

Здесь мне хотелось бы подчеркнуть одну мысль, показать одну деталь, которая еще раз подчеркивает перед нами величие плана ГОЭЛРО, ленинскую суть его. Известно, что темпы развития буржуазных стран, вследствие антагонистической и анархической природы буржуазного общества не велики. Отдельные страны и мировое хозяйство в целом в лучшем случае теперь совершают бег на месте. Это объясняется тем, что капитализм находится в тупике. Но не только теперь, в период всеобщего кризиса, капитализм не даёт заметных темпов развития, а топчется вокруг той точки, которую он достиг 16—17 лет тому назад, даже в период своего «просперити» капитализм не знал тех темпов развития, свидетелями которых являются творцы социализма. На основе капиталистического опыта буржуазные школы Громана, Кондратьева и др. одно время (в момент восстановительного периода) имели широкое распространение в нашей литературе. Даже отдельные плановые наброски того времени не прошли без их влияния. А между тем план ГОЭЛРО наметил за 10 лет превышение довоенного уровня в два раза. Такая проектировка является отступлением от капиталистических представлений о темпах. Но надо при этом учесть, что довоенный-то уровень в 1920 г. был чрезвычайно низок. Каков тот хозяйственный итог, который определяет наше наследие от буржуазно-помещичьего строя? Воспользуюсь для этой цели статистическими данными, опубликованными т. Крицманом в его книге «Героический период великой русской революции». В 1920 г. урожайность хлебов в нашем сельском хозяйстве составила 70% от средней довоенной урожайности, а общий сбор хлебов снизился с 4774 млн. пуд. (перед войной) до 2944 в 1920 г. Против 1916 г. мы в 1920 г. наблюдали огромное снижение абсолютного уровня нашего животноводства. Например по лошадям—на 25%, по крупному рогатому скоту на 21%. Падение технических культур в 1920 г. против 1913 г. составляет по отдельным культурам от 50 до 90%. Состояние промышленности в 1920 г. великолепно характеризуется следующей табличкой:

Производство 1920 в % к 1913

Добыча торфа	97,7
» нефти	42,7
производство табака	42,5
выделка кожи	38
производство кабелей	38
» льняной пряжи	38
добыча соли	30
производство шерстяной пряжи	27,5
добыча угля	27
производство соляной кислоты	26,7
» бумаги и картона	25
» пеньковой пряжи	23
» махорки	20
» сульфата	17,3
» аппаратов слабого тока	16,3
» паровозов	14,8
» спичек	14
» плугов	13,3
» аккумуляторов	12,5
» лампочек	10,1
» серной кислоты	9,0
» соды кальцинированной	7,2

производство сахара	6,7
» масла купоросного	5,9
» электротехнических машин и аппаратов сильного тока	5,4
» хлопчатобумажной пряжи	5,1
» азотной кислоты	4,4
» вагонов	4,2
» растительных масел	3,0
» чугуна	3,0
выплавка чугуна	2,4
производство огнеупорного кирпича	2,2
» красного »	2,1
добыча руд	1,7
выплавка меди	0,13

Эти цифры не нуждаются в пояснениях. Единственно, что здесь следует подметить, это то, что чем дальше мы спускаемся по линии тяжелой индустрии, тем сильнее это падение. Общий круг послевоенного разорения замыкается нулем по линии выплавки меди. Вот как обстояло положение в 1920 г. Но на фоне этих цифр ясно, что темпы, запрокинутые в плане ГОЭЛРО, ничего общего не имеют с темпами буржуазного развития. И действительно, темпы ГОЭЛРО сообразуются с условиями развития планового хозяйства.

Как обстоит дело с выполнением?

Я перечислю основные установки, которые были взяты ГОЭЛРО. По углю довоенная продукция—28 миллионов тонн, по ГОЭЛРО 62 млн. тонн. Что у нас выполнено на сегодняшний день? 51 миллион тонн. По нефти довоенная продукция—9,3 млн. тонн по плану ГОЭЛРО—9,8 млн. тонн, на сегодняшний день выполнено 16,2 млн. тонн, т. е. на сегодняшний день по нефти уже мы перевыполнили план ГОЭЛРО, примерно, в два раза, по каменному углю подходим к выполнению задания. Торф: довоенная продукция—1,6 млн. тонн, по плану ГОЭЛРО—16,4 млн. тонн, на настоящий момент—10,5 млн. тонн. По железной руде: по плану ГОЭЛРО—19,1 млн. тонн, в 1929/30 г. мы имеем 10 млн. тонн. По чугуну по плану ГОЭЛРО—8,2 млн. тонн, в настоящий момент—5,5 млн. тонн, по мартену по плану ГОЭЛРО—8,8 млн. тонн в 1929/30 г. мы имеем 10 млн. тонн. По прокату: по плану ГОЭЛРО—7 млн. тонн, в 1929/30 г.—5 млн. тонн. По сельскохозяйственным машинам: по плану ГОЭЛРО—140 млн. руб. в 1929/30 г.—342 млн. руб. По суперфосфату: по плану ГОЭЛРО—110 млн. тонн, в 1929/30 г.—475 млн. тонн. По электротехнике мы сейчас превосходим план ГОЭЛРО примерно в 15 раз. По всей промышленности мы в 1929/30 г. уже превосходим план ГОЭЛРО, примерно, на 8% по общей суммарной продукции. Следовательно, по всей промышленности мы имеем выполнение плана ГОЭЛРО с превышением по линии отдельных показателей, в частности по линии металлов вплотную подходим к выполнению показателей плана ГОЭЛРО, но по железной руде и по чугуну мы несколько отстали. Теперь надо особо выделить вопрос о выполнении плана ГОЭЛРО по электростроительству. По электрификации: план суммарной мощности намечен в 1½ млн. киловатт. при 30 районных станциях. На сегодня мы имеем не

¹⁵ Крицман, Героический период великой русской революции, с. 159.

¹⁶ Идется в виду истекший 1929/30 хозяйственный год.

1½ млн. киловатт, а 1310 тыс. киловатт. Следовательно, план ГОЭЛРО по общим показателям на сегодня выполнен, по валовой продукции даже перевыполнен, невыполнен по важнейшим показателям промышленности, в частности по линии металла и особенно электрификации. Вот каково положение с выполнением плана ГОЭЛРО на сегодня.

По линии же транспорта на сегодня, если не ошибаюсь, электрифицировано чуть ли не 50 км пути.

Если по отдельным весьма важным показателям мы по сравнению с капиталистическими странами примерно занимаем четвертое, пятое, шестое, седьмое место, спешно догоняем и перегоняем по ним отдельные страны Европы, то по линии транспорта мы занимаем самое последнее место. Здесь дело обошлось без помощи вредительства. Вопрос о транспорте, о магистральной и сверхмагистральной путях, вопрос об электрификации решающих путей, как Донбасс, Москва, где протекают огромные угольные потоки, таких путей, как Москва—Урал, еще в плане ГОЭЛРО занимал солидное место. Эти пути не получили того развития, которое намечало ГОЭЛРО, и по линии реконструкции транспорта мы имели влияние фон-Мекков, всяческими путями не допуская электрификации транспорта. Нашлись такие коммунисты, которые объективно поддерживали их, ссылаясь на опыт капиталистических стран и в частности на опыт Америки, где нет еще электрификации транспорта в широких размерах. Само собой разумеется, что в капиталистических странах были и есть причины, благодаря которым электрифицированный транспорт не получил большого развития. Товарищи, пользовавшиеся такой аргументацией и борющиеся против коренной реконструкции транспорта, бессознательно теоретически оформляли деятельность вредителей, совершенно забывали тот факт, что электрификация транспорта есть такая мера, которая не может быть широко проведена в капиталистических странах. Это вытекает из основных положений Энгельса и Ленина, потому что тормозом в деле электрификации транспорта в Америке и в капиталистических странах вообще является отсутствие единой сети, единого плана электрификации. А единая плановая электрификация невозможна без единого планового хозяйства.

Надо сказать, что идея ГОЭЛРО по части транспорта целиком и полностью себя оправдала. Она является единственно правильной, когда мы начнем серьезно подходить к реконструкции транспорта. Тут решительно выступает проблема электрификации, как величайшая проблема социалистической реконструкции транспорта. Сейчас, когда после XVI партсъезда НКПС подошел к проблеме реконструкции, когда оппортунистические теории т. Бессонова были вскрыты, тогда НКПС решил пойти по линии электрификации транспорта, и к концу пятилетнего плана по его наметкам мы получим электрификацию транспорта в масштабе ГОЭЛРО.

Мы также отстали по линии электрификации сельского хозяйства. В этом вопросе имеется целый ряд трудностей: план ГОЭЛРО намечает в общих чертах основные пути реконструкции и обобществления и перехода к электрификации сельского хозяйства, но план также учитывает трудности, имеющиеся в этой области и поэтому указывает, что электрификация его проводится «во вторую очередь», что мы должны будем создать надлежа-

щие предпосылки. Отсюда вытекает, что на первых порах главная роль будет принадлежать энергетике трактора. Но тут надо сказать, что если мы до сих пор не имели условий для создания сплошной электрификации сельского хозяйства (в чем споров быть не может), если на первых порах трактору суждено играть доминирующую роль в деле реконструкции сельского хозяйства, особенно в его полеводческой части, то это отнюдь не значит, что мы не начнем переходить к завершению общей электрификации «электрификации всей страны» (Ленин). Когда создадутся основные предпосылки для дальнейшего развития электрификации, мы перейдем к электрификации сельского хозяйства гигантскими шагами. Материальные предпосылки для этого куются на наших глазах.

По электрификации сельского хозяйства на сегодняшний день мы имеем нуль, потому что 50 тыс. киловатт есть величина очень незначительная. Мы еще не создали тех опорных пунктов, о которых говорил т. Сталин на XVI съезде партии. Отсутствие образцовых электрифицированных хозяйств, отсутствие надлежащей постановки опытного дела является тому достаточным подтверждением. Мы здесь не сделали всего того, что можно было сделать. Частично наша практика здесь проморгала, а частично здесь сказывается буржуазное влияние и вредительство. Если мы не имели решающих предпосылок для развития сплошной электрификации, то это не значит, что мы должны были застрять на 50 тыс. киловатт. Это величина, достаточная для электрификации одного сельскохозяйственного участка, а не для электрификации мощного сельского хозяйства, которое мы имеем в нашей стране. Я в своей книге об электрификации сельского хозяйства привел отдельные подсчеты (см. А. Ханковский, К победе социализма в сельском хозяйстве). Отдельные подсчеты имеются у т. Ужанского (см. журн. «Большевик» № 10, 1930 г.). Он говорит о тракторизации в Америке и связывает тракторизацию с электрификацией. Доля машины, механического силового двигателя, в нашем сельском хозяйстве на сегодняшний день чрезвычайно невелика. В 1927/28 г. она составляла—8,3%. В 1932/33 г. по пятилетке для механического двигателя в общем силовом балансе нашего сельского хозяйства достигнет 22%, а в Америке этот процент для 1929 г. составит 58,2. Но доля электрификации в общем силовом балансе нашего сельского хозяйства абсолютно ничтожна. Опыты по электропахоте начались по инициативе т. Ленина. Он даже лично выезжал на Ходынский хуторок и следил за этими опытами. Потом эти опыты были вдруг прекращены. В 1925/26 г. эти опыты были ликвидированы. Сейчас выясняется, что в деле электрификации с.-х. вредительские установки Кондратьевых, Чайновых и друг. играли не малую роль. Вредители по-своему учли значение электрификации с. х. и сделали все для того, чтобы замолчать, дискредитировать и задержать развитие электрификации сельского хозяйства.

Я должен внести одну поправку в ту оценку плана ГОЭЛРО, которая здесь была дана. Мы сегодня празднуем десятилетие плана ГОЭЛРО, но не десятилетие выполнения этого плана. Мы празднуем десятилетие постановления вопроса на съезде советов. Что же касается десятилетия выполнения плана ГОЭЛРО, то оно истекает не сегодня, а в конце пятилетки — в 1933 г.

Следовательно десятилетний оптимальный вариант плана ГОЭЛРО по срокам исполнения совпадает с уточненным пятилетним планом. Я воспользуюсь некоторыми неопубликованными данными уточняемого пятилетнего плана. По этим данным получается выполнение плана ГОЭЛРО в оптимальный срок. По каменному углю в конце пятилетки по уточненному варианту мы будем иметь 415% против довоенных. Это означает, что мы превосходим план ГОЭЛРО, поскольку план ГОЭЛРО удваивает довоенную продукцию, мы превосходим план ГОЭЛРО в два раза. По нефти 445% против довоенных. По торфу 1 тыс. %, т. е. в 10 раз больше против довоенной цифры. План ГОЭЛРО наметил торфа 16,4 млн. тонн, а в конце пятилетки мы получим 33 млн. тонн. Вот вам картина выполнения за 10-летний срок. По железной руде мы несколько отстали. Такова картина выполнения плана ГОЭЛРО. В 1932/33 г. мы почти в два раза превышаем план ГОЭЛРО. По чугуну в 2 раза перевыполняем план ГОЭЛРО к концу пятилетки. Прокат в $4\frac{1}{2}$ раза больше довоенного; здесь перевыполнение плана ГОЭЛРО больше чем в два раза. Сельскохозяйственное машиностроение: тут мы были раньше очень бедны, поэтому план ГОЭЛРО против довоенного дает увеличение в 20 раз, а следовательно сейчас план ГОЭЛРО. перевыполняется в 10 раз. Суперфосфат—в 15 раз против довоенного, следовательно в 8 раз перевыполняется план ГОЭЛРО. Цемент в 2 раза против довоенного. Таким образом к моменту действительного выполнения плана ГОЭЛРО мы план перевыполним по всем важным показателям в 2 раза. Наш довоенный уровень будет перевыполнен по всем важным народнохозяйственным показателям в 4—5 раз. По плану электротехнической промышленности, который является показателем электрификации, несмотря на вредительство мы получаем превышение довоенного уровня в 1933 г. примерно в 60 раз и следовательно в 30 раз, грубо говоря, перевыполняем план ГОЭЛРО. В данный момент план ГОЭЛРО по отдельным важным показателям еще не выполнен. Какую картину мы получаем в конце пятилетки в 1933 г. по части электрификации? Уже через год, т. е. к концу декабря будущего года, мы вводим новую мощную электростанцию в полтора миллиона киловатт. Следовательно за один год по плану намечается суммарная мощность, равная целой программе ГОЭЛРО. Нужно сказать, что к концу пятилетки мы перевыполним план ГОЭЛРО по районным станциям примерно в 4 раза. Мы добьемся мощности по районным станциям примерно в 6 млн. киловатт, а общая мощность будет доведена до 9—10 млн. киловатт. Вот какая картина получается, когда мы сравниваем показатели плана ГОЭЛРО со сроком его выполнения, который истекает в 1933 г. На сегодняшний день, однако, приходится особенно подчеркнуть наше серьезное отставание по линии электрификации. Какие причины отставания электрификации и чем объяснить, что по народнохозяйственным показателям мы перевыполняем план уже на сегодня, а электрификация у нас до некоторой степени отстает.

Чем объяснить тот факт, что электрификация стала сдерживающим началом социалистической реконструкции народного хозяйства в тот момент, когда темп этой реконструкции стал форсированно наступательным? Причины вкратце следующие:

1) о-первых, капитальные вложения в электростроительство

за весь период были явно недостаточными, для того чтобы создать мощную энергетическую базу.

В-вторых, темп капитального электростроительства, а следовательно и темп прироста мощностей был явно недостаточным, вследствие того, что центр тяжести по созданию мощной электроэнергетической базы был передвинут на самый конец планового периода.

В-третьих, восстановление народного хозяйства могло происходить и на старой энергетической основе, а следовательно при наших трудностях это не могло дать необходимых импульсов к современному электростроительству.

В-четвертых, в отличие от восстановительного процесса всей промышленности, где в основе речь шла об освоении старого наследия (разумеется на новой основе), а следовательно, можно было обойтись относительно малыми ресурсами, электрификация с самого начала требовала значительных средств, в том числе и импортных контингентов, что в свою очередь казалось иногда понятным с точки зрения интересов дня, а нередко затруднительным вследствие ограниченных контингентов импорта.

В-пятых, промышленность недостаточно планомерно создавала базу для электрификации. Это в первую голову относится к электротехнической промышленности, цветной и котлотурбостроительной промышленности.

В-шестых, по ряду конъюнктурных обстоятельств восстановительного периода (1924—1926 гг.) в частности в результате восстановления транспорта, топливной промышленности, давшей перепроизводство угля и нефти, создавалось внешнее видимое благополучие, что на первый взгляд делало идею электрификации незлободневной, непрактичной и абстрактной.

На этой основе темп электрификации шел не в соответствии с темпом роста промышленности, а следовательно электрификация не могла служить достаточной базой развития последней.

В-седьмых (что особенно важно), в наших практических расчетах мы явно недооценили темп восстановления, а особенно реконструкции всего народного хозяйства и главным образом темп роста социалистической промышленности. При твердом курсе партии на форсирование социалистической индустриализации страны, при правильном проведении генеральной линии партии и мобилизации на этой основе сил и ресурсов страны, на основе мобилизации социалистических резервов и возможностей темпы развития промышленности оказались поразительными, планы перевыполнялись. Отсюда намеченная нами в плане ГОЭЛРО известная пропорциональность развития промышленности и электрификация оказалась резко нарушенной по мере развертывания темпов социалистической реконструкции. Это положение не было своевременно исправлено соответствующей перегруппировкой средств в сторону усиления электростроительства. Здесь сыграла немалую роль вредная, потухающая восстановительная (точнее оппортунистическая) идеология ряда хозяйственников, которые мыслили, что по линии электрификации мы будем догонять Америку со скоростью чере-

лахи. По мнению этих гг. для нас остались ненарушимыми законы капиталистического развития в отношении темпов. В результате не были предвидены чисто качественные, глубоко реконструктивные тенденции, которые неизбежно должны были вызвать большой спрос на электроэнергию.

В восьмых, электростроительство нередко развивалось бесплано, господствовали беспримерно рабские темпы, а средства распылялись по широкому фронту, вследствие чего огромные средства надолго увязли без какого бы то ни было эффекта.

Кроме того вредители сделали все для того, чтобы остановить нашу электрификацию. Чтобы задержать темп нашего развития, они концентрировали главный удар по линии электрификации. Удар, нанесенный здесь, сильнее всего.

Правда, когда они пытались навязать программу по части производства электроэнергии в 17 млн., мы ее отвергли, но все же нет сомнений, что вредители сыграли самую серьезную роль. Вредительство, пожалуй является главной причиной нашего отставания на этом важном участке. Сейчас, когда поле свободно, мы план ГОЭЛРО к концу пятилетки по этой линии перевыполним в 4—5 раз.

Подводя итоги выполнения плана ГОЭЛРО, нельзя забывать об одном моменте. Необходимо поставить перед собой вопрос о том, как же планировали наши классовые враги, как по их расчетам должно было пойти развитие народного хозяйства и какие пути нужно наметить, чтобы пойти по линии восстановления народного хозяйства. Какова была, так сказать, классовая программа буржуазии, как она мыслила дело «спасения России».

Целый ряд журналистов, экономистов, идеологов буржуазии наравне с нами в 1920 г. выработывали программу реконструкции народного хозяйства. Они также намечали программу на случай победы буржуазии. Имеется очень много интересных документов. Я уже не говорю о том, что Рамзин в свое время хотел дать другое направление нашему народному хозяйству. Но любопытнейшую картину представляет собой наметка плана восстановления и реконструкции в ковычках хозяйства, которую намечал Гриневецкий. Нужно сказать, что Гриневецкий достаточно хорошо знал нашу промышленность, и больше того, он по образованию является не экономистом, а техником.

Он говорит примерно, что для безболезненного восстановления народного хозяйства нужны два условия: 1) буржуазные основы страны, хотя он делает оговорку в сторону новых течений, учитывая настроение масс, и 2) иностранные вложения в сумме 15—17 млрд. рублей. Он делал подсчеты, почему нужна именно эта сумма. Он указывал, сколько денег нужно нашему хозяйству и сколько мы можем давать. Вот откуда получилась сумма 15—17 млрд. рублей золотом. Срок по его мнению нужен 10—12 лет. Это очень характерно. Он писал свой труд еще до плана ГОЭЛРО, но он дает основную наметку. Если же не будут восстановлены капиталистические условия народного хозяйства и промышленности, то, по его мнению, произойдет упадок и т. д.

Подводя итоги плана ГОЭЛРО, мы видим, что за 7 лет, а не за 10—12, и без иностранной помощи не только достигли восста-

новления нашего народного хозяйства, но удвоили его против довоенного.

Хребтовый год пятилетки намечает такие темпы и такие абсолютные величины, которые поражают как наших врагов, так и друзей. Довоенный уровень нашей промышленности начинает нам казаться неприятным воспоминанием далекого прошлого. Бывшие когда-то яркими звездами на хозяйственном небе количественные наметки ГОЭЛРО начинают меркнуть. «Электрический транспорт» нашей социалистической страны тащит нас прочь от них на более высокую ступень. Мы завершаем построение фундамента социалистической экономики. «Мы идем на всех парах по пути индустриализации к социализму, оставляя позади нашу вековую «рассейскую отсталость» (Сталин). Ленинский план ГОЭЛРО оказался реальностью. Социализм побеждает на глазах погибающего старого мира.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В РЕДАКЦИЮ «ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ»

В октябре 1930 г. вышла в издании Коммунистической академии моя книга «Очерки буржуазной теоретической экономики» (к характеристике социального направления). В этой книге имеются очень существенные пробелы и допущен ряд серьезных теоретических ошибок. Так например мною обойдены очень актуальные вопросы о проникновении идей социального направления в СССР, о связи этого направления с рублинизмом и с социал-демократическими теориями. В моей книге затушеван вопрос о кризисе, переживаемом современной буржуазной экономической мыслью, и о той опасности, которую представляет развитие социального направления. Несмотря на мое субъективное желание вооружить читателя в борьбе с рублинизмом и другими отклонениями от марксизма, моя книга объективно замазывает эту борьбу.

В своей критике отдельных представителей социального направления я основное внимание сосредоточил на рассмотрении логических конструкций отдельных авторов, не заострив в достаточной степени вопроса о социально-классовых корнях этих конструкций, не выпятив достаточно апологетической сущности последних. В тех случаях, где я пытался показать преимущества критикуемых авторов над общей массой вульгарных экономистов, мною дается оценка этих преимуществ в такой форме, которая может дать повод для утверждений о слишком положительной оценке критикуемых авторов, о недопустимом их сближении с Марксом. В результате я должен констатировать, что критика, данная мною в этой книге, страдает формализмом, излишним академизмом и расходится с теми боевыми традициями, которые существуют в среде воинствующего марксизма.

Кроме того в данной книге, которая была написана и сдана в печать еще до окончания дискуссии о политической экономике, имеется ряд механистических утверждений.

Выявление допущенных ошибок в настоящей книге делает для меня необходимым критический пересмотр всех моих работ. В одном из ближайших номеров «Проблем экономики» я постараюсь дать развернутую самокритику ошибок, допущенных в моих работах, для того чтобы иметь возможность теснее связать свою работу с действенной марксистской критикой, с борьбой против всяких уклонов от революционного марксизма — ленинизма.

И. Блюмин.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ»

за 1930 г.¹

I. ОБЩЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

К XVI партсъезду. IV — V, 3 — 6.

XVI партсъезд и задачи теоретического фронта. VI, 3 — 7.

Милютин В. Итоги XVI партсъезда. VII, 3 — 12.

Обращение ЦК ВКП (б). VIII — IX, 3 — 8.

Губерман. Выполнение пятилетки и плана ударного квартала. X, 3 — 11.

Березин. Блок оппортунистов. XI — XII, 3 — 9.

II. ТЕОРИЯ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Гатовский Л. О предмете и методе теории советского хозяйства. I, 44 — 84.

Раскин Б. Проблема эмиссии денег в переходном хозяйстве. I, 85 — 111.

Смит М. К вопросу об учете эффективности капитальных вложений. II, 10 — 24.

Турецкий Ш. Сфера обращения в свете перспективного развития. II, 25 — 39.

Раскин Б. Производство, распределение, обмен и потребление при капитализме и в переходном хозяйстве. II, 40 — 65.

Козлов Г. Перерождение кредита. II, 66 — 94.

Кривицкий М. К вопросу об этапах нашей экономики. III, I — IX².

Смит М. Незатухающие темпы. III, 3 — 15.

Крицман Л. К анализу происходящего перелома. IV — V, 7 — 26.

Раскин Б. К анализу переходного хозяйства. IV — V, 27 — 51.

Рыльский М. Об одной опасной теории. IV — V, 52 — 62.

Вейц В. Техническое перевооружение СССР и капиталистических стран. IV — V, 63 — 94.

Колдобский А. Индустриализация СССР между XV и XVI съездами. IV — V, 95 — 121.

Бессонов С. О путях реконструкции транспорта в разрезе генерального и пятилетнего планов. IV — V, 122 — 144.

Флаксерман Ю. Черновые наброски заданий к генеральному плану электрификации. IV — V, 145 — 183.

Тайц М. О преимуществах нашего хозяйственного строя. VI, 8 — 19.

Руденко Г. К вопросу об эффективности вложений в промышленность. VI, 20 — 35.

Дедков С. О путях развития каменноугольной промышленности СССР. VI, 36 — 51.

Раскин Б. О некоторых категориях и закономерностях социалистического хозяйства. VI, 102 — 131.

Варшавский и Крыжов Л. К вопросу о задачах и содержании генплана. VI, 132 — 140.

Бялый И. Эволюция проблемы «кто-кого». VII, 13 — 25.

Вейц В. Основные вопросы энергетического перевооружения СССР. VII, 26 — 46, XI — XII, 10 — 50.

Гохман И. Основные методы развития металлургической промышленности. O. VII, 47 — 63.

Зангвиль З. Кредитная система в реконструктивный период. VII, 64 — 74.

Кривицкий М. К проблемам экономики переходного периода. VIII — IX, 41 — 49.

Ханковский А. Задачи электрификации на новом этапе. O. VIII — IX, 50 — 81.

Козлов Г. Заметки о кулацкой денежной политике. X, 11 — 19.

Дольников И. и Колдобский А. Проблема плана на новом этапе. X, 44 — 60.

Гольдштейн Ю. Легенда и правда о демпинге. XI — XII, 51 — 67.

Лейбман. Об одной опасной правооппортунистической теории воспроизводства. XI — XII, 118 — 136.

III. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ

Милютин В. и Боролин В. К разногласиям в политической экономии. I, 3 — 18.

Преображенский Е. Изменения в стоимости золота и товарные цены. I, 112 — 131.

•

¹ Римскими цифрами обозначен номер журнала, арабскими — страницы; стоящие после заглавия статьи буквы означают: Д — что статья помещена в дискуссионном порядке, О — в порядке обсуждения.

² Здесь римские цифры I — IX обозначают страницы.

- Блюмин И. Теория Штольца. I, 131 — 145, III, 79 — 100.
 Варга Е. Накопление и крах капитализма. III, 31 — 62.
 Пашков А. «Качество» и «количество» в теории австрийской школы. III, 63 — 78.
 Бурдянский И. М. Против механизма в рационализации. III, 101 — 120.
 Орлеанский А. Формулы схем простого и расширенного воспроизводства. VI, 91 — 101.
 Гилевич В. Проблема расширенного воспроизводства. О. VII, 104 — 133.
 Михайлович С. Капиталообразование и зарплата. VIII — IX, 30 — 40.
 Блюмин И. Теория Аммона. VIII — IX, 81 — 107.
 Олешинский П. (Клевцов) Теория обнищания в обработке проф. Фалькнера. X, 20 — 43.
 Рейхардт В. Теория кредита Маркса и ее упразднение Гильфердингом. X, 61 — 79.
 Долинский И. Проблема цикла Уэслея К. Митчелля. X, 80 — 103.
 Громов Е. Источники дифференциальной ренты. XI — XII, 89 — 117.
 Зиман Л. Всеобщий закон капиталистического накопления. XI — XII, 63 — 83.

IV. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

- Мендельсон Л. Американское «процветание» в свете всеобщего кризиса капитализма. I, 18 — 43.
 Милютин В. Экономический кризис в капиталистических странах. II, 3 — 9.
 Михайлович С. Мировой экономический кризис и теории бескризисного развития капиталистического хозяйства. III, 16 — 30.
 Докунин В. Проблема экспорта капитала в свете расширенного воспроизводства Маркса — Ленина. VI, 52 — 72.
 Зиман Л. О типах хозяйственных связей в современном капиталистическом хозяйстве. VI, 73 — 90.
 Докукин В. Железнодорожный транспорт в САСШ. VII, 75 — 92.
 Герцбах М. Мировой экономический кризис и международные монополии. VII, 93 — 103.
 Рубинштейн М. Мировой экономический кризис и борьба рабочего класса. VIII — IX, 9 — 16.
 Флаксерман Ю. Второй мировой энергетический конгресс в Берлине. VIII — IX, 17 — 29.

V. СПИСОК РАЗОБРАННЫХ КНИГ

- Штернберг Ф. Империализм. См. ст. Г. Дашевского. I, 146 — 154.
 Сборник статей под редакцией С. Бессонова и А. Кона, «Рубинщина и марксизм». Абезгауз Г., Дукор Г., Меерзон Д. I, 155 — 172.
 «Буржуазная апологетика в политической экономии» (о Касселе). Деборн Г. II, 121 — 133.
 Спектатор М. Теория аграрных кризисов. См. ст. Я. Шафира. II, 134 — 139.
 Генрих Кунов. Всеобщая история хозяйства. См. ст. Е. Преображенского. II, 140 — 145.
 Берлин П. Очерки развития экономических учений в XIX и XX вв. См. ст. С. Щеголева. II, 146 — 150.
 «Кредит и конъюнктура». См. ст. А. Берштейна. III, 121 — 132.
 Денни. Америка завоевывает Британию. См. ст. Зимана Л., О победах и противоречиях капитализма в САСШ. IV — V, 179 — 221.
 Бурдянский И. М. Основы рационализации производства. См. ст. Г. Торбек. VI, 141 — 146.
 «Три книги по актуальнейшим проблемам нашей экономики». Б. Н. VII, 134 — 146.
 «Буржуазные симпатии и правые теории». См. ст. Л. Зимана. VIII — IX, 108 — 123.
 «По поводу замечаний Маркса о книге Адольфа Вагнера. Еще одна сокровищница марксистской мысли». Э. Першман. VIII — IX, 124 — 131.
 «Основные моменты реконструкции промышленности СССР» (очерки). См. ст. Е. Равинского. VIII — IX, 132 — 136.
 Ю. и М. Кучинские. Фабричный рабочий в американском хозяйстве. Э. II. VIII — IX, 137 — 140.
 «Основные проблемы политэкономии». Об одном неокантианском сборнике. См. ст. Партигула. X, 129 — 134.
 Мышкис В. С. Темпы индустриализации и обобществления на Украине. См. ст. Е. Равинского. X, 135 — 140.

- Вишнев С. М.** Военная промышленность иностранных государств. См. ст. А. Гиршфельда. X, 141 — 146.
 «На новом этапе». Батиков. XI — XII, 137—153.
Блюмин И. Очерки современной буржуазной экономики. См. ст. Пильмейстера. XI — XII, 154—164.
 Журнал «Пути индустриализации». Саркисов. XI.— XII, 165—170.

VI. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- О новом этапе нэпа (изложение доклада т. Розенталя и прения по нему в Экономической секции Комакадемии). А. Лерман. IV — V. 189 — 221.
 Капиталистическая и социалистическая рационализация (изложение доклада т. В. Ледера и прения по нему в Секции техники Ин-та экономики Комакадемии). А. Лерман. VI, 147 — 155.
 Актуальные вопросы преподавания политической экономии (доклад Д. Розенберга и прения). А. Лерман. VII, 147 — 161.
 О задачах Института экономики в области научно-исследовательской работы. VIII — IX, 141 — 145.
 10 лет плана Гозлро. Доклад т. А. Ханковского на заседании Коммунистической академии. XI — XII, 171 — 203

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Борилин Б., Вайсберг Р., Грановский Е., Козлов Г., Кривицкий М., Мчлугин В.
 (отв. ред.), Рубинштейн М., Флаксерман Ю.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	Стр.
Н. Березин. Блок оппортунистов	
В. Вейц. Динамика энергетического перевооружения СССР.	10
Ю. Гольдштейн. Легенда и правда о демпинге	51
Л. Зиман. «Всеобщий закон капиталистического накопления» Маркса и его «модификаторы».	68
Е. Громов. Об источнике дифференциальной ренты (в дискуссионном порядке)	89

Трибуна

Я. Лейбман. Об одной прооппортунистической «теории» воспроизводства в СССР	118
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Батиков. К вопросам нового этапа	137
И. Пильмейстер. Об одной немарксистской книге	154
С. Саркисов «Пути индустриализации»	165

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 10-летию юбилею плана ГОЭЛРО. Доклад в Комкадемии А. Ханковского Вступительное слово В. Милютин	171
--	-----

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

И. Г. Блюмин. Письмо в редакцию «Проблемы экономики»	204
Содержание журнала «Проблемы экономики» за 1930 г.	205

ОГИЗ — Государственное социально-экономическое издательство

**ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1931 ГОД
НА ЖУРНАЛЫ, ИЗДАВАЕМЫЕ**

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИЕЙ

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ**

Условия подписки: на год 10 р., на 6 м. 5 р.

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА**

Орган Инст. мир. хоз. и мир. полит.

Условия подписки: на год 12 р., на 6 м. 6 р.

**ТРЕХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИСТОРИЯ ПРОЛЕТАРИАТА СССР**

Орган Секции по изучен. истории пролетариата СССР Института истории.

Условия подписки: на год 7 р. 50 к., на 6 м. 3 р. 75 к.

**ТРЕХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И МАРКСИЗМ**

Орган Секции естественных и точных наук.

Условия подписки: на год 7 р. 50 к., на 6 м. 3 р. 75 к.

**ТРЕХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПРОБЛЕМЫ КИТАЯ**

Орган Научно-исследоват. института по Китаю при Комму. универ. трудящихся Востока.

Условия подписки: на год 7 р. 50 к., на 6 м. 3 р. 75 к.

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
НА АГРАРНОМ ФРОНТЕ**

Орган Агр. инст. Комакадемии.

Условия подписки: на год 12 р., на 6 м. 6 р.

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ
ПРАВА**

Орган Инст. права и сов. строит.

Условия подписки: на год 12 р., на 6 м. 6 р.

**ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИСТОРИК-МАРКСИСТ**

Орган. Об-ва историков-марксистов и Института истории.

Условия подписки: на год 12 р., на 6 м. 6 р.

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОСТИ**

Орган Совета национальностей ЦИК СССР и Комакадемии.

Условия подписки: на год 6 р., на 6 мес. 3 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПОВСЕМЕСТНО ОТДЕЛЕНИЯМИ ОГИЗА И ПОЧТОЙ

ДВА РУБЛЯ 50 КОПЕЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ЗАКАЗЫ И ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ